

**Муниципальное образование
«Городской округ город Магас»**

**ГБУ «Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева»**

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
«МАГАС: ДРЕВНИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ»**

(г. Магас, Республика Ингушетия, 12 апреля 2021 г.)

Магас
2021

УДК 903.2
ББК 63.3(29=Инг)
М 34

Ответственные редакторы Н.Д. Кодзоев, М.Б. Долгиева

Редакционная коллегия:

Т. А-Х. Дзаурова, А.А. Захарова, З.Р. Дзуматова,
М.Н. Катиева, Т.Х. Матиев, Т.У. Яндиева

М 34 Материалы международной научно-практической конференции «Магас: древний и современный». Сборник статей. Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2021, 252 с.

Сборник подготовлен учеными-историками Ингушетии, регионов Юга России, Москвы, ближнего и дальнего зарубежья в рамках организации и проведения Международной научно-практической конференции «Магас: древний и современный».

В статьях историков, археологов, этнографов подняты темы, как исторической направленности, так и сегодняшней жизни стран и народов. Читатель познакомится с различными версиями местонахождения исчезнувшего города Магаса, узнает об изысканиях археологов, интересных находках и тайнах древних курганов, новых фактах из прошлого народов Северного Кавказа, их материального и культурного наследия, станет свидетелем многочисленных открытий и не менее многочисленных проблем современности.

ISBN 978-5-98864-139-1

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник трудов издается к Международной научно-практической конференции «Магас: древний и современный», которая состоится 12 апреля 2021 г. Конференция готовится Ингушским научно-исследовательским институтом гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева совместно с Администрацией города Магаса.

В сборник вошли статьи ученых историков, этнографов, археологов, психологов, представляющих многие регионы Российской Федерации, а также страны ближнего и дальнего зарубежья.

Об огромном интересе к древней и современной истории города Магаса свидетельствует число авторов, разноплановость статей и разнопрофильность учреждений, представители которых прислали статьи для участия в данной конференции.

История Магаса уходит вглубь веков. Средневековый Магас – исчезнувший город, известный по древним хроникам.

Современный Магас – столица Республики Ингушетия. Он был заложен в 1994 году на том месте, где по предположению ингушских историков находилась одноименная столица средневекового аланского государства.

Сборник начинается со статьи зав. сектором «Культурно-историческое наследие Ингушетии» Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева Н.Д. Кодзоева, предложившего название для новой столицы Ингушетии.

Следом идут статьи российских археологов С.Б. Буркова, Ю.А. Прокопенко, В.Ю. Малашева, проводивших раскопки на территории строительства нового Магаса и в его окрестностях.

Альтернативная точка зрения о местонахождении средневекового Магаса дается в статье доктора исторических наук Е.И. Нарожного.

В.Е. Нарожный, Е.И. Нарожный, Ю.А. Прокопенко в своих статьях предоставляют материал о некоторых видах вооружения XIII–XIV вв. из высокогорной Ингушетии. Авторы анализируют характеристики типов мечей и кинжалов, исследуют традиции и инновации, касающиеся оформления мечей.

В своей статье П.Х. Акиева поднимает проблему происхождения алан и борьбу научных гипотез, Марет Цароева (Mariel Tsaroeva) из Франции анализирует язык и древние верования ингушей, которые хранят отголоски древнейшей истории Кавказа.

Статья А-М.М. Дударова посвящена ингушской топонимике на территории современной Осетии, Т.А-Х. Дзаурова знакомит читателей с интересными фактами древнего ремесла – обработкой камня в Ингушетии, которая уходит своими корнями в глубокую древность.

В статье Л.Т. Агиевой говорится о традиционном женском головном уборе ингушей – «курхарсе».

Авторы из Азербайджана Г.Н. Гасанов, З.А. Кафарова, Э.А. Магеррамов и Р.Ю. Нифталиев затрагивают аграрные проблемы, в том числе вопросы землеустройства в азербайджанской деревне в 20-е годы XX в. и подготовки аграрных реформ на Кавказе, роли в этом процессе генерала П.А. Ладинского.

В своей статье М.Г. Куёк представляет современное искусство Кавказа в арт-пространстве виртуальной реальности.

Статья Т.Ш. Биттировой посвящена творчеству ингушской поэтессы Марьям Льяновой, направленному на сближение культур народов Северного Кавказа.

В статье А.Д. Койчуева, Л.К. Текеевой, Д.Д. Чотчаева идет речь о борьбе партизанских отрядов на территории Белоруссии, среди которых мужественно сражались с фашистами и горцы Северного Кавказа. В результате поисковой работы им удалось установить имена около 300 человек.

М.Б. Долгиева, Д.А. Зангиева рассматривают вопросы, связанные с формированием национальных военных соединений, внесших весомый вклад в борьбе с фашистской Германией. Конкретно

исследуется процесс создания и боевой путь 255-го отдельного Чечено-Ингушского кавалерийского полка.

Р.М. Султанбеков показывает роль министра иностранных дел Горской республики Гайдара Баммата в становлении и развитии отношений Горского правительства и Азербайджанской демократической республики (1918–1920 гг.). По мнению автора, Гайдар Баммат был одним из основных пропагандистов и последователей идеи объединения Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа в единое конфедеративное кавказское государство.

Статья А.Ю. Кодзоева посвящена теме черкесской трагедии в ингушской эмигрантской литературе (на примере романа турецкого ингуша, потомка мухаджиров конца XIX в. Садеттина Джанполата «Серебряный кинжал»).

Современное поколение не остается равнодушным к истории и культуре своего народа. Об этом свидетельствуют статьи аспирантов, магистрантов и студентов, опубликованные в сборнике, в том числе и статья М.А. Ганижевой, рассказывающая об инновационных городских проектах, позволивших Магасу называться «умным городом».

М.Б. Долгиева

О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО МАГАСА НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ ИНГУШЕТИИ

Впервые о Магасе упоминает арабский ученый-энциклопедист X века Масуди (умер в 956 г.) в сочинении «Мурудж аз-захаб» («Золотые истоки»)¹.

В своем труде Масуди называет 332 год Хиджры, который соответствует 943 г. н. э., как год «нынешний»², т. е., можно предположить, что в этом году и был написан труд Масуди. Таким образом, 943 год является годом, когда Магас впервые упоминается в историческом источнике.

Но, возможно, что Магас к этому времени существовал уже несколько веков. Сирийский автор Захарий Ритор, живший в VI веке, отмечал, что у алан имеется пять городов³. Вполне вероятно, что среди этих пяти городов был и наиболее крупный аланский город – Магас.

Более точный ответ на вопрос о времени основания Магаса могли бы дать археологические раскопки.

Время гибели Магаса можно установить более достоверно, опираясь на хроники времен завоевательных походов монголов в первой половине XIII века.

В «Сборнике летописей» Рашид-ад-Дина говорится: «Потом в кока-иле, т.е. год свиньи, соответствующий 636 г. (636 год Хиджры соответствует времени с 14 августа 1238 г. по 2 августа 1239 г. – Н.К.) Гуюк-хан, Менгу-хан, Кадан и Бури направились к городу Минкасу (Магасу – Н.К.) и зимой, после осады, продолжавшейся 1 месяц и 15 дней, взяли его. Они были еще заняты тем походом, когда наступил год мыши (соответствует 637 году Хиджры = 3 августа 1239 – 22 июля 1240 г. – Н.К.)»⁴. Т.о., поход на Аланию начался осенью 1238 г. и продолжался до позднего лета 1239 г. Главным событием этого похода было осада и взятие монголами столицы алан Магаса.

И, судя по тексту хроники, осада и взятие Магаса проходили зимой 1238–1239 гг.

В китайской хронике «Юань-ши» («История монголов»), на русском языке изданной в 1914 г. в переводе А. Иванова, говорится, что монголы в «(год свиньи), 1239 г., зимою в 11 месяце дошли до города асов Ме-цио-сы», и «в 1240 году в 1 месяце» город был взят и разрушен⁵. У А. Иванова события сдвинуты на год, т.к., возможно, что он неправильно определил год, соответствующий году свиньи по китайскому календарю. Если заменить 1239 г. на 1238 г. и 1240 г. на 1239 г., то выйдет, что осада Магаса началась в 11 месяце (ноябре) 1238 г. и закончилась через полтора месяца в 1 месяце (январе) 1239 г. Таким образом, за дату гибели Магаса можно принять январь 1239 г.

В различных источниках даются различные варианты названия города Магас: Ма'ас (Ma'ac), Магас, Маҕас (Maḡac)⁶, М.к.с. (Макас)⁷, Микес⁸, М.н.к.с. (Минкас)⁹, Меґет¹⁰, Ме-цио-сы¹¹, Май-гэ-сы¹². Есть еще один вариант, приведенный в ингушской легенде, возможно, имеющий отношение к Магасу – МцґIате (Macaḡate)¹³. Наиболее верным вариантом названия столицы алан, по нашему мнению, является Магас.

Разными исследователями предпринимались различные попытки объяснить значения названия города Магас. Слово «Магас» с помощью ингушского языка можно этимологизировать как «земля, место солнца», а если это название города – «город солнца»¹⁴.

Впервые мысль о том, что город М.к.с., упоминаемый в хрониках, может соответствовать городу Ме-цио-сы, который упоминается в китайской хронике «Юань-Ши», высказал Э. Бретшнейдер¹⁵. В.Ф. Минорский доказал тождество аланского города Магас, упоминаемого Масуди, с городом М.к.с. (М.н.к.с., Май-го-се и т.д.) арабо-персидских и китайских хроник времени монгольского похода на Аланию. Он доказал, что М.к.с. не имеет отношения к Москве или Мокше и в рассказ Джувейни о походе на Русь попал случайно¹⁶.

Исходя из данных исторических хроник и археологических раскопок, исследователи выдвинули несколько предположений

о местонахождении Магаса. Наиболее распространенные среди исследователей версии о местонахождении Магаса – отождествление с Магасом Нижне-Архызского городища в Карачаево-Черкесии¹⁷ или Алхан-Калинского городища в Чечне¹⁸. Но, даже если взять чисто географический фактор, эти городища нельзя отождествить с Магасом, – оба городища расположены на окраинах исторической Алании.

Площадь всего Нижне-Архызского городища довольно внушительна – 63–65 га. Площадь застройки городища оставляла 14–15 га. По подсчету исследователей средняя численность населения Нижне-Архызского города сугубо ориентировочно может определена в 2,0–2,5 тыс. человек постоянного населения. А по свидетельству Джувейни, современника событий, при взятии Магаса монголами было убито 270 тысяч человек¹⁹. Эта цифра, возможно, преувеличенная, все же свидетельствует о многочисленности жителей Магаса, которые должны были исчисляться десятками тысяч.

Нижний Архыз расположен в горах, в каменистой местности. Магас должен был располагаться в плодородной местности. Сведения о ландшафте местности, где располагался Магас, приводимые в хрониках Джувейни и Рашид-ад-Дина, не соответствуют местности, где расположен Нижний Архыз. В.Б. Виноградов отметил: «Н.Д. Кодзоев прав, что эти сведения абсолютно не соответствуют ни ландшафтным, ни военно-фортификационным особенностям и приметам Нижнего Архыза»²⁰.

В Нижнем Архызе в довольно хорошем состоянии сохранились три Зеленчукских храма и несколько небольших церквей²¹, в то время как по свидетельству Джувейни завоеватели «оставили от этого города только имя его»²².

По свидетельству летописца Рашид-ад-Дина, осада Магаса монголами продолжалась полтора месяца²³. По свидетельству же китайской хроники «Юань-ши», осада Магаса продолжалась 3 месяца²⁴. Городища, подобные Нижнему Архызу и Алхан-Кала, расположенные на окраине Алании, имеющие небольшие территории и невысокую численность населения, не могли в течение

такого долгого времени обороняться от монгольского войска. И подобным небольшим городам монголы не могли придавать такое огромное значение, которое придавали Магасу. Из всех намеченных к завоеванию и покорению городов Восточной Европы, в монгольской и китайской хрониках упоминаются только Киев и Магас²⁵. После завоеваний, произведенных в Восточной Европе, Бату-хан докладывал верховному хану, своему дяде Угедю: «Силою Вечного Неба и величием государя и дяди мы разрушили город Мегет (*Магас* – Н.К.) и подчинили твоей праведной власти одиннадцать стран и народов»²⁶.

Необходимо также отметить, что гибель города, находившегося у Нижнего Архыза, исследователи связывают не с походом монголов в 1238–1239 гг., а с походом Тимура в 1395 г.²⁷

В городе, находившемся на месте Нижне-Архызского городища, влияние Византии было «весьма ощутимо». Аланское государство в X–XII вв., только в X в. освободившееся от хазарской зависимости, находившееся на подъеме и пытавшееся играть самостоятельную роль на Северном Кавказе, не должно было стремиться попадать в зависимость от Византии. Но, имея столицу вблизи границ Византийской империи и ощущая в столице серьезное религиозное и идеологическое давление со стороны Византии, Алания не смогла бы сохранить свою самостоятельность.

К тому же, до того, как дойти до Магаса, войско монголов прошло часть территории Алании. В китайской хронике «Юань-ши» говорится, что в штурме Магаса участвовали аланы. «Бадур был родом ас и жил, как и его предки в И-синь в Шань-ду. Когда Монкэ (*Менгу-хан* – Н.К.) был наследником престола, Бадур и его братья У-цзор-бу-хань и Ма-тар-ша с народом пришли с выражением покорности. Матарша ходил с Монкэ походом на город Май-гэ-сы и был начальником авангарда. В него попало две стрелы, но, воодушевившись храбростью, он овладел городом»²⁸.

По поводу свидетельства «Юань-ши» В.А. Кузнецов замечает: «Но есть факты, свидетельствующие о том, что Магас был не первым пунктом Алании, подвергшимся татаро-монгольскому нашествию. В «Юань-ши» приводится имя аланского военачальника

Матярши, который участвовал в штурме Магаса. Это, очевидно, один из первых аланских феодалов, изъявивших покорность монголам и перешедших на их сторону еще в самом начале кампании 1238 г., то есть до осады Магаса. В таком случае, прежде чем добраться до Магаса, татаро-монголы должны были пройти через какие-то аланские земли»²⁹.

Нижний Архыз находится на самой западной окраине Алании. При походе на город, располагавшийся на его месте, монголы не могли пройти какую-либо территорию Алании, чтобы какой-либо аланский местный правитель успел перейти на их сторону. Это лишний раз подтверждает нашу мысль, о том, что главный город Алании мог находиться в наиболее стратегически важном месте Алании, в центральной ее части, вблизи Дарьяльского прохода.

Если говорить о тех аланах, которые перешли на сторону монголов, возможно, что это были жители Западной Алании, где было развито христианство, и где жители подверглись ко времени монгольского похода сильной тюркизации. Сирийский географ и историк Абу'л-Фида (1273–1331) сообщает о делении алан на собственно алан и на тюркский народ ал-Ас, «который имел тот же образ жизни и ту же религию, что и аланы»³⁰. Археолог И.А. Аржанцева замечает, что «археологически прослеживается два варианта аланской культуры: западный и восточный»³¹. О тюркизации западных алан также могут свидетельствовать христианские и тюркские имена алан, находившихся на службе у монголов, приводимые в «Юань-ши»³². Т.о., западные аланы, являвшиеся ко времени монгольского похода тюрками по языку и в большинстве своем христианами по вероисповеданию, могли перейти на сторону монголов, в составе войска которых было много тюрок, более близких к тюркоязычным западным аланам в культурном отношении, чем иноязычные восточные аланы, которые к тому же, вероятно, являлись в большинстве своем язычниками. Под стены Магаса аланы вместе с монгольским войском могли прийти только с территории Западной Алании.

Хроники сообщают о героической обороне Магаса от монгольских войск. В.А. Кузнецов, считает, что Нижне-Архызское городи-

ще могло быть оставлено аланами до появления здесь монголов³³. Также и население Алхан-Калинского городища, по мнению ряда исследователей, было частью половецким. С половецким этносом XIII–XIV вв. связывают находки на Алхан-Калинском городище остатков юртообразных сооружений³⁴.

Е.И. Крупнов писал, что «ни мои двукратные обследования этого городища (*Алхан-Калинского – Н.К.*) ни раскопочные работы Г.Ю. Подгаецкого (1938 г.) и В.Б. Виноградова (1965–1967 гг.) не обнаружили в мощных культурных напластованиях (сармато-аланского времени) позднесредневекового культурного слоя XIII–XIV вв. Среди добытого В.Б. Виноградовым материала не оказалось ни одной находки монгольского периода»³⁵.

В таком случае Нижне-Архызское и Алхан-Калинское городища никак не могут быть отождествлены со столицей алан – Магасом.

На территории современных городов Назрань и Магас, в южной части Назрановского района Ингушетии (Гамурзиевский и Насыр-Кортские муниципальные округа г. Назрань, г. Магас, селения Экажево, Али-Юрт, Сурхахи, Яндаре и Гази-Юрт), расположены многочисленные памятники аланского времени. На этой территории находится крупное гнездо аланских городищ. Исследователями отмечено, что «многие городища расположены группами или «гнездами» в пределах видимости. В некоторых из этих групп выделяется, как правило, своими большими размерами, укрепленностью и сложностью планировки одно из центральных городищ, к которому тяготеют менее значительные. «Гнездовое» расположение городищ связывается с сильными родоплеменными пережитками в соответствующем обществе»³⁶.

По мнению В.Б. Виноградова, рассматриваемый район группы памятников Ингушетии – один из крупнейших на Северном Кавказе: «Район вновь открытой группы памятников оконтурен с запада и севера долиной реки Сунжи, с востока – глубоким ущельем Ассы, с юга – лесистыми хребтами Черных гор. Естественные рубежи обдуманно и крепко усилены сторожевыми пунктами и небольшими городищами. Они находятся в пределах зрительной связи друг с другом и искусно используют особенности релье-

фа, возникая в любой точке, удобной для проникновения внутрь этого «укрепрайона». Таких форпостов не менее 10. Но они – лишь начало, лишь первый пояс вокруг сердцевины гнезда. Под охраной внешних укреплений процветали куда более обширные городища... Невольное восхищение вызывает строго продуманная планировка и само осуществление общей оборонительной линии. Все крупные городища второго пояса защиты связаны друг с другом глубоким многокилометровым рвом. Функции его многообразны. Вырытый на просторной равнине, он представлял собой и тайную, скрытую дорогу для перемещения войск, и укромное место для сосредоточения резервов, и стратегически важный оборонительный рубеж, преграждающий врагу проход внутрь системы укреплений к центральному, поражающему своими размерами городищу Хатой-Барц»³⁷.

Крупные городища данного комплекса «имеют сложную внутреннюю структуру: выделяются особо укрепленные части («посады» и «цитадели»), наблюдательные холмы, пункты обороны проходов и пр.»³⁸.

О том, что на р. Сунже имелся крупный аланский город, свидетельствуют русские и грузинские летописи³⁹.

В районе, о котором идет речь, зафиксировано более 30 городищ и поселений, оборонительные рвы, соединяющие между собой городища, валы, многочисленные погребальные памятники аланского времени. Правый высокий берег реки Сунжи на всем его протяжении от Яндаре и до селения Ахки-Юрт (совр. с. Сунжа) в Пригородном районе представлял собой естественный оборонительный рубеж, укреплен искусственными рвами и, возможно, в древности был укреплен оборонительными стенами. Также был укреплен и правый берег р. Назранки.

Общая площадь всего «укрепрайона» более 200 кв. км. На Северном Кавказе неизвестно больше местности с таким большим количеством памятников на сравнительно небольшой территории.

Все городища Назрановского района имеют слой XIII в., на всех городищах обнаружен слой пепла высотой в некоторых местах более метра. На рассматриваемой территории в разные годы археологи

проводили археологические изыскания⁴⁰. Со всех городищ имеются сборы. По памятникам Назрановского района составлено несколько отчетов Ингушского научно-исследовательского института, Ингушского гос. музея краеведения и Инспекции по охране памятников при МК РИ⁴¹. Научными сотрудниками Археологического центра при МК РИ были проведены осмотры всех городищ Ингушетии, собраны сборы и составлены акты осмотра и отчеты по ним. Все городища Назрановского района имеют слои эпохи бронзы, раннего железа и аланского времени. В заключении научно-исследовательской экспертизы материалов с Экажевского городища сказано: «Согласно акта № 5 от 17 ноября 1994 г. осмотра памятника археологии, расположенного на землях с. Экажево Назрановского района Республики Ингушетия экспертная комиссия в составе: д.и.н., профессора Мужухоева М.Б., к.и.н. Чахкиева Д.Ю., к.и.н. Петренко В.А., м.н.с. отдела археологии и этнологии Буркова С.Б. осмотрела представленные материалы в виде фрагментов керамических сосудов, изделий из камня и кости и пришла к выводу, что данные материалы характеризуют бытовой памятник эпохи раннего средневековья (IV–XIII вв. н.э.). Городище относится к фортификационной системе, оставленной местным населением в период формирования раннесредневекового государственного образования Алания»⁴².

Крупные города всегда возникали и росли на местности, где проходили важные торговые пути. В таких местах селились люди и возникали крупные населенные пункты.

Н.П. Гриценко, занимавшийся вопросами возникновения и развития городов Северо-Восточного Кавказа, писал: «Города на Северо-Восточном Кавказе располагались неравномерно: в древности наиболее густая их сеть находилась на побережье Каспийского моря и по берегам рек – Терека, Сулака, Сунжи и других... Многие города возникли на базе крупных селений, где издавна сосредоточивались ремесленное производство и торговля, другие на перекрестках важных торговых путей, что было связано с развитием с морской и караванной торговли»⁴³.

Система городищ Назрановского района Ингушетии расположена на стыке гор и равнины, между выходами на плоскость

из Дарьяльского и Ассинского ущелий. Это место являлось политическим, торгово-экономическим и географическим центром исторической Алании.

Дарьяльское ущелье – наиболее удобный проход в Закавказье и далее в Переднюю Азию, по нему проходил торговый путь. Торговые пути шли также по долине Сунжи с востока на запад, по долинам Камбилеевки и Ачалуки с юга на северо-запад.

Т.о., данная группа городищ контролировала очень важные участки торговых путей. Именно Великому шелковому пути, по нашему убеждению, Магас был обязан своим зарождением, ростом и процветанием. Археологический материал и письменные источники свидетельствуют, что жители Алании и сами занимались торговлей. Об этом говорят многочисленные находки, произведенные в далеких краях – Средней Азии, Индии, Китае, Египте, Персии и в других странах.

Люди на этой территории селились с глубокой древности, здесь зафиксированы памятники с эпохи палеолита.

Местность эта соответствует ландшафту Магаса, о котором говорится в хрониках Джувейни и Рашид-ад-Дина: на этой территории до сих пор сохранились густые леса (Сурхахи, Яндаре), и местность сильно заболочена (район Сурхахи). Назрановская долина даже в XIX в. была покрыта густыми непроходимыми лесами («На берегах рек Сунжи и Нясира, где поселился Карцхал, находился прекрасный лес, там росли бук, дуб, ясень и т.д.»⁴⁴).

Т.о., вышеизложенные аргументы говорят о вероятности нахождения политического центра Алании – г. Магаса – на территории современной Ингушетии.

Литература

1. *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербента. М., 1963. С. 204.
2. Там же.
3. *Пигулевская Н.В.* Сирийский источник VI в. о народах Кавказа // ВДИ. № 1. 1939. С. 110.
4. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов по истории Золотой Орды (в дальнейшем: СМИЗО). Т.2. М.–Л., 1941. С. 27.

5. *Иванов А.* История монголов (Юань-ши) об асах-аланах // Христианский Восток. Т. II. Вып. III. СПб., 1914. С. 283.
6. *Minorski V.* The Alan Capital Magas and the Mongol Campaigns // Bulletin of the School of Oriental and Afrikan studies. Volume XIV. Part 2. Universitu of London, 1952. С. 223; Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента. М., 1963. С. 204.
7. *СМИЗО.* Т. 2. С. 23, 156.
8. Там же. С. 185.
9. Там же. С. 37.
10. *Козин С.А.* «Сокровенное сказание»: монгольская хроника, 1240 г. М–Л., 1941. С. 194.
11. *Иванов А.* Указ. соч. С. 283.
12. Там же. С. 299.
13. ГІалГІай фольклор (Ингушский фольклор. На инг. яз.). Грозный, 1940. С. 11–13.
14. *Кодзоев Н.Д.* Магас по археологическим и письменным источникам. Магас, 2003. С. 16–24.
15. *Bretschneider E.* Medieval Researsches from Eastern Asiatic Sources. London, 1910. С. 316–317.
16. *Minorski V.* The Alan capital Magas... С. 221–238.
17. *Марковин В.И., Ошаев Х.Д.* О местоположении ясского города Деякова // СА. 1978. № 1. С. 85; Лавров Л.И. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924–1978 гг.). Л., 1982. С. 194–195; Кузнецов В.А. Нижне-Архызское городище X–XII вв. – раннефеодальный город Алании (историко-географическое исследование и некоторые итоги исследований) // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 246; Кузнецов В.А. Нижний Архыз в X–XIII вв. Ставрополь, 1993 и др.
18. *Виноградов В.Б.* Слава древнего города // Газ. «Грозненский рабочий». 1966. 27 апреля; Виноградов В.Б. Через хребты веков. Грозный, 1970; Виноградов В.Б. Культовые места аланского Алхан-Калинского городища. Тезисы // V Крупновские чтения по археологии Кавказа (Тезисы докладов). Махачкала, 1975 и др.
19. *СМИЗО.* Т. 2. С. 23.
20. *Виноградов В.Б.* Военно-фортификационные аргументы Алхан-Калинского Магаса // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. Армавир, 2003. С. 100.

21. Кузнецов В.А. Алания в X–XIII вв. С. 171–175; Кузнецов В.А. Нижне-Архызское городище X–XII вв. С. 240–241.
22. СМИЗО. Т. 2. С. 23.
23. СМИЗО. Т. 2. С. 37.
24. Иванов А. Указ. соч. С. 283.
25. Козин С.А. Указ. соч. С. 189, 192; Иакинф. История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829. С. 274.
26. Козин С.А. Указ. соч. С. 194.
27. Кузнецов В.А. Северный Зеленчукский храм X века // СА. 1964. № 4. С. 150; Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977. С. 24; Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 1. Ставрополь. 1967. С. 107–108; Хизриев Х.А. Кавказцы против Тимура (Борьба народов Северного Кавказа против экспансии Тимура). Грозный, 1992. С. 76–77.
28. Иванов А. Указ. соч. С. 299.
29. Кузнецов В.А. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971. С. 37–38.
30. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С. 328.
31. Аржанцева И.А. Каменные крепости алан // РА. № 2. 2007. С. 76.
32. Иванов А. Указ. соч. С. 292, 293, 295, 298, 299 и др.
33. Кузнецов В.А. Нижний Архыз в X–XII веках. К истории средневековых городов Северного Кавказа. Ставрополь, 1993. С. 261.
34. Батчаев В.М. Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1986. С. 89–90.
35. Крупнов Е.И. Еще раз о местонахождении города Дедякова // Славяне и Русь. М., 1968. С. 294.
36. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 167.
37. Виноградов В.Б. Время, горы, люди. Грозный, 1980. С. 29–31.
38. Виноградов В.Б. Комплекс аланских городищ на правобережье верховьев р. Сунжи. Новороссийск, 1981.
39. Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М., 1997. С. 208.
40. Минаева Т.Б. Археологические разведки в долине р. Сунжи // Сборник трудов Ставропольского пединститута. Вып. 13. Ставрополь, 1958; Любин В.П., Бадер Н.С., Марковин В.И. Первые местонахождения орудий каменного века в ЧИАССР // КСИА. Вып. 92. 1962; Любин В.П. Первые исследования каменного века

- в Чечено-Ингушской АССР // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. Л., 1963. № 28; Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. (Материалы к археологической карте). Грозный, 1966; Виноградов В.Б. Хронологическая выборка археологических памятников в Чечено-Ингушской АССР, открытых и исследованных в 1965–1980-х годах. Грозный, 1982; Виноградов В.Б. Пять лет полевых трудов хоздоговорной археологической лаборатории ЧИГУ им. Л.Н. Толстого // Археология на новостройках Северного Кавказа (1986–1990 гг.). Грозный, 1991. С. 19–22; Виноградов В.Б. Время, горы, люди. Грозный, 1980; Хашегульгов Б.М. Отчет о работах второго отряда ППАЭ ЧИГУ и ЧИИИСФ в Назрановском и Шалинском районах Чечено-Ингушской АССР в 1985 году. Грозный, 1986; Лопан О.В., Маслов В.Е. Экажевское поселение – памятник эпохи бронзы в Ингушетии // Древности Северного Кавказа. М., 1999; Дзауров М.А. Гамурзиевское городище // Вестник Археологического центра. Вып. 1. Назрань, 2001; Бурков С.Б. Исследования археологических памятников в зоне строительства столицы Ингушетии – города Магаса в 1994–1996 гг. // XXII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Ессентуки-Кисловодск, 2002 и др.
41. Отчет Министерства культуры РИ, ИнгНИИ им Ч. Ахриева, Ингушского гос. музея краеведения им Т. Мальсагова «Изучение и сохранение культурного наследия (памятников археологии) в Назрановском районе Республики Ингушетия». Назрань, 1995 // Архив Министерства культуры РИ; Отчет ИнгНИИ им Ч. Ахриева, Ингушского гос. музея краеведения им Т. Мальсагова о выполнении работ по теме: «Археологическое обследование памятников археологии в зоне строительства 1 очереди столицы РИ на площади 310 га». Назрань, 1995 // Архив Министерства культуры РИ; Отчет Инспекции по охране памятников при МК РИ о выполнении работ по теме: «Археологический надзор за производством земляных работ в зоне подъездной дороги к г. Магас в 1995 г. на землях с. Насыр-Корт Назрановского района (левобережный участок)». Назрань, 1996 // Архив Министерства культуры РИ; Отчет Инспекции по охране памятников при МК РИ о работах по теме: «Поисково-изыскательские ар-

- хеологические работы в зоне строительства 1 очереди столицы РИ г. Магас на площади 184 га на землях совхоза «Экажевский» в 1996 г.». Назрань, 1996 // Архив Министерства культуры РИ.
42. Отчет Министерства культуры РИ, ИнгНИИ им Ч. Ахриева, Ингушского гос. музея краеведения им Т. Мальсагова «Изучение и сохранение культурного наследия (памятников археологии) в Назрановском районе Республики Ингушетия». Назрань, 1995 // Архив Министерства культуры РИ.
 43. *Гриценко Н.П.* Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – середина XIX века. Ростов, 1984. С. 4–5.
 44. *Тутаев А.* Неопубликованные материалы 1875–1926 гг. // Цит. По: Мальсагов Ах.У. Ингуши: история и века родословий. Нальчик, 2003. С. 80.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНСПЕКЦИИ ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ
ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ КУЛЬТУРЫ ИНГУШЕТИИ
ПО ИЗУЧЕНИЮ И СОХРАНЕНИЮ ПАМЯТНИКОВ
АРХЕОЛОГИИ В ЗОНЕ СТРОИТЕЛЬСТВА г. МАГАСА
В 1995–1997 гг.**

После создания Республики Ингушетия в её предгорно-плоскостной зоне развернулись интенсивные строительные работы. Это создавало серьёзную угрозу многочисленным памятникам археологии, особенно – в зоне проектирования строительных площадок под возведение столицы Республики г. Магаса. В то же время на отводимых под данные цели территории их оказалось немало. Первый опыт работ по их выявлению в данной зоне принадлежит Б.М. Хашагульгову, которым в 1985 г. в районе с. Экажево был зафиксирован ряд курганов. В 1994 г. по заданию министра культуры Ингушетии А.Х. Парова автором, совместно с сотрудником НПЦ по охране, реставрации и эксплуатации памятников истории и культуры ЧР Т.А. Тайсумовым, был произведен первичный осмотр части зоны предполагаемого строительства площадью в 17,6 га. В результате были обнаружены 19 курганов, 3 зоны поселений, а также ряд отдельных погребений с каменными конструкциями [1]. Это способствовало заключению договора между НИИ гуманитарных наук Ингушетии и Министерством культуры республики на исследование территории Назрановского района, куда вошла и зона предстоящего строительства. В ходе этих изысканий, произведенных сотрудниками НИИ и ИГМК им. Т.Х. Мальсагова, под руководством автора были обнаружены многочисленные археологические памятники. Работами по договору с Госстроем РИ на территории строительства I очереди г. Магаса на площади в 310 га. были обнаружены новые объекты археологии. Из бытовых памятников первичной фиксации были подвергнуты 2 городища и 4 поселения. В зоне проектирования трассы подъ-

ездной дороги найдено 11 отдельных курганов, 7 погребений и 4 погребальные конструкции в виде остатков кромлехов полуразрушенных курганов. При их осмотре были обнаружены 5 полностью разрушенных строительной техникой керамических сосудов, фрагментированный железный меч-акинак, 2 керамических пряслица, 2 бронзовые височные подвески, бронзовый черешковый клинок. Из других находок следует отметить каменный, т.н. «желобчатый» топор-молот эпохи энеолита, медную арабскую монету IX в., ряд предметов украшений и около 500 отдельных фрагментов керамики. Полученные материалы тогда же сданы на хранение в археологические фонды ИГМК им. Т. Мальсагова. Сведения о работах и их результатах нашли свое отражение в производственном отчете, который был утвержден заказчиком – Министерством культуры РИ [2]. Подведение предварительных результатов исследований было осуществлено в ходе проведения научной конференции, состоявшейся в институте в том же году [3].

Все эти работы показали, что для обеспечения сохранности памятников археологии в Ингушетии необходимо создание специальной организации, которая бы занималась выявлением и обеспечением сохранности памятников археологии. В мае того же года при МК РИ была создана и начала активную работу инспекция по охране памятников археологии, созданная в мае 1995 г. В перечне её основных приоритетов были работы по контролю за включением в техническую документацию строительных работ археологических исследований, а также производство постоянного мониторинга на многочисленных строительных площадках. Эта деятельность оформлялась документально путем составления протоколов, выписыванием предписаний, контролем за соблюдением сохранности уже выявленных и поиском новых объектов археологии, а также в ходе выполнения договоров, заключенных с «Ингушавтодором» и Госстроем Ингушетии для поиска и фиксации памятников археологии в зонах ведения строительных работ. Так, на правобережном участке были найдены 2 городища и 1 поселение, а также доследованы 3 курганные насыпи с 9 погребениями, 5 захоронений – «кенотафов», на месте

уничтоженных курганных насыпей – 3 катакомбы с разнообразным инвентарем (керамика, украшения, предметы вооружения, конская упряжь) с вытянутыми на спине костяками, ориентированные в западном секторе и с инвентарем II–IV вв. н.э. На левобережном – 4 погребения и доследована ограбленная при несанкционированном вскрытии катакомба с очень богатым погребальным инвентарем [4]. В дальнейшем эти материалы были предварительно опубликованы [5]. По результатам деятельности инспекции была создана карта археологических памятников, находящихся в окрестностях г. Магаса, подготовленная автором, совместно с Н.Д. Кодзоевым. В дальнейшем она была опубликована в 2001 г., с кратким описанием обнаруженных объектов, которые были предварительно датированы и соотнесены с определенными археологическими культурами. Значительная их часть вошла составной частью в перечень объектов истории и культуры, которые составили основу списка памятников предгорно-плоскостной зоны Ингушетии. Позднее они были включены в Постановление Правительства РИ № 4 от 09.01. 2001 г. [6].

Большое значение сотрудники инспекции придавали законодательной деятельности, работе с правоохранительными органами, и прежде всего – Прокуратурой Республики Ингушетия. Так, по нашей инициативе 1995 г. Народным Собранием – Парламентом Ингушетии принимается Закон «Об охране, реставрации и использовании памятников истории и культуры». В том же году выходит Постановление Правительства РИ, в котором основное внимание было уделено установлению четких норм во взаимоотношениях между органами охраны памятников археологии, проектными организациями и земельными комиссиями всех уровней. В 1996 г. принимается Указ Президента РИ, направленный на обеспечение сохранности объектов культуры. Тогда же усилиями инспекции инициируется постановка на госучет и охрану более 100 памятников археологии, выявленных к тому времени в предгорно-плоскостной зоне республики. Прокуратурой Ингушетии возбуждается и поддерживается в судах всех инстанций производство 2 административных дел по фактам разрушения курганов в зоне функционирования завода «Красный кирпич» (с. Насыр-Корт) и Управле-

ния «Инушавтодор», решения по которым принимаются в пользу органа охраны памятников. Ведется активная работа над проектом закона «Об археологическом наследии», который принимается Народным Собранием – Парламентом Ингушетии в 1997 г. Это был первый подобный нормативно-правовой акт в РФ. Из других решений следует упомянуть Протокол соглашения и календарный план работ по изучению памятников археологии, выявленных на строительных площадках г. Магаса. Археологическая группа (инспекция по охране памятников) при МК РИ была ликвидирована в феврале 1997 г. В дальнейшем основные результаты её нормативно-правовой деятельности были обобщены и опубликованы [7].

Значительный пласт материалов о работах инспекции по охране памятников археологии, произведенных на строительных площадках г. Магаса представлен в периодической печати Ингушетии, Северного Кавказа и России. Эти материалы были обобщены в ряде авторских публикаций [8]. Следует упомянуть и большую работу по представлению результатов работ инспекции на радио и телевидении, как Ингушетии, так и других теле и радиокомпаний. Так, созданная в 1995 г. и существовавшая вплоть до ликвидации инспекции телепередача «Археология и наша история» более 50 раз выходила в прямом эфире, также, как и более 10 радиоочерков, где тематика, связанная с проблемами изучения и сохранности памятников археологии на строительных площадках г. Магаса всегда занимала одно из центральных мест.

Не осталась без внимания и тема, связанная с музеефикацией найденных предметов, которые составляют заметную часть археологического фонда ИГМК [9]. Эта работа продолжается и в настоящее время. Готовится ряд новых публикаций, в которых будут представлены находки, сделанные в различные годы в окрестностях г. Магаса.

Литература

1. Бурков С.Б. Новый памятник эпохи бронзы из зоны строительства г. Магаса // Вестник археологического центра. Вып. II. Назрань, 2014. С. 9.

2. *Отчет о работах по договору между НИИ гуманитарных наук и Госстроем Ингушетии «Археологическое обследование памятников археологии в зоне строительства I очереди столицы Республики Ингушетия на площади 310 га» раздела комплексной темы «Изучение и сохранение культурного наследия (памятников археологии) в Назрановском районе Республики Ингушетия».* Назрань, 1995.
3. *Бурков С.Б. О неотложных мерах по сохранению археологического наследия Республики Ингушетия // Духовное возрождение ингушского народа: история, современность, перспективы. Тезисы докладов республиканской научно-практической конференции.* Назрань, 1995. С. 30–32.
4. *Бурков С.Б. Отчет о работах по теме; «Поисково-изыскательские археологические работы в зоне строительства I очереди столицы Республики Ингушетия на площади 184 га на землях госхоза «Экажевский» в 1996 г.» раздела комплексной темы «Изучение и сохранение культурного наследия (памятников археологии) в Назрановском районе Республики Ингушетия».* Назрань, 1996; *Бурков С.Б. Отчет о работах по теме «Археологический надзор за производством земляных работ в зоне подъездной дороги к г. Магасу на землях с. Насыр-Корт Назрановского района» раздела комплексной темы «Изучение и сохранение культурного наследия (памятников археологии) в Назрановском районе Республики Ингушетия».* Назрань, 1996.
5. *Бурков С.Б. Исследования археологических памятников в зоне строительства столицы Ингушетии г. Магаса в 1994–1996 гг. // XXII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов международной конференции.* Кисловодск, 2002. С. 22–25; *Бурков С.Б. Некоторые итоги исследования археологических памятников в зоне строительства г. Магаса // Вузовское образование в современных условиях. Тезисы докладов научно-практической конференции ИнГУ. Магас, 2002. С. 60–64; Бурков С. Б. Мамаев Х.М. «Княжеский» комплекс эпохи великого переселения народов из предгорной Ингушетии // Раннегосударственные образования и «княжеская» культура населения Северного Кавказа в конце античности – начале Средневековья. Тезисы докладов международного семинара.* Махачкала, 2013.

- С. 30 – 32; Мамаев Х.М. «Княжеское» погребение у г. Магас (Ингушетия) // КСИА. Вып. 234. М.: ИА РАН, 2014. С. 55–71.
6. *Кодзоев Н.Д.* Археологические памятники Магаса // Вестник археологического центра. Вып. I. Назрань, 2001. С. 80–81, карта; Реестр памятников истории и культуры (археологии) Республики Ингушетия. С. 4–15.
7. *Бурков С.Б.* Правовое обеспечение сохранности археологического наследия Ингушетии (1995–2007 гг.). История формирования и практика реализации // Из истории народов Северного Кавказа. Вып. 1. Ставрополь, 2009. С. 96, 97, 111; Бурков С.Б. Деятельность органов государственной власти и управления Ингушетии в области обеспечения сохранности историко-культурного наследия // V «Прозрителевские чтения». Материалы научно-практической конференции 26–27 ноября 2008 г. Ставрополь, 2011. С. 123–129.
8. *Бурков С.Б.* Информативные возможности периодической печати Ингушетии в вопросах изучения и обеспечения сохранности историко-культурного наследия // Сборник научных статей Института социальных исследований. Назрань, 2009. С. 254–28; Бурков С.Б. Археологические памятники города Магаса в периодической печати Ингушетии // Материалы научно-практической конференции «Магас вчера, сегодня, завтра» (10 апреля 2012 г.) Магас, 2012. С. 28–71; Бурков С.Б. История изучения и интерпретации археологических памятников г. Магаса по данным периодической печати // Архивный вестник Республики Ингушетия. Вып. 9. Магас, 2013. С. 38–80.
9. *Бурков С.Б., Хамхоева М.Б.* История создания и механизмы формирования археолого-этнографических фондов и коллекций Ингушского государственного музея краеведения (1897–2005гг.) // Прозрителевские чтения. Сборник материалов научно-практической конференции, вып. 2. Ставрополь, 2006, С. 59–61; Бурков С.Б. К вопросу о коллекциях археологической группы (инспекции по охране памятников) при МК РИ в фондах Ингушского Государственного музея краеведения им. Т.Х. Мальсагова // Четвертый Кавминводский межрегиональный музейно-научный мемориальный семинар памяти краеведов 10–11 ноября 2017 г. Пятигорск– Ставрополь: Печатный двор, 2018. С. 56–58.

С.Б. Бурков

(г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания),

Ю.А. Прокопенко

(г. Ставрополь, Ставропольский край)

КОМПЛЕКС ПРЕДМЕТОВ С ТЕРРИТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ЛЕВОБОЕРЕЖНОГО УЧАСТКА ПОДЪЕЗДНОЙ ДОРОГИ К г. МАГАСУ (ИССЛЕДОВАНИЯ 1995 г.)

В ходе работ по строительству левобережного участка подъездной дороги к строящейся I очереди столицы Республики Ингушетия – г. Магаса – осенью 1995 г. был разрушен и в значительной части уничтожен ряд небольших, ранее подвергнутых сильной распахке, курганных насыпей, находящихся прямо в границах участка, отведенного под данные работы.

На начальном этапе надзорно-рекогносцировочных работ факт сноса части курганных насыпей был зафиксирован по всему участку левого берега р. Сунжи, где были начаты вскрышные работы по разработке основания полотна подъездной дороги. При осмотре территории встречались отдельные фрагменты керамики, обладавшие характеристиками, свойственными для памятников эпохи развитой и финальной стадии эпохи бронзы, а также разрозненные человеческие кости. Постоянный мониторинг ведущихся работ со стороны археологической группы (инспекции по охране памятников археологии) при МК республики на левобережном участке строящейся подъездной дороги к г. Магасу, в его предмостной зоне, позволил оперативно установить факт сноса верхней части насыпей, как минимум, 4 курганов. Частично сохранившиеся погребальные конструкции в виде отдельных камней и незначительных участков кромlexов, а также человеческие кости и некоторые находки (сильно фрагментированные керамические сосуды, бронзовый черенковый нож) определили месторасположение погребального поля.

При дополнительном осмотре участка, прилегающего к кургану, расположенного прямо на срезе речной террасы р. Сунжи,

в зоне предполагаемого строительства моста через реку, на расстоянии 30–50 м к ЗЗС от кургана № 1, в районе отвалов, образованных от снесенных строительной техникой насыпей курганов, был сделан ряд находок.

Вначале в районе обнаружения камней кромлеха кургана № 4 (по полевой документации С.Б. Буркова) были обнаружены фрагменты железного меча – «акинака», а затем, рядом с ними – фрагменты керамического сосуда, 2 керамических пряслица, а в последствии – и 2 бронзовые проволочные височные подвески очень плохой сохранности. Среди земляных отвалов встречались и разрозненные человеческие кости, судя по числу выразительных фрагментов длинных костей рук и ног, как минимум, от 2 костяков. Все указанные выше предметы (кроме фрагментов керамического сосуда и височных подвесок, выявленных при дополнительном осмотре зоны работы в месте обнаружения «акинака») были переданы сотрудникам археологической группы (инспекции по охране памятников археологии) при МК РИ Председателем Правительства Ингушетии М.И. Дидиговым, который осуществлял инспекторскую поездку по строящимся объектам г. Магаса. Предварительная информация о работах и предметах, обнаруженных при работах в зоне I очереди строительства г. Магаса на площади в 310 га, в т.ч. и о представленных в настоящей работе, была первоначально представлена в производственном отчете по договору между НИИ гуманитарных наук и Госстроем Ингушетии.

В дальнейшем краткие сведения о результатах этих полевых изысканий были опубликованы С.Б. Бурковым в 2014 г. В них учитывались и представляемые здесь предметы, которые были переданы на хранение в археологические фонды Ингушского государственного музея краеведения им. Т. Мальсагова [1]. Рисунок меча был передан автором работ С.Б. Бурковым У.Б. Гадиеву для первичного представления в его публикации, посвященной мечам и кинжалам т.н. «скифского» типа, происходящим с территории Ингушетии [2]. Однако его подробное описание, а также условия его обнаружения, как и других предметов, выявленных вместе с мечом, в данной статье отсутствуют.

В связи с тем, что все представляемые ниже находки были сделаны на ограниченной площади и в границах расположения одного кургана, все они были нами условно объединены в один комплекс, под которым в данном случае подразумевается единое курганное пространство одной из насыпей, оказавшейся полностью утраченной в ходе работы землеройной техники. Их описание приведено ниже.

1. Железный меч-акинак (табл. 1, 5) Фрагментирован, состоит из четырех фрагментов. Реконструирован. Описание дается по реконструкции. Навершие рукояти – в виде стилизованных когтей хищной птицы, в основании когтей – стилизованное же изображение глаза. Рукоять подпрямоугольная, с насечками для несохранившейся обкладки, перекрестие «бабочковидное». Рукоять при переходе в плечики уплощена, с площадкой для перекрестия. Лезвие уплощено, со слабо профилированным срединным ребром жесткости. Размеры: высота навершия 39 мм, ширина 75 мм, длина рукояти до перекрестия 94 мм, ширина рукояти 26 мм, толщина 6 мм, ширина перекрестия 82 мм, высота 30 мм, длина лезвийной части 402 мм, ширина в средней части 60 мм, толщина 5 мм.

2. Два фрагмента керамического сосуда типа небольшого горшка (табл. 1, 3, 4). Венчик слабо профилирован, отогнут наружу, приострен. Обработка поверхностей: затерты, заглажены, мелкобугристые. Цвет внешней поверхности коричневый, внутренней поверхности – охристо-коричневый, пятнами. Излом двухслойный, внешний слой коричневый, внутренний – охристый. Черепок рыхлый, промес слабый, обжиг неравномерный, прокал неполный. В тесте заметны включения мелкодробленого шамота и дресвы. Размеры фрагментов: 45 x 34 мм, толщина – 6 мм и 48 x 33 мм, толщина – 5 мм.

3. Керамическое пряслице имеет уплощенно-биконической формы (табл. 1, 1). Размеры: верхний диаметр 18 мм, нижний диаметр 39 мм, ширина в средней части 41 мм, высота 23 мм, диаметр отверстия 6 мм.

4. Керамическое пряслице биконической формы (табл. 1, 2). Размеры: верхний диаметр 8 мм, ширина в средней части 34 мм, нижний диаметр 25 мм, 24 мм, диаметр отверстия 6 мм.

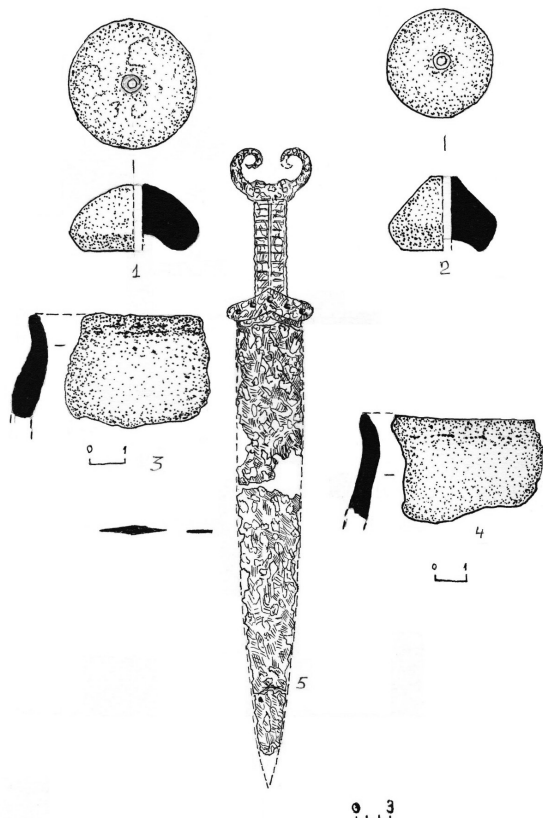

5. В комплекс входили 2 бронзовые проволочные височные подвески удлиненно-овальной формы с заходящими друг за друга концами, высотой около 35 мм и диаметром (толщиной) овально-го в сечении боковой части – от 2 до 3 мм. Однако в связи с крайне неудовлетворительной сохранностью предметов при их изъятии их земляного отвала, расположенного слева от полотна строящейся подъездной дороги к г. Магасу в его прибрежной левобережной части, они были утрачены.

Все указанные выше предметы (кроме фрагментов керамического сосуда и височных подвесок, обнаруженных при дополнительном осмотре зоны работы в месте обнаружения «акинака») были переданы летом 1995 г. сотрудникам археологической группы (инспекции по охране памятников археологии) при МК РИ Председателем Правительства Ингушетии М.И. Дидиговым, который осуществлял инспекторскую поездку по строящимся объектам г. Магаса.

В дальнейшем в данной зоне, прямо на полотне строящегося участка дороги, были обнаружены сильно потревоженные погребения и остатки от 4 курганов с фрагментами человеческих костей. Захоронения были выявлены на прилегающей к кургану № 1 территории, в дальнейшем подвергнутой изучению Ингушским отрядом ИА РАН в 1996 г. по отдельным камням, составлявшим кромлехи, а также по развалам 4 керамических сосудов, имевших сходную с фрагментами из публикуемого комплекса, фактуру. Их форма не восстанавливается в связи с сильной фрагментацией. Кроме керамики, среди находок – бронзовый черешковый клинок с поврежденной лезвийной частью удлиненно-подтреугольной формы и рукоятью вытянуто-подпрямоугольной формы. Погребальные насыпи были утрачены в ходе работы строительной техники. Остатки погребальных конструкций были зафиксированы сотрудниками инспекции в том же 1995 г., а материалы переданы в музейные фонды. Результаты работы отражены в производственном отчете, который был составлен, передан заказчику и утвержден как исполненный в 1996 г.

В этом же году часть из обнаруженных инспекцией по охране памятников археологии при МК Республики Ингушетия кур-

Комплекс предметов с подъездной дороги к г. Магасу. 1995 г.

ганов, в ходе охранных археологических работ, была исследована Ингушским отрядом Межрегиональной экспедиции ИА РАН, а в дальнейшем – опубликована отдельным изданием в 2006 г. Некоторые из этих материалов могут быть привлечены к нашим изысканиям. В частности, это погребения из т.н. «грунтового могильника» и разрушенных курганов, которые были изучены среди древностей кургана № 1 могильника Экажево-II.

Так, полуразрушенные погребения (№№ 1–5) находились к северу от кургана № 1, неподалеку от края террасы. В данной

зоне находились и курганы с небольшими насыпями, которые были первоначально разрушены распашкой, а в дальнейшем часть была снесена при строительстве подъездной дороги к мосту осенью – зимой 1995 г. После подсыпки слоя грунта под строящееся полотно дороги, сохранившиеся от разрушения погребения оказались засыпанными. Остатки этих насыпей в виде отвала находились у края террасы. По информации строителей, относящейся к 1995 г., в обрыве реки наблюдались остатки погребальных ям, в которых встречались человеческие кости и керамические сосуды. Однако к моменту начала работ эти погребения были уже разрушены. Размеры вскрытой площадки СВ-ЮЗ–58 м., СЗ-ЮВ – 32–44 м (от края обрыва) На данной площади под слоем перемещенного грунта обнаружено 5 погребений, 4 из которых относятся к эпохе раннего железного века (погребения №№ 1, 3–5). Рядом с погребением № 2 был обнаружен бронзовый нож. Эти, а также погребения №№ 5, 8 и 11 кургана № 1, авторами работ были предварительно соотнесены с грунтовым могильником скифского времени. По их мнению, о наличии же подкурганых погребений на исследованной площади может косвенно свидетельствовать лишь находка бронзового ножа.

Бронзовый черенковый нож к погребению № 2, скорее всего, отношения не имел. Он двулезвийный, со сравнительно длинным, плоским в сечении, плавно расширяющимся к основанию, черенком, под тупым углом переходящим в широкое, линзовидное в сечение, лезвие. Дата погребений эпохи раннего железного века – VII – IV вв. до н.э., но вероятнее всего – V в. до н.э., с тенденцией в сторону омоложения. Данные захоронения были связаны авторами работ с кобанской культурой скифского времени. К.В. Воронин и В.Ю. Малашев предположили, что могильник относился к небольшому поселению, расположенному на противоположном берегу реки Сунжи, в подъемном материале которого, наряду с керамикой последних веков до н.э. – начала н.э., встречались фрагменты сосудов, синхронизируемых с керамикой могильника [3].

Наличие впускных погребений кобанской культуры эпохи раннего железного века в курганы предшествующих эпох – явле-

ние не редкое. Так, в начале 70-х гг. XX в. М.П. Севостьяновым на месте снесённого строителями кургана в районе ст. Ильинской в Чечне обнаружен ряд предметов из разрушенных погребений. Среди прочих находок, относящихся к середине II тыс. до н.э., т.н. «предскифскому времени», сарматской эпохе и развитому средневековью, встречены 4 бляхи типа «Исти–Су», а также ряд керамических форм (миски), 2 оселка, железная стержневая и бронзовая булавки. Предметы не были зафиксированы в погребениях, поэтому авторы публикации сочли вероятным связать их с погребальными сооружениями (4 ямы с обкладкой булыжником – т.н. условная «группа II»), расположенными рядом, но несколько в стороне от центральной части котлована, где, по их мнению, рядом с курганом, находился грунтовый могильник «скифского» времени. Среди аргументов в пользу данной версии – рядность расположения погребений и нетипичность впускных в курганные насыпи кобанских захоронений [4]. Действительно, впускные в курганы кобанские захоронения VI – IV вв. до н.э. встречаются реже, чем основные подкурганные, однако они тоже могут быть учтены в качестве отдельной обрядовой группы. В частности, к ним можно отнести погребения №№ 3 и 4 кургана № 1 Сунженского могильника, часть захоронений в Куларинских курганах (курганы №№ LIV – 1 костяк, LVI – 3 впускных погребения), могильник Бойси – Ирзо, курган № 10 – 3 погребения, 2 из них – явно впущены в насыпь, т.к. располагаются один под другим с перепадом глубин по 0,5 аршин. 1 аршина? – гл 1,5 и 2 аршина от верха [5]. Рядность же в расположении захоронений может быть объяснена одновременностью их совершения, с последующим возведением одной общей насыпи. Подобные обрядовые действия уже фиксировались ранее: (курган № 8 Бойси–Ирзо, Луговой и Нестеровские могильники). Кроме того, точные ориентировки ильинских захоронений неизвестны, а их расположение, на расстоянии 2, 3 и 2,5 м друг от друга, вполне подходят под описание погребений могильника Исти–Су, для которых О.А. Артамоновой – Полтавцевой реконструировалось возведение общих насыпей: погребения №№ 1, 2, 5, 6, 8 (группа 1) и 3, 4, 7 (группа 2) – 1937 г.,

и 11, 13 (группа 1), а также №№ 14, 18, 19 (группа 2) – 1938 г. Захоронения в них находились на расстоянии 4–5 м друг от друга [6]. В связи с тем, что в процессе раскопок насыпи на могильнике не были зафиксированы, Е.И. Крупнов считал данный могильник грунтовым [7].

Меч из публикуемого нами комплекса Ю.А. Прокопенко был отнесен ко отделу II (кинжалы и мечи с антенным или зооморфным навершием), подотделу II – кинжалы и мечи с навершием в виде пары когтей хищной птицы и изображением глаз в основании, которых всего учтено 11 экземпляров. Подобные экземпляры составляют III тип – мечи и кинжалы с ложнотреугольным перекрестием – 7 находок. Подобные клинки датируются V–IV вв. до н.э. [8]. Данная форма встречена в восточном варианте поздней кобани, в т.ч. – и в Луговом могильнике, в погребении № 84. Там же найдены и небольшие горшочки, по форме напоминающие находку их магасского захоронения [9]. В то же время, судя по характеру материала и его обработке, сосуд может быть связан и с разрушенным погребением второй половины II тыс. до н.э., как и бронзовый нож из соседнего кургана.

Для погребений восточной группы отмечены кромлехообразные выкладки, иногда – в виде полуколец (16 случаев – в Луговом и 2 – в Нестеровском могильниках), что было зафиксировано и для всех четырех курганов на участке левого берега р. Сунжа в районе строительства моста через реку. Насыпи могли включать не только одиночные погребения, но имелись и групповые захоронения (Нестеровский могильник – 13 погребений). Это может объяснить факт присутствия, помимо акинака, и 2 пряслиц, которые были характерной находкой для женских погребений восточного региона, в т.ч. – и для V – первой половины IV вв. до н.э. Для данного периода были свойственны и разнообразные височные подвески, в т.ч. – овальной в плане формы, выполненные из бронзовой, округлой или уплощенной в сечении проволоки, с заходящими концами [10].

Таким образом, подобный обряд – помещение впускных позднекобанских погребений в курганы предшествующих эпох, и был

зафиксирован материалами, обнаруженными в 1995 и 1996 гг. в зоне строительства левобережного участка подъездной дороги к г. Магасу.

Литература

1. Бурков С.Б. Новый памятник эпохи бронзы из зоны строительства г. Магас // Вестник археологического центра. Вып. II. Назрань, 2014. С. 9, 19–20, сноски №№ 12 и 13.
2. Гадиев У.Б. Мечи и кинжалы скифского типа из погребальных памятников Ингушетии // Вестник археологического центра. Вып. II. Назрань, 2014. С. 45, 47, рис. 6.
3. Воронин К.В., Малашев В.Ю. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия. Материалы охранных археологических исследований. Том 6. М.: ИА РАН, 2006. 152 с. 40–42, 56, 101, рис. 40 Б, 2.
4. Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х., Нарожный Е.И. Археологические материалы из кургана у станции Ильинская в Чечне // Вестник АН ЧР, № 1 (18), 2013. С. 133 – 147.
5. Вертепов Г. Раскопки в Урус-Мартане // Терские ведомости, 1903 г. № 32.
6. Артамонова – Полтавцева О.А. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период // СА. Вып. XIV. М.: 1950. С. 22.
7. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М.: 1960. С. 213.
8. Прокопенко Ю.А. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э. Часть 2. Ставрополь, 2014. С. 321, рис. 91, 15, а, с. 189, 190.
9. Мунчаев Р.М. Луговой могильник. М., 1963. С. 186, рис. 29, 14; С. 149, рис. 5, 4; С. 174, рис. 21, 3.
10. Прокопенко Ю.А. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э. Часть 1. Ставрополь, 2014. С. 67, 68, 104; Прокопенко Ю.А. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э. Ч. 2. С. 641, рис. 27, 27, 27; Мунчаев Р.М. Луговой могильник (исследования 1956 –1957 гг.) // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. С. 150, 163.

МОГИЛЬНИК «ЭКАЖЕВСКИЕ 1-е КУРГАНЫ» – НЕКРОПОЛЬ ВОИНСКОЙ ЭЛИТЫ ГОРОДИЩА «АЧИМ-БОАРЗ»

Могильник «Экажевские 1-е курганы» находится на южной и юго-западной окраинах с. Экажево и занимает высокую (вторую) террасу правого берега р. Сунжа (на расстоянии около 900 м от ее русла). Первоначально он занимал значительную площадь, которая в настоящее время почти полностью находится под застройкой с. Экажево; сохранился незначительный участок, на котором в настоящее время фиксируется 21 курган. Памятник был выявлен в результате разведок 1985 г. Б.М. Хашегульговым [1]. Первые археологические раскопки были проведены С.Б. Бурковым, которые исследовал три подкурганные катакомбы аланской культуры [2]. В 1996 г. Ингушская экспедиция ИА РАН провела охранно-спасательные исследования в зоне строительства столицы Республики Ингушетия г. Магаса: были исследованы пять курганов, четыре из которых относились к аланской культуре Северного Кавказа раннего этапа и один – к эпохе бронзы [3].

Курганы аланской культуры (1–4), раскопанные в 1996 г., содержали погребения, совершенные в катакомбах Т-образной конструкции (тип I по К.Ф. Смирнову [4] и М.Г. Мошковой, В.Ю. Малашеву [5] – длинная ось камеры перпендикулярна длинной оси входной ямы). Входные ямы ориентированы меридионально с отклонениями, камеры находились у северных стенок входных ям. Глубина водных ям от уровня древнего горизонта достигала 7–8 м; у задних стенок были сделаны ступеньки. Погребенные ориентированы головой в восточный сектор, направо от входа в камеру. Три погребения в древности подверглись ограблению. Погребальный инвентарь, помимо сервизов керамической посуды, включал серебряные ременные гарнитуры, конскую узду и клинковое оружие. Датировка исследованной группы захоронений оценивается концом III – началом IV в. [6].

В 2016 г. совместная археологическая экспедиция Института археологии РАН и ГКУ «Археологический центр им. Е.И. Крупнова» на средства ингушских меценатов Г.А. Халухаева и А.А. Харсиева провела исследования кургана 6 данного могильника. Исследованное погребение содержало мужское захоронение, также совершенное в Т-образной катакомбе. Глубина (7 м от уровня древнего горизонта), ориентировка входной ямы, расположение камеры и наличие ступенек у задней стенки входной ямы аналогичны ранее исследованным погребениям в курганах 1–4. Для оценки хронологии наиболее показательны предметы ремennых гарнитур – серебряные пряжка и кольца с зажимами, а также усечено-конические накладки, на основании которых датировка комплекса может рассматриваться как середина III в. (ранняя часть второй половины столетия).

В 2018 г. Кавказская экспедиция Института археологии РАН и экспедиция ГКУ «Археологический центр им. Е.И. Крупнова» на бюджетные средства Правительства Республики Ингушетия провела аварийное исследование кургана 7 могильника «Экажевские 1-е курганы» с полностью разрушенной в результате частной хозяйственной деятельности насыпью; первоначально диаметр кургана составлял около 30 м, а высота более 3 м. В результате работ было раскопано погребение в катакомбе, характерной для данного могильника и содержавшей разграбленное в древности захоронение. Глубина входной ямы достигала 8 м от уровня древнего горизонта. Состав погребального инвентаря (ремennые гарнитуры, фрагменты клинкового оружия, детали сбруйного набора, золотые нашивные бляшки) и конструкция погребального сооружения позволяют датировать курган первой половиной III в.

Могильник «Экажевские 1-е курганы» являлся некрополем городища «Ачим-Боарз», находящегося на ЮВ окраине с. Экажево [7]. Городище имеет три ряда фортификационных сооружений в виде ровов. Его датировка основана на собранном экспедицией в 1996 г. подъемном материале, характерном для керамического комплекса основного слоя, относящегося к II–IV в., опорного памятника аланской культуры раннего этапа – Зильгинского городища.

Катакомбы Т-образной конструкции, исследованные в могильнике (тип I), характерны для раннего этапа (II–IV в.) аланской культуры [8]. Индивидуально выглядит конструкция ступенек, расположенных зигзагообразно в виде пролетов и пока имеющих аналогии только в данном некрополе [9]. Аналогичные по конструкции Т-образные подкуранные катакомбы, как правило сопровождаемые ровиками, обнаружены в могильниках Алхан-Калинском [10], Братские 1-е курганы [11], Октябрьском I, Киевском I [12], Бесланском (Дзуцев, Малашев, 2014), Бруте 2 (Габуев, Малашев, 2009) и др. Указанные некрополи связаны с соответствующими городищами – Алхан-Калинским, Братским 1-м (Малашев и др., 2018), Зильгинским [13], Брутским [14] и др., также как и могильник «Экажевские 1-е курганы» с городищем «Ачим-Боарз».

Исследованные захоронения в курганах 1–4, 6 и 7, исходя из антропологических определений и воинскому составу инвентаря, принадлежали мужчинам. Данные захоронения, судя по размерам погребальных сооружений (глубине катакомб 7–8 м и размерам курганов), а также по погребальному инвентарю (клинковое оружие, сбруйные наборы, высокое качество серебра ременных гарнитур, золотые бляшки), относятся к достаточно высокой по статусу воинской социальной группе, а могильник «Экажевские 1-е курганы», на котором производились исследования 1995, 1996, 2016 и 2018 гг., являлся изолированным от основного некрополя городища «Ачим-Боарз» участком, где происходили захоронения воинской элиты.

В настоящее время сохранившиеся курганы (21) могильника находятся в зоне активного хозяйственного освоения и нуждаются в регулярном мониторинге и, в ряде случаев, в проведении охранно-спасательных археологических раскопок.

Литература

1. *Хашегульгов Б.М.* Отчет о разведках 2-го отряда Предгорно-плоскостной археологической экспедиции Чечено-Ингушского государственного университета им. Л.Н. Толстого и Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии в сезоне 1985 г. в Назрановском и Шалинском районах Чечено-Ингушской АССР, 1986 // Архив ИА РАН. Р-1, № 11240.
2. *Бурков С.Б.* Исследование археологических памятников в зоне строительства столицы Ингушетии – города Магаса в 1994 – 1996 гг. // XXII «Крупновские чтения» по археологии Кавказа. Тезисы докладов международной конференции – в сб.: Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. М. Ставрополь, 2008. С. 732–733.
3. *Воронин К.В., Малашев В.Ю.* Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия // Материалы охранных археологических исследований. Том 6. М.: ИА РАН, 2006.
4. *Смирнов К.Ф.* Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья, Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. 1972. № 1. С. 73–81.
5. *Мошкова М.Г., Малашев В.Ю.* Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Научные школы Волгоградского государственного университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железа и средневековья / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 1999. С. 172–212.
6. *Малашев В.Ю.* Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Вып. 1. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–232, рис. 1; Воронин К.В., Малашев В.Ю. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия / Материалы охранных археологических исследований. Том 6. М.: ИА РАН, 2006.
7. *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. (Материалы к археологической карте) / Труды Чечено-Ингушского НИИ ИЯЛ. Т. 10. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1966. С. 48.

8. *Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус, 2009.
9. *Воронин К.В., Малашев В.Ю.* Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия / Материалы охранных археологических исследований. Том 6. М.: ИА РАН, 2006, рис. 3; 7.
10. *Малашев В.Ю., Мамаев Х.М.* Алхан-Калинский могильник (материалы раскопок 1937–1938 гг.) // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный – М.: ИА РАН ИГИАР ЧР, 2011. С. 237–279.
11. *Малашев В.Ю., Магомедов Р.Г., Дзуцев Ф.С., Мамаев Х.М., Кривошеев М.В.* Охранно-спасательные исследования могильника «Братские 1-е курганы» на территории Чеченской Республики в 2018 г. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 14. № 4. 2018. С. 195–206.
12. *Малашев В.Ю., Магомедов Р.Г., Дзуцев Ф.С., Мамаев Х.М., Кадзаева З.П.* Охранно-спасательные исследования могильников раннего этапа аланской культуры на Среднем Тереке Октябрьский I и Киевский I в Моздокском районе Республики Северная Осетия-Алания в 2019 г. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 16. № 2. 2020. С. 439–460.
13. *Дзуцев Ф.С., Малашев В.Ю.* Бесланский могильник – опорный памятник аланской культуры Северного Кавказа II–V в. н.э. // Труды IV(XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том II / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, А.Г. Ситников. (IV(XX) Всероссийский археологический съезд в Казани, 20–25 октября 2014 г.). Казань: Отечество, 2014. С. 101–103.
14. *Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус, 2009. С. 9.

ГДЕ ЖЕ НАХОДИЛСЯ ГОРОД МАГАС?

Интересующая нас проблема достаточно давно привлекает к себе внимание специалистов, но, к сожалению, постепенно из проблемы научно-исторической превращается в проблему этнополитическую и конъюнктурную, по-прежнему будоража воображение различных современных авторов. Отсюда известное множество версий по поводу изначально возможного местоположения искомого города на Северном Кавказе. Полярность и даже взаимоисключительность известных точек зрения на этот счет, противоречивость приводимых аргументов, выборочность используемых в таких локализациях ориентиров и пр. наслаивается на скудный характер источниковых сведений о Магасе. На этом фоне проф. В.Б. Виноградов, неоднократно указывавший на различные возможности отождествления исторического Магаса, например, с Алхан-Калинским городищем близ г. Грозного, вынужден был признать: «Разумеется, проблема локализации города Магаса – М.к.с. продолжает оставаться дискуссионной, а возможно, и никогда окончательно не разрешимой. Она очень долго, если не всегда, будет служить объектом полемики, научных споров, объективно питаемых скудостью и неравноценностью объема наших общих знаний о конкретных «соперничающих» археолого-культурных комплексах, а также субъективно-авторскими амбициями и завышенной самооценкой собственных гипотез и историко-этнических пристрастий или антипатий, в чем я глубоко согласен с З.Б. Кипкеевой, недавно и весьма кстати напомнившей: «Нет и не может быть историка, обладающего единственным подходящим ключом к замку на дверях в далекое прошлое»¹. И еще: «Однако на сегодняшнем этапе эволюции осмысления накопленных данных и прежде всего доступных нам военно-фортификационных признаков в окружающем их ландшафте версия об Алхан-Калинском Магасе наиболее доказательна и уж, по крайней

мере, не заслуживает того, чтобы её игнорировали, умалчивали или подавали в искусственно обедненном виде»².

В связи со все расширяющейся историографической частью проблемы, мы опубликовали подборку известных на то время нам точек зрения относительно локализации Магаса³. Как выяснилось почти сразу, в эту⁵ недавно (2020 г.) была предложена еще одна версия, опубликованная исследователем из Бельгии Ж.Е. Latham-Sprinkle, предложившего город Магас отождествлять с Ильичевским городищем (Отраденский район Краснодарского края). При всей привлекательности этой версии, она представляется далекой от реальности.

Существующие точки зрения о локализации Магаса, на наш взгляд, совсем не учитывают хотя и лаконичных, но важных или даже определяющих сведений письменных источников. Повествуя о длительной осаде этого города отрядами монгольских царевичей, средневековые авторы рассказывают о применении осаждающими стенобитных машин, в результате использования которых Магас и пал. «В кака-иле, т.е., в год свиньи 636 г.х (=14. VIII. 1238–2. VIII. 1239 г.)», когда «Гуюк-хан, Менгу-каан, Кадан и Бури направились к городу Минкас и зимой, после осады, продолжавшейся 1 месяц и 15 дней, взяли его». И в «год мыши 637 г.х. (= 3.VIII. 1239 – 22. VII. 1240 г.), весной, назначив войско для похода, они поручили Букдаю и послали его к Тимур-кахалка (Дербенту – Е.Н.) с тем, чтобы он занял его и область Авир (Аварию в Дагестане – Е.Н.), а Гуюк-хан и Менгу-каан осенью того же года мыши, по приказанию каана вернулись и в год быка, соответствующего 638 г.х. (= 23.VII. 1240–11.VII. 1241 г.), расположились в своих ордах»⁶.

По свидетельству Джувейни жители города М.к.с. (Магаса – Е.Н.) «по многочисленности своей были (точно) муравьи и саранча, а окрестности были покрыты болотами и лесом до того густым, что (в нем) нельзя было проползти змее. Царевичи сообща окружили (город) с разных сторон и сперва с каждого бока устроили такую широкую дорогу, что (по ней) могли проехать рядом три – четыре повозки, а потом, против стен его выставили метательные

орудия. Через несколько дней они оставили от города только имя его и нашли (там) много добычи. Они отдали приказание отрезать людям правое ухо. Сосчитано было 270 000. Оттуда царевици решились вернуться»⁷.

События эти произошли зимой 636 г.х., т.е. на отрезке времени с 1 декабря 1238 г. по конец февраля 1239 г. в современном летоисчислении. Уточняя дату взятия Магаса J.E. Latham-Sprinkle пишет о более длительной осаде города – «от полутора до трех месяцев»⁸. «Юань Ши» также констатирует ее полуторамесячную продолжительность осады, хотя город в источнике назван иначе⁹. М.К. Джиев датирует падение Магаса серединой января 1239 г.¹⁰; J.E. Latham-Sprinkle относит это же событие к «февралю 1240 г.»¹¹. Но особый интерес вызывает сам факт длительной осады Магаса, вероятно, из-за наличия у него мощных фортификационных сооружений – «стен» на высоких валах и рвов вокруг них. А это не всегда учитывают современные авторы, предлагая свою локализацию аланской столицы. Метательные и стенобитные машины использовались чингисидами и ранее – при осадах еще дальневосточных (чжурчженьских) городов и крепостей, а затем на Руси и при взятии европейских городов и даже в «чистом поле», против живой силы неприятеля¹².

Камнеметные и иные метательные орудия на практике обслуживались не самими монголами, а их пленными и перешедшими на их сторону китайскими и чжурчженьскими «артиллеристами», обрушивавших на стены осаждаемых городов Евразии не только камни, но и зажигательные снаряды («хо пао»), уничтожая фортификационные сооружения и их защитников¹³. Такие самые дальнобойные орудия («юань пао») могли поражать противника на расстоянии свыше «350 бу», т.е. на удалении более 535 м¹⁴. Эти сведения позволяют лучше представлять себе то, как могла проходить и осада аланского Магаса с применением против него метательных машин.

Интересна и упомянутая Джувейни многочисленность жителей Магаса, которых было словно «муравьев и саранчи», по отрезанным у них ушам – 270 000 человек, что является яв-

ным и сильным преувеличением¹⁵. Даже если эта цифра включала в себя не только жителей Магаса, но и обитателей его широкой округи, она завышена. Интересно, что опыт установления подобным способом «статистики» был призван не столько для определения численности пленных и живых защитников взятого города. J.Е. Latham-Sprinkle полагает: значительная часть населения Магаса могла быть убита, либо же обращена в рабство. Длительность осады города и, по всей вероятности, неизбежные и большие людские потери, причем, не только со стороны защитников столицы, но и тех, кто ее осаждал и штурмовал, вполне могли определить подсчеты численности жителей именно таким необычным способом (отрезание правого уха). Использование столь необычного способа, как выясняется, могло распространяться, скорее всего, на убитых защитников города. Предположение подтверждается европейским источником, приведенным В.Т. Пашуто. В нем рассказывалось: буквально перед известной битвой под Легницей (1241 г.) татаро-монголы разгромили шедшую к Легнице подмогу, а после этого «отрезали уши убитым для подсчета и, нанизав на шест голову князя Генриха, монголы подступили к Легнице»¹⁶.

До сих пор нет ясности и в проблеме определения возможного месторасположения на Северном Кавказе города Магаса. Более важными в процессе таких поисков исторического Магаса могли бы стать археологические объекты региона, имеющие в своей стратиграфии не только культурные напластования предмонгольского времени, но и остатки оборонительных сооружений, как и возможные следы осады, штурма и взятия городища. Среди городищ Северного Кавказа, на которых проводились разномасштабные раскопки или шурфовки, на роль исторического Магаса не могут претендовать ни Алхан-Калинское, Кяфарское и Нижнее-Архызское городища, ни Рим-Гора или Ильичевское городище в Отрадненском районе Краснодарского края, ни «Дедяков-Татартуп-«Верхний Джулат» у Эльхотовских Ворот в Северной Осетии. Особый интерес к последнему археологическому объекту вызывают материалы масштабных археологических исследований на территории знаменитого Змейского катакомбного

могильника, расположенного близ этого городища, являющегося обширным и разновременным некрополем этого средневекового города. Раскопки на могильнике выявили не только отдельные категории погребального археологического материала золотоордынского времени, но и разноконфессиональные захоронения этого же времени¹⁷, открывающие совершенно новые перспективы в изучении всего комплекса археологических объектов «Верхнего Джулата-Татартупа». Однако отсутствие у данного городского центра соответствующих сведениям источников о Магасе фортификационных сооружений или хотя бы следов таковых, позволявших средневековому населению этого городища вести активное сопротивление Чингисидам на протяжении 1,5 месяцев, отождествление данного городища с Магасом делает нереальным. В связи с этим обратим внимание на еще одну археологически установленную закономерность, отмеченную при раскопках различных городских объектов на Руси, разоренных монголами. Практически на всех из них монголы уничтожали все оборонительные сооружения¹⁸. Среди средневековых городищ Северного Кавказа, изучавшихся археологически и еще с «домонгольского» времени имевших серьезную фортификацию, укажем на городище, в кавказоведческой литературе известное под искусственным названием «Нижний Джулат» (Кабардино-Балкария). Настоящее (историческое) название памятника неизвестно. Наименования «Верхний Джулат» (в Северной Осетии) и «Нижний Джулат» (в КБР) закрепилось за двумя северокавказскими городищами на Тереке с подачи «князя восточной нумизматики» Х.М. Френа, а затем с «легкой руки» уже офицера генштаба Отдельного Кавказского корпуса И. Бларамберга¹⁹. На территории т.н. «Нижнего Джулата» Е.И. Крупновым было проведено обследование, а позднее Г.И. Ионе и И.М. Чеченов провели небольшие по своим масштабам археологические исследования²⁰, на основе которых сегодня городище справедливо рассматривают как важный памятник историко-археологического наследия КБР, к тому же из-за происходящих там разрушений объект этот «нужно незамедлительно спасать»²¹.

Археологическими исследованиями здесь были зафиксированы следы намеренного срытия вала вокруг цитадели, сопровождавшегося и засыпкой рвов. Судя по всему, городище имело подобные защитные сооружения и по своему внешнему контуру, защищавшие его и по периферии²². Стратиграфически уничтожение (намеренное срытие) оборонительных сооружений городища, по-крайней мере, вокруг цитадели этого многослойного, в т.ч. и раннесредневекового городища И.М. Чеченов относил к первой пол. XIII в.²³, с чем можно согласиться²⁴. Такая датировка преднамеренного уничтожения укреплений вполне позволяет данные обстоятельства увязывать с интересующими нас драматическими событиями конца 1230-х гг., связанных с татаро-монгольским продвижением на восток региона. Позволительно предполагать, что именно это городище и могло быть территорией исторического и «потерянного» исследователями Магаса.

Интересно, что тот же стратиграфический разрез участка вала на цитадели Магаса (т.н. «Нижнего Джулата») показал: через некоторое время после отмечавшегося срытия укреплений, они вновь были восстановлены, но уже с использованием сырцового золотоордынского кирпича и дополнительных деревянных конструкций²⁵ (относительную дату процесса указывает фрагмент поливной керамики XIV в. в растворе между кирпичами)²⁶. Процесс восстановления фортификации, труднообъясним, хотя аналогия такого же явления, археологически была зафиксирована у т.н. «замка» близ пос. Большая Тояба в Чувашии, что было связано с возвышением и обособлением там кого-то из местных владельцев периода «великой замятни»²⁷ в Золотой Орде. Вероятно, что и появление новой, восстановленной фортификации вокруг цитадели Магаса (т.н. «Нижнего Джула») также было сопряжено с таким же возвышением здесь одного из местных золотоордынских владельцев, обособившегося также в период «великой замятни».

Вероятно, пережив драматические события конца 1230-х гг., Магас активно возрождается уже в период Золотой Орды (при Узбеке и Джанибеке), и на его территории появляется крупная мечеть с высоким минаретом и с синхронным мусульманским

кладбищем возле мечети²⁸. Особенностью мечети являлось наличие у нее оригинального подземного (под полом) склепа, на наш взгляд, ошибочно называемого некоторыми исследователями «склепом-мавзолеем»²⁹. Сохраняясь в период «великой замятни» в качестве обособленного феодального владения внутри Золотой Орде, жизнь заметно активизируется при Тохтамыше. Городище просуществовало не только до походов Тимура, но не «1397 г.», как пишет В.Н. Юринов, а в 1395 г., пережив это потрясение, оно постепенно начинает терять прежние роль и значение не только на Северном Кавказе, но и в микрорегионе. Судя по ныне известной коллекции монет отсюда, жизнь в округе городища вновь активизируется и достигает своего максимума уже в самом начале XV в. (при Шадибеке³⁰ и Пуладе, т.е. уже после вторжения Тимура). «Со «второго 10-летия XV в. экономическая жизнь в городе резко снижается и в конце правления Улу-Мухаммада практически полностью прекращается». Одиночные находки монет (3 данга трёх последующих ханов Большой Орды), «указывают на то, что оставленный жителями город иногда кем-то еще посещался и во второй половине XV в.». Эпизодически «посещался он и иностранцами», как минимум, «в течение ещё 3-х веков»³¹.

На фоне предложенной реконструкции событий полное запустение Магаса (т.н. «Нижнего Джулата») заманчиво связывать с вторжением в его округу отрядов газиев сефевидского шейха Хейдара (Хайдара), вторгшихся в пределы Северного Кавказа (1486 или 1487 гг.) из Ирана. Пройдя Дербент и дойдя до Верхнего Терека, они, вероятно, разгромили и интересующее нас городище³², затем уйдя дальше, в сторону Приазовья. Маршрут их движения туда хорошо маркируют три крупных монетных клада на Ставрополье и Кубани³³, скорее всего зарытых в землю при приближении отрядов Хейдара. Гази, вероятно, намеревались из Приазовья пройти вдоль Черного моря и выйти в район современного Сочи³⁴, а оттуда – уже в Грузию и через нее вернуться на родину, но в Приазовье они были наголову разбиты и рассеяны³⁵.

По крайней мере, именно так ныне представляется история с локализацией исторического города Магаса, помещаемого нами на территории современной Кабардино-Балкарии – на территории т.н. «Нижнего Джулата».

Литература

1. *Кипкеева З.Б.* Концепция «российскости» как основа для кавказоведческих исследований // Кавказоведческая школа В.Б. Виноградова: становление, современность, перспективы. Основная часть. Армавир, 2002. С. 36.
2. *Виноградов В.Б.* Российский Северный Кавказ: факты ... С. 25–32.
3. *Нарожный Е.И.* Локализация города Магаса «продолжает оставаться дискуссионной, а возможно, и никогда окончательно нерешенной» // Apriori. Электронный научный журнал. Серия: Гуманитарные науки. С. 1–24 /<http://www.apriori-journal.ru/serial1/4-2016/Narozhnyj.pdf>.
4. Об этом см. точки зрения Р.Ф. Фидарова [Фидаров Р.Ф. Роль Верхнего Джулата в государственной идеологии Алании // Историко-филологический архив. Владикавказ, 2011, № 7. С. 4–25] и Я.З. Ахмадова [Ахмадов Я.З. О некоторых итогах и вопросах в исследовании раннесредневековых городов Северо-Восточного Кавказа // Роль северокавказских городов в социально-экономическом и историко-культурном развитии Кавказа. Материалы Всероссийского историко-этнографического форума, посвященного 200-летию основания г. Грозного. Грозный: Изд-во АН ЧР, 2017. С. 3–15].
5. Так В.А. Фоменко, развивая свое предположение о локализации Магаса в КБР [Фоменко В.А. К вопросу о локализации средневекового Магаса // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (49): в 2-х ч. Ч. II. С. 170–173], повторяет ее в другой своей работе: *Фоменко В.А.* Древности долины реки Хасаут и другие археологические памятники Северного Кавказа (вопросы культурно-этнической и принадлежности) /отв. ред. Б.Х. Бгажноков. Нальчик, 2016, 2014. С. 170–173]. Свои соображения по интере-

сующему нас поводу высказал проф. А.А. Туаллагов [Туаллагов А.А. «Магас» – столица Алании // *Alanica*. Сборник избранных статей доктора исторических наук А.А. Туаллагова. К 50-летию со дня рождения). Владикавказ, 2017. С. 527–560], Л.Э. Голубев [Голубев Л.Э. Адыги в XIII–XV вв. Социально-экономическое и политическое развитие. Краснодар: ИП Вольная. 2017. С. 50–51, прим.1], С.Н. Савенко [Савенко С.Н. Характеристика социального развития аланского общества Северного Кавказа по материалам катакомбных могильников X–XII вв. н.э. (Серия: Археология евразийских степей 24). Пятигорск – Казань, 2017] и С.Б. Бурков (Бурков, С.Б. Алхан-Калинский комплекс памятников, как исторический источник (по материалам научных публикаций и данных полевых отчетов) // *Российский Кавказ: социокультурные, экономические и политические аспекты истории*. Материалы к историко-археологическому изучению региона. Доклады и сообщения 22 международного семинара Кавказоведческой школы В.Б. Виноградова. Серия: Известия научно-педагогической Кавказоведческой школы В.Б. Виноградова. Вып. 10. Армавир – Ставрополь, 2018. С. 124–135].

6. *Тизенгаузен В.Г.* СМИЗО. М.–Л., 1941. Т.2. С. 37.
7. *Тизенгаузен В.Г.* СМИЗО. М.–Л., 1941. Т.2. С. 23.
8. *Latham-Sprinkle J.E.* A new proposal regarding the location of the Alan capital Magas ... С. 453.
9. *Джигоев М.К.* Алания в XIII–XIV вв. Рукоп. канд. дис. М.: МГУ, 1982. С. 69–70; *Latham-Sprinkle J.E.* A new proposal regarding the location of the Alan capital Magas ... С. 2020, 453.
10. *Джигоев М.К.* Алания в XIII–XIV вв. С. 70.
11. *Latham-Sprinkle J.E.* A new proposal regarding the location of the Alan capital Magas ... С. 453.
12. Параллельно утверждается и об использовании татаро-монголами против поляков, там же под Легницей каких-то «боевых отравляющих газов» [*Свентославский В.* Боевые газы в военном деле монголо-татар // ЗВОРАО: Новая серия. Т.1 (XXVI). СПб: 2012. С. 393–379]. Сведения эти вызывают закономерные вопросы [*Нарожный Е.И.* Из истории изучения средневекового вооружения XIII–XIV вв. (Юбилейная и полемические заметки) // *Археология евразийской степи*, № 6: Военная археология.

- К 60-летию д.и.н. И.Л. Мзмайлова. Казань: ИА АН РТ, 2020. С. 301–315].
13. *Школяр С.А.* Китайская доогнестрельная артиллерия (Материалы и исследования). М.: Наука, 1980. С. 178.
14. *Майоров А.В.* Завоевание русских земель в 1237–1240 годах // Золотая Орда в мировой истории. Казань: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ – 2016. С. 94–95.
15. *Туаллагов А.А.* «Магас» – столица Алании ... С. 528.
16. *Пашуто В.Т.* Монгольский поход вглубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе. Сб. статей. 2-е изд. М: Наука, 1977. С. 217.
17. *Леонтьева А.С.* Кашинные изделия в погребениях Змейского катакомбного могильника // Поволжская археология. Казань: ИА АН РТ, 2018. № 4. С. 56–70; Леонтьева А. Петлеконечные кресты из раскопок Змейского могильника в 2013–2014 гг. // Донские древности. Вып. 12: Материалы международной научной конференции «Азак и мир вокруг него» (Азов, 14–18 октября 2019 г.) / Отв. ред. Е.Е. Мамичев. Азов Изд. АКМ, 2019. С. 145–147; Леонтьева А.С. Мусульманские погребения Змейского катакомбного могильника // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI «Крупновские чтения». Материалы международной научной конференции, посвященной 50-летию «Крупновских чтений» и 50-летию Дербентской археологической экспедиции (Махачкала, 20–25 апреля 2020 г.) / Отв. ред. М.С. Гаджиев / Махачкала: МавраевЪ, 2020. С. 379–382; Нарожный Е.И. Три заметки о северокавказских археологических материалах XIII–XV вв. // МИА Северного Кавказа. Вып. 18 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир – Краснодар, 2020. С. 202–217.
18. *Фёдоров–Давыдов Г.А.* Монгольское завоевание и Золотая Орда // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 229–236.
19. *Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б.* О монетных дворах Северного Кавказа XIII–XV вв. // МИА Северного Кавказа. Вып. 4 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: АГПИ, 2004. С. 322–330.
20. *Крупнов Е.И.* Основные проблемы древней истории и археологии Кабарды. Ученые записки Кабардинского НИИ. IV. Нальчик, 1948. С. 91–109; Чеченов И.М. Раскопки городища Нижний Джулат в 1967 году // Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ.

- Т.25. Нальчик, 1968. С. 29–160; Чеченов И.М. Некоторые итоги раскопок посада Нижнего Джулата в 1967 г. // Вестник Кабардино-Балкарского НИИ. Т.1. Нальчик, 1968. С. 128–151; Чеченов И.М. Древности Кабардино-Балкарии (Материалы к археологической карте). Нальчик, 1969. С. 78.
21. *Юринов Б.Н.* Этнографическое изучение объектов историко-культурного наследия на примере памятников археологии КБР // *Russian Colonial Studies*. №1(5). С. 181–205 DOI: 10.24411/2686-9217-2020-10009 2020, 188–190.
 22. *Маджар и Нижний Джулат*. Из истории золотоордынских городов Северного Кавказа. Нальчик, 2015. С. 141. Рис. 1–3.
 23. *Чеченов И.М.* Раскопки городища ...1968. С. 129–160; Чеченов И.М. Некоторые итоги раскопок ... 1968. С. 128–151; Чеченов И.М. Древности ...1969. С. 78.
 24. *Мамаев Х.М., Нарожный Е.И.* Из истории русско-северокавказских военных контактов в XIII–XIV вв. // *Итоги и традиции русско-северокавказского боевого содружества в дореволюционном прошлом: Тезисы докладов*. Грозный, 1990. С. 9–11; *Маджар и Нижний Джулат* ..., 2015. С. 118.
 25. *Мамаев Х.М., Нарожный Е.И.* Из истории русско-северокавказских военных контактов в XIII–XIV вв.. ... С. 9–11; *Маджар и Нижний Джулат*..., 2015. С. 143–145, рис. 6–7, рис.8–9, рис. 10–11.
 26. *Нарожный Е.И.* О находках поливной керамики XIII–XIV вв. на территории Северного Кавказа // *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.* Т.2. Казань – Кишинев, 2017. С. 524. Рис. 7, 1.
 27. *Фёдоров–Давыдов Г.А.* Раскопки на городище у пос. Большая То-яба // *Вопросы археологии и истории Чувашии*. Вып. 26. Чебоксары, 1968. С. 82–92.
 28. *Чеченов И.М., Зиливинская Э.Д.* Мечеть городища Нижний Джулат // *Древности Северного Кавказа*. М., 1999. С. 201–210; *Зиливинская Э.Д., Чеченов И.М.* Подземный склеп на городище Нижний Джулат // *Проблемы истории и культуры Северного Кавказа*. М., 2004. С. 138–159; *Маджар и Нижний Джулат* ... С. 118–130.
 29. *Зиливинская Э.Д., Чеченов И.М.* Подземный склеп на городище ...С. 138–159; *Маджар и Нижний Джулат* ... С. 123–125. Как известно, «мавзолеи» – это наземные сооружения.

30. Вероятно, в тот момент, когда Шадибек скрывался на Северном Кавказе и пользовался покровительством правителя Дербента.
31. *Лебедев В.П., Ситник В.Г.* Комплекс серебряных джучидских монет из Нижнего Джулата (Кабардино-Балкария) // МИА Северного Кавказа. Вып. 13. Армавир-Краснодар, 2012. С. 196–197; Лебедев, В.П., Ситник В.Г. Неизданные редкие пулы Золотой Орды с городища Нижний Джулат (Северный Кавказ) // *Tyragetia*. Кишинев, 2013. Т. VII (XXII) № 2. С. 381–388.
32. *Нарожный Е.И.* О локализации маршрута сефевидов шейха Хайдара на Северном Кавказе (80-е годы XV в.) // Вопросы северокавказской истории. Вып. 6. ч. II. Армавир, 2001. С. 20–31.
33. *Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б.* О «Петровском кладе» на Кубани // Наукові записки КДПУ. Синьоводська битва 1362 року в контексті історії Східної Європи. Кіровоград: 2014. С. 61–66; Нарожный Е.И. Монетный клад 1891 года из селения Сандатовское (Ставрополье) // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2015. Т. 7. № 5. Ч. 1. С. 43–37; Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. «Петровский» монетный клад на Кубани: некоторые итоги и перспективы изучения // Нумизматика Золотой Орды. Казань, 2015. № 5. С. 105–115.
34. В золотоордынское время этот маршрут в средневековых источниках (армянский автор Гайтон (XIII в.), он же Гетум Патмич и грузинский «Хронограф» XIV в.) называли «дорогой Запада» [Нарожный Е.И. Основные торгово-стратегические коммуникации в северокавказских пределах Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. Казань: ИИ АН РТ, Вып. 10. 2017. С. 219–223].
35. *Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б.* О приазовском отрезке маршрута движения сефевидского шейха Хайдара (1487 г.) // Кубанские исторические чтения. IX международная научно-практическая конференция (г. Краснодар, 29 июня 2018 г.). Краснодар, 2018. С. 144–148.

В.Е. Нарожный

(г. Армавир, Краснодарский край),

Е.И. Нарожный

(г. Карачаевск, Карачаево-Черкесская Республика)

О НЕКОТОРЫХ ВИДАХ ВООРУЖЕНИЯ XIII–XIV вв. ИЗ ВЫСОКОГОРНОЙ ИНГУШЕТИИ

На фоне недавней монографии Д.Ю. Чахкиева по военному делу позднесредневековых чеченцев и ингушей¹ появилось еще несколько публикаций на этот счет. Среди них отметим статью д.и.н. Я.В. Пилипчука² из г. Киева, критический анализ которой недавно был предпринят одним из авторов данной работы³. Определенный интерес представляют и тезисы совместного доклада У.Ю. Кочкарова (г. Москва) и Р.Х. Мамаева (г. Грозный) на XXX «Крупновских чтениях» по археологии Северного Кавказа⁴. Опираясь на находку сабли из погребения 33 на участке раскопа М.Б. Мужухоева, авторы проанализировали специфику технологии изготовления сабли и ее рукояти⁵. Ссылаясь, по их мнению, на «безымянную» находку похожей сабли из Грузии, упомянутую нами в одной из предшествующих статей, они предположили: «видимо, в данном случае имелась в виду сабля из Вани», неоднократно публиковавшаяся некоторыми грузинскими оружейведами⁶. Однако указанная сабля – не единственная сабля этого типа из погребений и одного склепа Келийского могильника⁷. А упомянутая аналогия из Грузии указывалась нами к иной разновидности келийских сабель – с такой же рукоятью и перекрестьем, но с более широким и массивным слабоизогнутым клинком, вдоль верхнего края которого проходили два т.н. «ребра жесткости»⁸. У.Ю. Кочкаров и Р.М. Мамаев, касаясь вопроса о генезисе рассмотренного ими «типа рукоятей» на келийских саблях, «не предпрещая ничего окончательно», отметили: при очевидности вывода об их грузинском производстве», как это предлагают грузинские коллеги-оружиеведы И. Бакрадзе и М. Цурцумия

(Tsurtssumia), свою роль, на их взгляд, сыграло и влияние (заимствование) такого типа гарнитуры из византийской военной традиции. Разделяя их несогласие с датировкой грузинскими коллегами сабель с такими рукоятями сугубо «домонгольским» временем, согласны с тем, что горноингушские образцы XIII–XIV вв. Однако необходимо учитывать то обстоятельство, что сабли Келийского могильника разнотипны, почти каждая из них сочетает в себе совокупность различных признаков, разнясь в своих размерах (общая длина, длина и ширина клинков), оформлении рукоятей, наличии или отсутствии у них т.н. «ребер жесткости», степени изгиба клинков, окончании его нижней трети (для нанесения такой саблей только рубящего или же рубящее-колющего ударов). Различаются у них⁹ перекрестия и аксессуары ножен, среди которых есть и аналогичные образцам на раннесредневековых саблях, хорошо знакомых, например, по саблям из Змейского катакомбного могильника в Северной Осетии и пр. Все это требует дальнейшего и детального изучения данной категории вооружения из горной Ингушетии.

Недавно, опубликовав выявленный в фондах ГИМа шестопер из осетинского святилища Реком¹⁰, несколько интересных наблюдений относительно предметов ударного вооружения (шестоперы, булавы и кистени) из Ингушетии¹¹ было высказано нашими коллегами из ИА РАН к.и.н. И.А. Дружининой и к.и.н. В.Н. Чхаидзе¹². Не касаясь атрибуции шестопера из Рекома с оригинальной декорировкой, коснемся лишь нескольких аспектов интереса указанных авторов к горноингушской «коллекции» таких предметов ударного вооружения.

Являясь на нынешний день одной из наиболее представительных коллекций¹³, зафиксированных на относительно компактной территории, И.А. Дружинина и В.Н. Чхаидзе справедливо указывают на их типологическое разнообразие. Ссылаясь на мнение ряда исследователей, они справедливо констатируют: «В научной литературе представлены разные мнения о путях проникновения перначей на территорию Золотой Орды (центральноазиатском, ближневосточном, русском, черноклобуцком)», а также и с территории государства Хулагуидов. Объяснение можно было бы ис-

кать в близости к зимним кочевьям монгольской ставки¹⁴ в Предкавказье – известно, что перначами были вооружены кэшигтен из личной гвардии хана¹⁵, хотя такие предметы вооружения являлись не только предметом социально-престижного снаряжения элитной части чингисидского войска. Как это описывал еще М. Поло, на что уже обращалось внимание¹⁶, рассказывая об одном из сражений между чингисидским войском и их соперниками, он упоминает и факт использования предметов ударного вооружения. Происходит это после того, как противники «израсходовали все стрелы» в своих колчанах, т.е. после завершения дистанционного боя, когда сражавшиеся «схватались за мечи и палицы, бегут друг на друга и раздают удары сильные...»¹⁷. Находки предметов ударного вооружения в высокогорье вполне могли использоваться не только в прямом, утилитарном назначении. Если обратить внимание на них с точки зрения статистики и условий обнаружения, заметно бросается в глаза то, что основная масса таких предметов является погребальным инвентарем коллективных захоронений из склепов, воспринимаемых ныне различно – как погребальные сооружения «семейно» или же «фамильно-родового» характера. Наличие в них по 1, реже по 2 экз. наверший интересующих нас находок, вероятно, могло быть и своего рода предметами с социально-престижной (воинской-?) семантикой.

Что касается источников поступления интересующих нас образцов вооружения, например, из комплекса вооружения «черных клобуков», средневековой Руси и др., то и здесь многое объяснимо. Несмотря на бытование точки зрения, находки интересующих нас предметов ударного вооружения напрямую связывавших с прямыми «русско-северокавказскими связями», тем не менее при объяснении таковых находок мы не можем игнорировать того, что часть таких наверший булав и кистеней могла попасть на Северный Кавказ еще в «домонгольское» время, затем дожив до более позднего времени. Нельзя исключать и того, что подобные образцы, учитывая их малочисленность, могли эпизодически попадать на Северный Кавказ в контексте различных исторических событий. Например, в результате участия русских военных

дружин на стороне Золотой Орды, как это случилось во время Менгу-Тимура, возглавившего совместный русско-ордынский поход, осаду и взятие «славного града ясского Дедякова» (Татартупа) у Эльхотовых ворот¹⁸. К тому же ныне есть и все основания предполагать возможное участие на стороне алан – защитников этого города – и небольшой части средневековых дзурдзуков (предков ингушей) из Горно-Ассинской котловины¹⁹. Но при этом не менее жизнеспособной представляется и версия о вероятном присутствии в городах Золотой Орды, включая и Северный Кавказ, отдельных русских ремесленников-оружейников, перемещенных сюда еще в первой пол. XIII в., или их потомков, которые по-прежнему использовали давнюю и апробированную технологию подобного производства²⁰. Эти заимствования и влияния, осуществлявшиеся внутри Золотой Орды в результате перемещения сюда различных энокультурных групп кочевников, например, черных клобуков вместе с иными соседями с южнорусского порубежья²¹, почти сразу же становились составной частью ее военного дела, а уже с территории Золотой Орды совершенно разными путями они оказывались и в горах региона, вливаясь в вооружение ее населения. Известно, на что также уже обращалось внимание²², что среди подарков египетского султана золотоордынскому хану Берке источники называют и «булавы железные позолоченные»²³, что ныне подтверждается и археологическими находками²⁴.

И.А. Дружинина и В.Н. Чхаидзе предполагают, что «по-видимому, именно через Грузию к горцам Северного Кавказа поступали предметы вооружения из Ирана, а также и собственно грузинского производства. На территории Картли обнаружено значительное количество наверший перначей как XIII–XIV вв., так и более позднего времени»²⁵. Действительно, на территории соседней Грузии ныне известна не менее представительная коллекция не только перначей, шестоперов, но и иных типов наверший предметов ударного вооружения²⁶. Развивая их предположение о роли средневековой Грузии в качестве одного из постоянных «поставщиков» в средневековую Ингушетию различных видов вооружения²⁷ – это предположение можно подтвердить, например,

отмечавшимися выше точками зрения о грузинском происхождении некоторых сабель Келийского могильника. А также – предположениями о реальности принадлежности шлема²⁸ и шестопера из осетинского Рекома, легендарному Ос-Бакатару. Однако следует учитывать и то, что такие же «поступления» не всегда и не обязательно носили характер прямых и непосредственных торговых операций. В некоторых грузинских источниках, на которые в свое время указывал еще Е.И. Крупнов, отмечалось, например, «в описании состава грузинских «эриставств» (княжеств), учрежденных кахетинским царем Квирике II (1014 г.)», есть сведения о дзурдзуках – предках современных ингушей, которые «содержатся и в вахуштовской «Сакартвелос цховреба» («Жизнь Грузии»). Там, в описании состава второго «эристави» (Кветерского княжества), границы которого, якобы, простирались и на северные склоны Кавказского хребта, в связи с чем летописец писал – «это есть эрцотнетцы, пховцы, дзурдзукп и глигвы». По этому поводу Е.И. Крупнов подчеркивал: хотя из отрывка не совсем ясно, «существовала ли в начале XI в. отмеченная источником зависимость северокавказских горцев от феодальной Грузии».

Сведения «о дзурдзуках имеются и в летописи, описывающей поход знаменитого полководца царицы Тамар – Иванэ Мхаргрдзели (Долгоруком или Долгоплечем)». Поход этот был организован «для подавления крупного восстания пховцев (пшавов и хевсур) и дидойцев, вспыхнувшего в 1212 г.». По словам грузинского историка, «Иванэ Мхаргрдзели поднялся на гору Кады, перешел гребень и переступил далее на гору пхойцев и дидоев, чего никто не совершал ни раньше, ни впоследствии: с одной стороны у него оказались дзурдзуки, а с другой – дидой и пховцы»²⁹. Участие, или прямая причастность горцев-дзурдзуков в тех, впрочем, как и в других политических событиях и акциях под эгидой Грузии, наверняка открывало перед ними самые разные возможности доступа к «обновлению» своего вооружения не только из Грузии. Участвовали дзурдзуки и в совместной с аланами обороне Тбилиси от вторгнувшегося в Грузию войск хорезмшаха Джалал-ад-Дина. Царица Русудан, обратившаяся к горцам Восточного Прида-

рьяля за военной помощью, «отверзла Врата Дарьяльские и впустила» их («овсов, дзурдзуков и заодно с ними и горцев тех мест») в Грузию³⁰. Несмотря на поражение союзников Русудан при защите грузинской столицы (хорезмшах в Тбилиси даже захватил казну, монеты которой затем он перечекал от своего имени), аланы и дзурдзуки, как и другие участники тех событий, вероятно, получили за свою военную помощь денежное вознаграждение в виде монет Русудан, разошедшихся затем в горах Осетии и Ингушетии. Но из-за отсутствия там торгово-денежных отношений, привнесенные сюда монеты были пробиты и превращены в женские привесные украшения³¹, достаточно распространившиеся достаточно широко в горах Восточного Придарьяля³². И в этих условиях, как представляется, появлялись самые разные возможности для притока в высокогорье региона не только монет, украшений, керамики, но и оружия с территории Грузии. Вторжение войск татаро-монгольских царевичей на Северный Кавказ, как справедливо полагал Е.И. Крупнов, оказалось тяжелым испытанием не только для горцев Северного Кавказа, но и Грузии. Исследователь даже предположил: указанные события «пагубно сказались на культурно-политических и экономических связях Грузии и горцев Северного Кавказа»³³. Но эта точка зрения, доминировавшая достаточно долго, в конечном итоге была скорректирована в пользу версии о сохранении традиционных, грузино-северокавказских связей и в период Золотой Орды. И ныне они сводятся не только к упоминанию «свидетельств о редких поездках католикоса Евфимия к кавказским горцам при Георгии V Блистательном»³⁴. Находки в склепах и погребениях Келийского могильника грузинской керамики из светлой глины, в т.ч. декорированной по внешней поверхности органическими красителями и др. ее типов, находящих аналогии, например, к примеру, в погребальных комплексах могильника Накалакари³⁵ – некрополя средневекового грузинского города Жинвали. В контексте указанных взаимоотношений широко распространяется и традиция размещения на других находках келийской керамики грузинских надписей, нанесенных по сырой глине (т.е. еще до ее обжига) при помощи букв шрифта ассомтаврили.

Но, как полагают современные специалисты, буквами грузинского алфавита передавались местные имена.

Особо активно указанные связи развиваются в период правления в Золотой Орде ханов Узбека и Джанпбека, которые, хотя и не на очень длительное время расширили свои золотоордынские владения за счет покорения значительных территорий, до этого подчинявшихся Хулагуидам Ирана, включая и грузинское Закавказье, где даже были отчеканены монеты от имени указанных золотоордынских ханов³⁶. Именно в это время, не только в горах, но и непосредственно у Эльхотовых ворот заметно активизируются связи с Грузией, выходцы из которой, вероятно, участвовали даже в строительстве одного из христианских храмов «Верхнего Джулата», в пространстве которой В.А. Кузнецовым были обнаружены фрагменты черепиц и сосуда с буквами того же грузинского алфавита. Таким образом, историко-культурный контекст XIII–XIV вв. неоднократно создавал разнообразные условия и возможности для распространения среди горцев Восточного Приднестрья самых разных предметов материальной культуры, в т.ч. и предметов вооружения. Дополнялись они и военными «трофеями» с территории Золотой Орды, а также и в результате иных контактов и способов заимствования на территориях, как и Грузия, находившихся в прямой зависимости от ильханов Ирана. Заимствования эти в значительной мере аккумулировались в материалах не только наиболее хорошо археологически изученного Келлийского могильника, но и в материалах других, эпизодически изучавшихся некрополей высокогорной Ингушетии. Их полная публикация – одна из актуальных проблем на современном этапе развития научного интереса к средневековому прошлому этой части Кавказа. Новые материалы, впрочем, как и новые археологические исследования в высокогорной Ингушетии, вне всякого сомнения создадут условия для значительного углубления современных представлений об этнокультурной специфике населения этого микрорегиона и определению как места, так и роли его населения в окружающем их пространстве и в динамике непростых событий XIII–XV вв. во всем своем многообразии.

Литература

1. Чакхиев Д.Ю. Оружие и вопросы военного искусства позднесредневековых ингушей и чеченцев (XIII–XVIII вв.). Магас, 2019.
2. Пилипчук Я.В. О месте нахов в политической истории Центрального Кавказа // *Amirani*. Тбилиси, 2019. № 32. С. 129–146.
3. Нарожный Е.И. Из истории изучения средневекового вооружения XIII–XIV вв. (Юбилейная и полемические заметки) // *Археология евразийских степей*. Казань: ИА АН РТ, 2020 № 6. С. 301–315.
4. Кочкаров У.Ю., Мамаев Р.Х. О саблях Келийского могильника (Горная Ингушетия) // *Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения XXXI «Крупновские чтения»*. Материалы международной научной конференции, посв. 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции. (Махачкала, 20–25 апреля 2020 г.). Махачкала, 2020. С. 383–385.
5. Здесь следует указать и на находку «шаровидного навершия» из слоя 2 склепа №1 могильника Цой-Педа в Чечне [Даутова Р.А., Мамаев Х.М. Новые данные о средневековых подземных склепах из Чечено-Ингушетии // *Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии*. Грозный, 1985. С. 52. С. 51. Рис.12, 27], возможно являвшегося верхней частью точно такой же сабельной рукояти.
6. Bakradze I. Arms and Armory of Georgian warriors during the 10th – 11th os. (According to the Archaeological and Written sources) // *ivane javaxi Svislis saxelobis Tbilis saxelmwifo universitetis saqar Tvelos istoriis institute*. Tbilisi. 2011. s.91, рис.5, s.97, табл. III, 2; Бакрадзе И. Сабля и меч эпохи развитого средневековья из коллекции Национального музея имени Симона Джанашиа (г. Тбилиси) (к истории появления и распространения сабли в Грузии) // *Военная археология*. Вып. 3. М. 2013. С. 277–291. Рис. 1; Tcurcumia M. Medieval sword and sabre from the Georgian National Museum // *Acta Militaria Mediaevalia*. XI. Krakow – Sanok – Wroclaw, 2015. P. 167. Fig. 3].
7. Чакхиев Д.Ю. Новые воинские захоронения золотоордынского времени Паметского могильника горной Ингушетии // *Новое в археологии и этнографии Ингушетии*. Нальчик, 1998. С. 26. Рис.1, 2; Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. Захоронение № 84 Ке-

- лийского могильника (высокогорная Ингушетия) // Вестник Археологического центра им. Е.И. Крупнова. Назрань, 2012. Вып. IV. С. 182–196.
8. *Нарожный Е.И. Нарожный В.Е., Чахкиев Д.Ю.* Погребение № 15 Келийского могильника (Горная Ингушетия) // МИА Северного Кавказа. Вып. 5. Армавир, 2005. С. 291–304.
 9. *Виноградов В.Б., Нарожный Е.И.* Погребения Келийского могильника (горная Ингушетия) // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар: КубГУ, 1994. С. 90. Рис. 17, 21; Чахкиев Д.Ю. Новые воинские захоронения золотоордынского времени Паметского могильника горной Ингушетии // Новое в археологии и этнографии Ингушетии. Нальчик, 1998. С. 26. Рис. 1, 2; Чахкиев Д.Ю. Воинское погребение золотоордынского времени Паметского могильника горной Ингушетии // Археология и этнография Северного Кавказа. Краснодар, 1998. С. 103. Рис. 2, 14; Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. Захоронение № 84 Келийского могильника (высокогорная Ингушетия) // Вестник Археологического центра им. Е.И. Крупнова. Назрань, 2012. Вып. IV. С. 182–196. Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. Горная зона Восточного Придарьяля и золотоордынские владения (к изучению динамики взаимоотношений) // Донские древности. Вып. 10: Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV международной конференции, посвященной памяти проф. МГУ Г.А. Фёдорова–Давыдова. Азов, 2009. С. 375. Рис. 1, 1–2 и др.
 10. *Дружинина И.А.* Комплекс предметов вооружения из святилища Реком как источник по истории Ближневосточно-Кавказских связей на рубеже XIII–XIV вв. // IV международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Тез. докл. Севастополь, 2012. С. 15–17; Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н. О старых и новых находках предметов вооружения из североосетинского святилища Реком // Очерки средневековой археологии Кавказа. М., 2013. С. 74–81.
 11. *Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю.* О находках некоторых образцов ударного и защитного вооружения на Северном Кавказе (XIII–XV вв.) // МИА Северного Кавказа. Вып. 2. Армавир, 2003. С. 126–153.
 12. *Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н.* Шестопер из аланского святилища Реком // Древние памятники, культуры и прогресс. A caelo usque

ad centrum. A potentia ad actum. Ad honores, посв. Д.В. Рукавишникову. М., 2020. С. 212–225.

13. Подобное средоточие интересующих нас предметов ударного вооружения в горах Ингушетии, в первую очередь было обусловлено тем, что они были обнаружены при проведении масштабных, новостроечных, охранно-спасательных археологических исследований, затронувших сразу несколько синхронных археологических объектов. Близкая ситуация сложилась и с другими категориями археологических материалов, значительно увеличивших статистику находок иных категорий предметов вооружения (сабли, шлемы, колчаные наборы и пр.) по сравнению с их численностью предыдущего времени. Помимо предметов вооружения, те же исследования принесли и огромное количество иных артефактов – керамика, нумизматические материалы [Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. Евразийские монеты XIII века с территории Северного Кавказа. Историко-археологические этюды // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2009. №1(37). С. 52–61; Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. Средневековые монеты из высокогорной Ингушетии // Проблемы археологии Кавказа. Материалы междунаро. науч. конф., посв. 70-летию Б.Н. Воронова. Сухум, 2011. С. 190–196; Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. Нумизматические материалы XIII–XIV вв. из высокогорной Ингушетии // Нумизматика Золотой Орды. Казань, 2012 № 2. С. 66–73], украшения [Нарожный Е.И. и Г.В. Владимиров о времени, путях и условиях нения распространения серег в виде знака вопроса на Балканах (Рецензия на две монографии болгарского ученого) // Вестник Владикавказского НЦ РАН Владикавказ, 2020. № 4. С. 70–80], предметов мелкой христианской пластики [Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Голованова С.А. О древнерусских предметах на Северном Кавказе // Россия и Северный Кавказ (проблемы историко-государственного единства). Грозный, 1990. С. 3–15; Нарожный Е.И. Два погребения с древнерусскими предметами мелкой христианской пластики с территории Келийского могильника // Археология на новостройках Северного Кавказа. Грозный, 1991. С. 50–54; Нарожный Е.И. Восточные и западные инновации. Автореф. канд. дис. Воронеж 1998] и др.: [Нарожный В.Е. Население высокогорной Ингушетии в XIII–XV вв. Авто-реф. дис.

... канд. ист. наук. Владикавказ, 2012]. Пользуясь случаем укажем на недавнюю реакцию В.Н. Чхаидзе относительно находки в одном из захоронений Келийского могильника двустовчатого энколпиона с двумя обрывками разных цепочек. Действительно, не имея на тот момент (1990 г.) аналогий находке, энколпион вероятностно был отнесен к «древнерусским». Учитывая находки близких и более ранних односторонних «аланских подражаний византийским крестам-энколпионам (XI – нач. XIII в.)» с парными медальонами на концах таких (сводку и обзор таких находок см.: [Чхаидзе В.Н. Аланские имитации византийских крестов-энколионов (XI – нач. XIII в.) // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2018. Т. 46. С. 127–133. С. 128. Прим. 4. С. 129. Рис. 1,1]). Несколько стиранным представляется утверждение В.Н. Чхаидзе, кстати говоря, судящего о предмете только по его рисунку, о том, что данный предмет «неверно назван двустовчатым энколпионом». Но он, действительно является энколпионом с неглубокими углублениями с обратной сторон обеих створок.

14. Использование в данном случае термина «ставка», не совсем удачно, поскольку «ставкой» обычно называлась кочевая часть (орда) в улусной системе Золотой Орды [Федоров–Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: МГУ, 1973. С. 63–64 и сл.]. С момента прихода к власти там хана Берке, до этого являвшегося лишь «владельцем кочевий на Северном Кавказе», Северный Кавказ вместе с Поволжьем становятся «доменом золотоордынских ханов, по типу, например, иранского «инджу» [Федоров–Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды ... С. 61]. Что касается территории Восточного Придарьяля у Эльхотовых Ворот с «Дедаковым», то они контролировались аланами, одно время подчинявшихся некоей Лимачав, вместе с ее княжеским окружением и двумя малолетними сыновьями. После ее ухода отсюда вместе с войсками Хулагуидов на их территорию, эта «удивительная женщина» (Лимачав), от «самого Хулау» получила вознаграждение «за службу». Грузинский же царь определил для нее с сыновьями и ее окружения места для постоянного проживания (в Дманиси и в Жинвали). Ближе к рубежу XIII–XIV вв., эта часть Придарьяля контролировалась лишь «стражей татарской» (отсюда, вероятно, и историческое название города – «Татартуп», т.е. «стоянка татар»). В 1295 г.

- «стража» на некоторое время вновь была изгнана отсюда [Нарожный Е.И. Северный Кавказ в XIII–XIV вв.: проблемы политической истории и этнокультурного взаимодействия. Автореф. докт. дисс. Владикавказ, 2010].
15. *Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н.* Шестопер из аланского святилища Реком. С. 220.
 16. *Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю.* О находках некоторых образцов ударного ... С. 132.
 17. Марко Поло «палицами» называет разнотипные предметы ударного вооружения [Книга Марко Поло. Пер. старо-фр. Текста И. П. Минаева; Ред. и вступ. статья И. П. Магидовича. М.: Географиз, 1955. С. 232].
 18. *Нарожный Е.И.* Русско-ордынский поход против «славного яского города Дедякова» в контексте политической обстановки на Северном Кавказе // Золотоордынская цивилизация. Казань: ИИ АН РТ им. Ш. Марджани, 2009. № 2. С. 154–162.
 19. *Нарожный В.Е.* Население высокогорной Ингушетии в XIII–XV вв. Автореф. дис. ... канд. истор. наук : 07.00.02. Владикавказ: СОГУ им. К.Л. Хетагурова, 2012.
 20. *Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю.* О находках некоторых образцов ударногоС. 136.
 21. *Нарожный Е.И., Тищенко И.Б.* Два захоронения могильника XIII–XV вв. поселения «Железнодорожное-2» (Крымский район Краснодарского края) // История, археология и этнография Кавказа. Махачкала.Т. 16. № 3. С. 682–713. DOI:<https://doi.org/10.32653/CH163682-713>.
 22. *Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю.* О находках некоторых образцов ударногоС. 236.
 23. *Вернадский Г.В.* Золотая Орда, Египет и Византия в их взаимоотношениях в царствование Михаила Палеолога // *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1927. № I. С. 82.
 24. *Кулешов Ю.А., Абызова Е.Н.* Два предмета мамлюкского вооружения с территории Молдовы как иллюстрация путей формирования золотоордынского комплекса вооружения // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы круглого стола, проведенного в рамках международного Золотоордынского форума (Казань, 30 марта 2011 г.). Казань, 2011. С. 92–100.

25. *Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н.* Шестопер из аланского святилища Реком. С. 220.
26. К соответствующей библиографической ссылке И.А. Дружинина и В.Н. Чхаидзе добавим и ссылки на работы И. Бакрадзе и М. Цурцумия: Bakradze I. A Rare Type Of Flanged Mace In the Collection Of the Georgian National Museum In Tbilisi // *Acta Militaria Mediaevalia XII*. Kraków-Sanok – Wrocław, 2016. S. 207–216.
27. *Bakradze I.* Fighting Maces with Saber-Openwork Decoration // *Bulletin of the Georgian National Museum*. V (50-B). Tbilisi, 2014. S. 239–258 (на груз. и англ. яз.); *Tsurcumiya M.* The Mace in Medieval Georgia // *Acta Militaria Mediaevalia*. XIV. Krakow – Sanok – Wrocław, 2018. P. 87–114.
28. *Нарожный Е.И.* О шлемах из сел. Ярыш-Марды и святилища Реком (Чечня и Северная Осетия) // *МИА Северного Кавказа. Армавир*: 2003. Вып. 2. С. 112–125 и ср.: Дарчиев А.В. О некоторых реликвиях святилища Реком // *Вестник Владикавказского НЦ РАН, Владикавказ*. Т. 12. № 1. С. 2–9.
29. *Крупнов Е.И.* Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 30.
30. *Цулая Г.В.* Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа // *КЭС* ..VII. М. 1980.
31. *Виноградов В.Б., Нарожный Е.И.* Монетные чеканы закавказских городов в северокавказских древностях XIII–XIV вв. // *Научная конференция: «Средневековые города и городская жизнь Кавказа (В свете археологических данных)»*. Тбилиси, 1988. С. 44–46.
32. *Нарожный Е.И., Цуциев А.А.* Северный Кавказ в период с 1222 г. по конец 1230-х годов (по грузинским монетным находкам) // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология, С-Петербург – Одесса – Кишинев – Бухарест, 2016. № 6. С. 247–268.
33. *Крупнов Е.И.* Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 30.
34. *Крупнов Е.И.* Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 30.
35. *Джорбенадзе В.А.* Типы погребений и обряд захоронений в Грузии в X–XIV вв. Тбилиси, 1989. С. 12. Рис. 2, 30.
36. *Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б.* Вновь об эмиссиях монет Золотой Орды в государстве Хулагуидов // *Нумизматический сборник в честь 65-летия П.Н. Петрова*. Казань, 2021 (в печати).

**ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ, КАСАЮЩИЕСЯ
ОФОРМЛЕНИЯ МЕЧЕЙ В ВОИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I тыс. до н.э.**

Результаты анализа характеристик типов мечей и кинжалов второй пол. I тыс. до н.э. не только показывают динамику их распространения по периодам, но и позволяют проследить некоторые тенденции в развитии данного вида вооружения в исследуемый период.

В начале V в. до н.э. в воинской культуре местного населения продолжают использоваться мечи, характерные для предшествующего времени. Это клинки с брусковидным навершием и почковидным перекрестием (финал их распространения), а также мечи с бабочковидным перекрестием. Значительно реже в данный период у мечей встречаются другие варианты перекрестий: брусковидные прямые, овальные и трапециевидные.

На рубеже VI–V вв. до н.э. появляются кинжалы без перекрестий. Малочисленность их находок в комплексах V в. до н.э. свидетельствует об их непопулярности в данный период (постепенное складывание типа). Это касается и района Прикубанья, где мечи без перекрестий выявлены только в погребениях кон. V в. до н.э. К.Ф. Смирнов справедливо отметил, что вряд ли творцами этого оружия были только синдо-меоты, поскольку оно распространено было по всему Северному Кавказу, а на территории Закавказья и Предкавказья было хорошо известно и в предшествующее время (вторая пол. V – нач. IV вв. до н.э.) (Смирнов, 1980. С. 41–43). Уже в IV в. до н.э. мечи синдо-меотского облика с брусковидным навершием в количественном плане начинают доминировать над другими типами. В этот период совершенствуется кузнечная техника. Кроме цельнокованных экземпляров начинают использо-

ваться мечи с навершиями первоначально откованными отдельно. В III в. до н.э. они продолжают употребляться наряду с другими типами мечей.

В конце VI в. до н.э. у мечей вырабатывается новая – антенная форма навершия. Вскоре такие навершия начинают оформляться в зооморфном стиле. В V в. до н.э. широкое распространение получил вариант когтевидного навершия с глазами в основании. Такие мечи были характерны как для степного населения Центрального Предкавказья так и для автохтонов.

В IV в. до н.э. у антенных наверший наблюдается тенденция к упрощению и схематизации. В ряде случаев концы волют загнуты таким образом, что касаются основания навершия. В результате во второй пол. IV в. до н.э. у мечей появляются навершия, в которых первоначальная схема только угадывается. Петли волют не выделены, о них напоминают только рудиментарные отверстия в центре навершия (Ялхой-Мохский мог.).

Значительно реже рукояти оформлялись производной формой от антенного навершия – кольцевидной. Также, в единичных случаях отмечены клинки без навершия.

Во второй половине IV – III вв. до н.э. распространяются мечи с серповидным навершием и дуговидным перекрестием. При этом следует отметить, что такие мечи производились не только в мастерских кочевого населения, но и ковались местными мастерами. В частности у меча из Комаровского могильника рукоять и навершие были покрыты орнаментом в виде елочных насечек, что характерно для кавказских мечей.

С середины III в. до н.э. по I в. до н.э. доминируют мечи с серповидным навершием и прямым перекрестием (прохоровские). В качестве исключения следует считать кинжал с прямым перекрестием и антенным навершием, происходящий из с. Летницкого. Наличие прямого перекрестия – явно сарматская традиция. Оно не характерно ни для скифского оружия, ни для местных образцов северокавказского оружия (как уже отмечалось мечи с брусковидным перекрестием V – нач. IV вв. до н.э. являются редкой находкой).

Наряду с прохоровскими во второй пол. III – II вв. до н.э. продолжают использоваться поздние дериваты мечей синдо-меотского облика с серповидным или антенным навершиями. По мнению М.П. Абрамовой, мечи с антенным навершием в последние века до н.э. встречаются преимущественно на Северном Кавказе, где являются, очевидно, продукцией местного производства (Абрамова, 1993. С. 70). Мечи без перекрестий с серповидным навершием распространяются вплоть до предгорий Дагестана (Черкез-Кутан).

В данный период в горных районах Северного Кавказа складывается оригинальный тип меча с серповидным навершием. Это были мечи без перекрестий, которые имели высокие навершия, приближающиеся по форме к полукольцу и увенчанные в ряде случаев округлыми (или коническими) утолщениями. Такие мечи сохранялись в обиходе местного населения и в первые века н.э.

Значительно реже отмеченных в последние века до н.э. употреблялись мечи без навершия с прямым перекрестием или без перекрестия.

В I в. до н.э. распространяются мечи с кольцевым навершием. Причем такая форма навершия становится доминирующей и у мечей и у кинжалов. Только в единичных случаях отмечены их другие типы (мечи с каменными навершиями).

В основном отмеченные мечи и кинжалы являются двулезвийными – имеют ромбическое или линзовидное в сечении лезвие. В редких случаях зафиксированы однолезвийные клинки. В.Б. Виноградов в числе таких мечей V–IV вв. до н.э. отмечает довольно длинные (67 и 69 см.) мечи из грунтовых захоронений № 25 и 34 Ханкальского могильника (Виноградов, 1972. С. 109–110). В погребении 120 Лугового могильника найден железный однолезвийный кинжал общей длиной не менее 47 см с едва заметной изогнутостью по продольной оси, несколько расширяющимся в средней части клинком и плоской рукоятью, заканчивающейся направленным к лезвию крюком (Мунчаев, 1963. С. 167. Рис. 23, 13). По мнению В.Б. Виноградова, этот клинок может оцениваться как наиболее раннее (и едва ли не самое близкое оригиналу) из известных варварских подражаний своеобразному типу

греческого меча – махайры (Виноградов, 1972. С. 110–111). Еще один фрагмент массивного однолезвийного клинка общей длиной никак не менее 45–50 см происходит из погребения 15 (раскопки 1952 г.) Лугового могильника.

Однолезвийные мечи и кинжалы с прямыми и изогнутыми лезвиями продолжали употребляться и в последние века до н.э.

Длина большей части мечей и кинжалов из памятников кобанской культуры V – IV вв. до н.э. укладывается в пределы 41–57 см (41; 47,5; 50; 51; 52; 57 см и т.д.). Исключение составляют отмеченные выше клинки из Ханкальского могильника (67 и 69 см).

Мечи из подкурганных захоронений V – нач. IV вв. до н.э. имели длину 40–70 см (40,8 см – кодх. им. Кирова, кург. 2, погр. 4; 58,5 см – Асиновская, кург. 1, погр. 1; 64 см – Бойси-Ирзо, кург. 5).

В подкурганных погребениях середины IV – III вв. до н.э. зафиксированы длинные мечи (73–100 см). Это мечи синдо-меотского облика и клинки с серповидным навершием и дуговидным перекрестием IV в. до н.э. из Комаровского, Нартан II (кург. 1, 1969 г.) и Новозаведенского II-го могильников (кург. 13), мечи второй пол. IV – III вв. до н.э. из подкурганных погребений у с. Новоселицкого и ст. Павлодольской. Еще один меч длиной около 102 см хранится в фондах Ставропольского государственного музея-заповедника (№ 3585). Следует отметить, что из мечей, бытовавших в последние века до н.э., самыми длинными оставались дериваты мечей синдо-меотского облика (73 см).

ОБРАБОТКА КАМНЯ И БАРЕЛЬЕФНАЯ РЕЗЬБА ПО КАМНЮ У ИНГУШЕЙ

Обработка камня в Ингушетии уходит своими корнями в глубокую древность.

Многочисленные находки памятников среднего палеолита на территории Ингушетии свидетельствуют о том, что на некоторых из этих стоянок размещались мастерские по изготовлению различных орудий труда и оружия¹. Первые памятники такого рода (40 тыс. лет до н.э.) были открыты в 1961 году В.П. Любиным в окрестностях селений Насыр-Корт и Гамурзиево². В фондах Ингушского государственного музея краеведения им. Т. Мальсагова хранится большое количество каменных орудий труда и предметов оружия среднепалеолитического периода (нуклеусы, отщепы, остроконечники, ядрища, скребла и др.). В эпоху неолита обработка камня достигла широкого распространения. В окрестностях ст. Вознесенской и г. Магаса были обнаружены каменные клиновидные топоры, датирующиеся V тыс. до н.э. Совершенствование техники обработки камня позволило древнему человеку широко использовать в быту древесину (с помощью каменного топора-тесла и долота), развить земледелие с помощью каменных мотыг. В памятниках периода неолита обнаружены терки, песты для размола растительной пищи. В 1996 году в селении Али-Юрт был обнаружен каменный шлифованный топор, который учёными датируется концом V тыс. до н.э.³ Жители эпохи бронзы умели шлифовать и сверлить камень. Таким образом они обрабатывали не только мягкие породы камней, но и твердые, такие как диорит, кварцит, базальт и др. Из окрестностей с. Алкун происходит сверленный каменный топор, изготовленный из светло-желтого плотного мергеля, относящийся к кобанской культуре⁴. Некоторые образцы топоров того времени до сих пор сохранили зеркально-полированную поверхность⁵. Не все топоры использовались

для работы. Судя по отсутствию следов работы, некоторые шлифованные топоры служили парадным оружием, либо для культовых обрядов. Другим распространенным оружием того времени служили каменные булавы с шипами со сквозным отверстием.

В те далекие времена у населения Кавказа зародился культ камня, который в ингушской мифологии сохранялся вплоть до принятия ислама. Горы и скалы для ингушей также были сакральными, чистыми, на их вершинах ингуши строили святилища, храмы. Являясь, согласно представлениям древнего человека, самым прочным материалом на земле, камень наделялся волшебной, магической силой. Горы и камни одушевлялись, наделялись человеческими свойствами (могли помогать, гневаться, наказывать, оживлять). *«Во многих мифах и легендах упоминается кремь, оживляющий мертвых»*, – отмечает М. Цароева. Например, один из героев ингушского нартского эпоса Кинда-Шоа, врачеватель, *«обладал этим чудотворным камнем: достаточно было его смочить и приложить к перелому, как кость тот же час срасталась»*⁶. Мотив рождения из камня, весьма распространенный по всему свету и характерный для многих эпосов, присутствует также и в ингушском нартском эпосе. Ингушский нарт Сеска Солса родился из камня⁷. Рождение из камня приписывалось в ингушском народном фольклоре основателю рода Газдиевых (Базоркиных)⁸. Ученый-кавказовед Л.П. Семенов выявил параллели между культом камня у ингушей и культом камня у фригийцев⁹. *«Кавказская (ингушская) мифология о рождении из камня сохраняет древнейшие черты, – пишет М. Цароева. – Они связывают Кавказ с народами Анатолии и Месопотамии: с хурритами, хеттами, фригийцами, а также древними греками»*¹⁰.

Множество форм использования культовых камней существовало в ингушском обществе. Например, часто в кладке жилых и боевых башен можно заметить камни с отверстиями или небольшими чашеобразными углублениями, символизировавшими благодать. К сакральным относились и т.н. *«къоабал кхера»*, символизировавшие плодородие, естественные природные арки, которые служили берегами¹¹, придорожные стелы. К культовым

камням, по-видимому, относился камень для трамбовки плоских крыш, гумна. Е. Шиллинг приводит предание, в котором сын некоего Гыргы из с. Оздик продал свой камень для трамбовки («хатты кекрыгъ») за три хлеба, после чего вынужден был покинуть родные края навсегда¹² (здесь можно провести аналогию с сакральной очажной цепью, с которой никогда не расставались, даже когда практическая необходимость в них отпала). Нельзя не отметить одну из важных культовых составляющих как петроглифы на камнях.

Ингушский поэт А. Т. Хашагульгов, который посвятил много лет сбору этнографического материала, опросил многих стариков, собирая устаревшие слова и фольклорные мотивы. В своем стихотворении он отмечает, что значение символов на камнях безвозвратно утеряно:

*«Дисад маІан тІана дешаш,
Кусташ а кхераш тІа дехка
ХІанз укхаза юха даъхка,
Латт вай цар хъаркаш дешаш»¹³.*

Петроглифы встречаются на всей территории горной Ингушетии. Помимо одиночных изображений человека и животных, часто встречаются фантастические и символические изображения, геометрические и другие абстрактные фигуры. Одни из них напоминают солярные знаки, а другие – графические знаки, напоминающие письменность. Часто можно видеть высеченные на каменных плитах изображения человеческой руки. Встречаются петроглифы, выполненные в точечной технике. Среди сюжетов петроглифов Ингушетии выделяются *жанровые*, изображающие сцены охоты, сотворения мира и др. Стиль простейших схематических рисунков в одном ряду с высокохудожественной барельефной, рельефной резьбой не позволяет нам определить точную их датировку. Архитектурные сооружения, на которых они изображены, датируются XIV–XVIII вв., однако совершенно очевидно, что камни с петроглифами в кладке этих башен используются,

по всей вероятности, повторно. Об этом свидетельствует расположение камней с петроглифами в кладке, их цвет, а также способы его обработки, как правило, отличаются от цвета камней основной кладки¹⁴. Ф.Ю. Албакова отмечает, что ряд символов не меняется тысячелетиями. Возможно, это свидетельствует о развитой системе мифологического мировоззрения. В эпоху железа произошел отход от использования сложной культовой символики, существовавшей со времен раннего палеолита до эпохи неолита и получившей распространение и переосмысление в бронзовый век. Смысловое содержание стало забываться. Дальнейшее ее применение носило декоративный или культовый (без осознания смысла) характер, а сохранившаяся система символов претерпела вторичную символизацию¹⁵.

Редкие многофигурные композиции и отсутствие сценичности во многих петроглифах говорят об их архаичности, что можно объяснить трудоемкой техникой резьбы по камню. Жанровые рисунки в большинстве своем выполнены красной охристой краской.

На фасадах жилых башен обнаруживается наибольшее число петроглифов, реже – на культовых постройках и боевых башнях. Иногда встречаются петроглифы на стелах. Исходя из собранного полевого материала, мы пришли к выводу, что жители разных ущелий отдавали предпочтения разным символам. Хотя есть и общие для всей горной части символы, такие как: крест, триквестр, спираль, концентрические круги. И несмотря на то, что большое количество бытовавших ранее петроглифов безвозвратно утеряно, можно проследить закономерность изображения тех или иных символов. В Джейрахском ущелье чаще всего встречаются *тамгообразные знаки, свастика* (в селениях Эми, Бейни, Морч, Эрзи), весьма распространены жертвенники с чашеобразными углублениями и точечный орнамент на стенах жилых башен, выполненный путем вдавливания пальца в раствор между кладкой камней (в селениях Фалхан, Гаркх, Мецхал). В Ассиновском ущелье встречаются схематические изображения *человека, лошади, оленя, собаки*, а также рисунки композиционного плана¹⁶. В Гуллойхийском ущелье встречается наибольшее количество памят-

ников графического искусства: *спирали, свастика, изображения руки, схематическое изображение «древа жизни», «ступенчатые» схематические изображения – ярусная кровля, П-образные знаки, антропоморфные стелы с ярко выраженными чертами лица*. Необходимо отметить еще одну закономерность – это расположение петроглифов на углах и арках жилой башни, что еще раз, на наш взгляд, подтверждает большое магическое значение, которое придавалось символам. Угол у многих народов считается священным. Конструкция башни такова, что выбитый угловой камень разрушает башню, которую изначально строили на века. Весьма интересно и не случайно, на наш взгляд, в данном случае созвучие слов «угол» – «са» и души – «са», от которого, собственно, и образовано слово «человек» – «саг». Если в результате междоусобицы, кровной мести или какого-либо постыдного поступка, вызвавшего осуждение и неприятие всего общества, семью выдворяли из родового поселения, изгоняли из рода, из их башни (если таковая имелась) выбивался угловой камень, называлось это действие: «Гала ходаяр» (дословно с инг.: «разрезать/отрезать/разрушить башню»). С этих пор этой семье запрещалось строить башню в этом селении. Такое случалось и когда род семьи прерывался за неимением наследника: у башни выбивался угол, и в нее уже никто никогда не заселялся. Возможно, петроглифы на угловых блоках тесно связаны с этим обычаем. Для человека (или отдельной семьи) того времени отлучение от рода было сравни погибели. В недавнем прошлом угол дома также оберегался от нечистой силы с помощью всяких магических и ритуальных действий: посыпался красный перец, ставилась ветка *калины гордовины* и т.д. А при строительстве будущей башни в 4-х углах клали монетки, последний обычай – отголосок древнего обычая, когда при строительстве башни под угловыми блоками закапывали немного золота. Расположение рисунков на определенных башнях и склепах, по мнению Л.А. Перфильевой, свидетельствует о привилегии данной фамилии или семьи, на чье жилище или склеп нанесены рисунки, среди своих соплеменников или об особом социальном статусе обитающего в данном жилище, например, жреца. Она счи-

тает, что эти люди нуждаются в специальных оберегах, а сами знаки – это «мини-святые места»¹⁷. На арочном камне в дверном проеме, по нашим наблюдениям, чаще всего располагается триквестр, иногда в композиции с другими пиктографическими знаками. По сообщению краеведа Гандарова М., на ингушском языке они называются «*га доахарг*» (защищающий/оберегающий) или «*кхо ког*» (трехножка). Считалось, что того, кто пройдет под этим символом, не коснутся несчастья и неудачи. Обычай проходить под оберегом воплотился позже в традиции подвешивать на дверной перемычке жилища конскую подкову, а после принятия мусульманской религии – аятов из Священного Корана.

Рисунки, нанесенные красной охрой на skleпах, жилых и боевых башнях в с. Эгикал, Лялах, Харпе и др., зафиксировал Е.И. Крупнов¹⁸. Сегодня они безвозвратно утеряны, и только благодаря Е.И. Крупнову мы можем видеть сцены, изображающие охоту на оленей «с примитивными фигурами оленей и оленятами»¹⁹. Им же в с. Лялах были обнаружены рисунки человечка с растопыренными пальцами рук, лошади (одна с седлом), лук и концентрические круги. В склепе с. Мужган поверх штукатурки красной охрой нанесен рисунок, изображающий солнце, кресты и человека (предварительно воина)²⁰.

К особому, символическому использованию камня также относится кладка в форме елочки. Елочный орнамент часто встречается на поясных бляшках, надмогильных стелах, коврах. Выполненный в виде каменной кладки на башнях, возможно, он еще выполнял практическую функцию – служил своего рода сейсмическим поясом.

Отдельно стоит выделить орнамент, выполненный в кладке погребальных сооружений, жилых башен, боевых башен, святых мест путем искусной выборки камней в виде геометрических фигур (ромбов, треугольников, пирамид) и простых символов (крестов и т.д.). К последним относится схематическое изображение человека в виде т.н. креста с Голгофой. Многие исследователи такое изображение связывают с христианской традицией. Так, например, Е.И. Крупнов называет кресты на очажных цепях,

утвари и «крестовую орнаментику на боевых башнях и склепах» овеществленными пережитками христианства²¹. В.И. Марковин отмечает, что «крест с Голгофой» имеет грузинские корни, но вопрос «осмысления этого знака» у ингушей требует более детального и глубокого изучения²². В.Н. Басилов и В.П. Кобычев также считают это изображение христианским символом, служившим оберегом по христианской традиции. Опираясь на название этого символа на ингушском языке – «ЖІар» – «крест», они опровергают мнение некоторых исследователей о том, что это антропоморфный языческий символ²³. Ингушский археолог и историк М.Б. Мужухоев предполагает, что крестообразные символы – это обереги (на склепах они охраняют покой умерших, боевые башни они защищают от разрушений т.д.), и корни этого символа уходят глубоко в языческие времена. Довольно сильное влияние христианской Грузии, по мнению автора, не закрепило этот символ в сознании ингушей как христианский²⁴. Крест, по мнению Х.А. Акиева, символизировал человека, «абстрагированную форму которого можно видеть на стенах башен и склепов». Довольно емкое и лаконичное поэтическое объяснение «кресту с Голгофой» дал ингушский поэт А. Т. Хашагульгов:

*«ЖІарг дац гІалгІачо вІовна тІа доллар-м
Хъа куц да, са Езар, да Айлама сурт:
Корта- Сигле, дегІ – Лаьтта,
Ши кулг – Малхбоале, Къулбехе,
Ши ког – Малхбузе, ГІинбухе»²⁵.*

Весьма любопытную версию рассказал нам старожил горной Ингушетии. По его словам, этот символ предназначался для путников и караванщиков, ориентирован он был на торговые тропы и издали зазывал путников погостить и передохнуть у них. Образ человечка с распростертыми руками символизировал понятие «кхерамзле» (безопасность) или «машар» (мир)²⁶. О том, что указанный символ является антропоморфным, говорит тот факт, что его исполнение на некоторых боевых башнях имеет более выра-

зительную форму: у фигуры изображены пальцы на руках и ногах, и ярко выражено углубление в кладке в форме головы²⁷.

Использование крестообразной формы в декоративных изображениях, в постройках, одежде и т.д. связано с язычеством. С V в. н.э. крест утверждается как христианский символ.

Антропоморфную или крестообразную стелу ставили на месте, где молнией был поражен человек. Согласно древним ингушским поверьям, на момент удара молнией на этом месте находился громовежец Села²⁸.

Примечательно, что большинство лучей на петроглифах и «движение» орнамента на коврах, ювелирных украшениях «идут» против часовой стрелки. Вероятно, это связано с восприятием мира древнего человека.

Отдельно следует отметить так называемые «чашечные камни». Подобные камни встречаются повсюду и являются предметом обсуждения многих исследователей. В горной Ингушетии можно увидеть каменные блоки больших размеров с одним или многочисленными чашечными углублениями природного или искусственного происхождения. В с. Мецхал находится камень с чашеобразным углублением от «*прикосновения героя ингушского нартского эпоса Сеска Солсы*», со слов информатора сообщает Л.П. Семенов²⁹. Углубление на камне у склепа Сеска Солсы в с. Маготе оставил конь нарта³⁰. Чашечные камни часто встречаются также у храмов и святыщ. Согласно представлениям наших предков, вода, которая скапливалась в этих ямочках, была ритуально чистой и лечебной.

В период Средневековья обработка камня у ингушей достигает совершенства, что способствовало расцвету местной архитектуры. По всему Северному Кавказу ингуши славились как искусные зодчие, строители башен и других архитектурных сооружений. Строительное мастерство ингушей совершенствовалось на протяжении многих столетий. Их приглашали для строительства башен соседние народы³¹.

Традиционная ингушская архитектура привлекала внимание многих исследователей, о ней писали такие видные ученые, как

И.П. Щеблыкин³³, Л.П. Семенов³³, Е.И. Крупнов³⁴, А.И. Робакидзе³⁵, А.Ф. Гольдштейн³⁶, В.И. Марковин³⁷, М.Б. Мужухоев³⁸, Д.Ю. Чахкиев³⁹ и др. Е.И. Крупнов отмечает, что наличие большого количества *«разнообразнейших памятников материальной культуры (башни жилые, боевые, замки, склепы-могильники, святилища, придорожные плиты – «чурты» и т.п. предполагают наличие большого количества мастеров. Ведь ингушские горные аулы – это сплошные каменные замки!»*⁴⁰.

*«Ингушские селения тянутся непрерывной цепью вдоль речных долин. Они полны неповторимой красоты и очарования. Недаром в литературе за ними утвердились поэтические названия «каменное чудо», «каменная сказка». – пишут В.Н. Басилов, В.П. Кобычев»*⁴¹.

Устное народное творчество донесло до нас имена ингушских мастеров каменного зодчества из разных родов (тейпов) строителей: Хоаной Хинг, Янд, Хазби Цуров, Евлоев Арсмак, Эделбиев Батэг, отец и братья Баркинхоевы, семья Бархановых (Баки Барханов), Дуго Ахриев⁴², Дяди Льянов, Ерд Дударов, Арски и Джарси Цуровы и мн.др. *«Знание камня, его архитектурных и декоративных возможностей отразилось в древнем зодчестве ингушей»*, – отмечает Ф.Ю. Албакова⁴³. Кровная месть, согласно ингушским адатам, не распространялась на мастера по камню: *«Тпоговзо, лор, зирак а пхевна вулаш хиннавац»* (*«Кровная месть не распространяется на каменищика, лекаря и мудреца»*), – гласит ингушская пословица.

В строительстве боевых и жилых башен использовались строительные материалы из местных пород камня, характеризующиеся своей природной плотностью и крепостью, такие как базальт, гранит, известняк, песчаник, ракушечник, различные породы горного сланца; встречаются жилые башни, выложенные из крупных речных валунов.

Ингуши придавали большое (сакральное) значение наличию у рода (тейпа) своей боевой башни. *«При жизни башня, после смерти – склеп»*, – говорили ингуши. Первые башни, по мнению исследователей, появились на территории Ингушетии еще в эпоху бронзы⁴⁴.

Учеными на территории Северного Кавказа фиксируются каменные жилища круглой и прямоугольной формы, относящиеся еще к периоду энеолита⁴⁵.

К эпохе средней бронзы относятся так называемые циклопические постройки, зафиксированные в высокогорных районах Ингушетии: Дошхакле, Эгикал, Хамхи. Они представляют собой крупные мегалитические сооружения, возведенные из больших каменных блоков. Они имеют прямоугольную в плане форму, кладка выполнена без связующего раствора путем тщательной обтески и обработки блоков⁴⁶ («баткџа»). Угловые камни («саь-нкхера») у основания некоторых циклопических сооружений достигают 2,1 м в длину. При археологических раскопках циклопических построек у с. Карт и Дошхакле обнаружены грубые лепные фрагменты керамики, датируемые II тыс. до н.э.⁴⁷ В с. Эгикал был обнаружен склеповый могильник, состоящий из 10 склепов, датирующийся второй половиной II тыс. до н.э.⁴⁸

Ряд деталей ингушского архитектурного стиля в оформлении башни показывает, что ингушская архитектура прошла несколько этапов в своем развитии⁴⁹. По форме и другим архитектурным особенностям можно проследить эволюцию строительства каменных сооружений ингушских мастеров. Переход к прямоугольным жилищам, по мнению Е.В. Антоновой, есть одно из свидетельств независимости человека от природы, результат возросшего могущества человека и его «материализованный вызов» природе. А четыре угла считались сакральными предметами, которые должны были обеспечить их благополучие, оберегать от зла⁵⁰.

Несмотря на то, что классификацию архитектурных сооружений рассматривали в своих трудах многие ученые, мы вкратце упомянем о них.

Позднесредневековые каменные постройки в Ингушетии подразделяются на следующие типы:

1. Боевые башни «воув» имеют небольшую площадь основания и высоту от 18 до 36 м и строились в 4 – 5 этажей (в редких случаях – 6). Кверху боевые башни суживаются. Построены такие башни строго с зеркальной симметрией. Они хорошо приспособ-

соблены для обороны, снабжены бойницами, расширяющимися с внутренней стороны для удобства стрельбы из луков и ружей. Непременный атрибут боевых башен – *машикули* («черх»), небольшие балкончики с обзорным полом, которые имели оборонительную функцию и предназначались для защиты стен и углов башни от фланговых атак противника, а также позволяли вести огонь по противнику, близко подошедшему к пологим стенам, оставаясь в безопасности. Боевые башни также подразделяются на несколько видов: боевые башни с *пирамидально-ступенчатым покрытием* («чІерх») ⁵¹, с *плоской кровлей*, с *четырёхзубчатым завершением*. Последние две, в отличие от первого вида, не имеют каменного свода или *ложносводчатого гурта*, разделяющего первый и второй этажи. Хотя встречаются и переходные варианты. Вход, как правило, у башен с пирамидальной крышей на втором этаже, у башен с плоской кровлей – на первом. Связаны эти отличия с местом расположения этих башен, боевые башни второго типа располагаются на недоступных скалистых гребнях или окружены массивной заградительной стеной, составляя вместе с ней замковый комплекс ⁵². Башни с плоской кровлей Е.И. Крупнов считает более архаичным вариантом боевых башен и датирует их XIV–XV вв. ⁵³

Принято считать, что первоначально высокие боевые башни служили звеньями единой сигнально-оборонительной системы. Предание гласит, что в случае опасности с помощью таких башен-маяков днем с помощью дыма, а ночью – огня сигнал об опасности передавался в течение небольшого отрезка времени по всей горной Ингушетии, т.к. между башнями была последовательная визуальная связь ⁵⁴. Наличие нескольких боевых башен в одном поселении объясняется тем, что они окружали собой жилые башни, охраняя поселение на подступах к нему. Е.И. Крупнов полагает, что тип боевых башен с пирамидально-ступенчатой крышей, которые «поражают зрителя своей стройностью, простотой конструкции, изяществом», зародился и окончательно оформился на территории Ингушетии. «По единодушному признанию всех исследователей, боевая башня является образцом местного стро-

ительного дела, ею завершается развитие средневекового строительного мастерства кавказских горцев», – пишет Е.И. Крупнов⁵⁵.

Отдельно нужно отметить башенные замковые комплексы «*glapp*». Они состоят из боевых и жилых башен, окруженных высокой заградительной стеной. Воздвигались такие замки по заранее обдуманному плану: на утесах или горных кряжах, где к ним ведет только одна узкая тропинка по хребту. Некоторые из них имели большие потайные подземные помещения, например, в замке Мецхал, оно занимало площадь 795 кв. м.⁵⁶

Существуют также так называемые *полубоевые башни*. Это жилые башни, приспособленные для обороны. Они имеют большую площадь основания, чем боевые, и достигают четырех этажей. Исследователи считают их «прародителями» боевых башен, полагая, что этот вид башен является переходным вариантом между жилой и боевой башней. Интенсивное строительство таких башен относят к XIII–XIV вв., к периоду наступления монголо-татар⁵⁷.

2. *Жилые башни «glala»* – это каменные сооружения прямоугольного плана, едва заметно сужающиеся кверху. В некоторых случаях достигали 10 метров в высоту, два – три этажа, но встречаются жилые башни и в 4–5 этажей. Площадь основания жилых башен могла достигать в некоторых случаях 182 кв.м. На каждый этаж был предусмотрен отдельный вход. Для межэтажных перекрытий в них использовались массивные балки, которые вставлялись в специальные гнезда и выступы в кладке стены. В центре башни располагался опорный столб для межэтажных перекрытий – «*Ерд*». Помимо своего практического назначения связывать межэтажные перекрытия, этот столб имел сакральное значение и считался священным. Жилые башни имели плоскую крышу из бревенчатого наката с утрамбованным поверх него грунтом. В поселениях с ограниченной территорией жилые башни располагались так плотно, что крыша одной башни служила «двориком» другой.

Жилые башни имели множество архитектурных решений для удобства их обитателей: во внутренней части башни располагались специальные вентиляционные «продувы», камин, холодильные

камеры и каменные «мешки» для хранения зерна и других продуктов, тайники, ниши для утвари, в некоторых башнях были проведены водопроводы и водоотводы. С внешней стороны – это коновязи, козырьки над оконными и дверными проемами, кормушки в кладке стены для коней, навесы и террасы.

3. *Наскальные башни «хъагIар»* – это перекрытые тщательной каменной кладкой пещеры, массивные скальные уступы и огромные валуны. Кладка стен выполнена с одной, двух и трех сторон. Крышей служил либо верхний выступ скалы, либо искусственно созданная пирамидально-ступенчатого типа крыша, чаще всего ассиметричная. Располагаются такие сооружения высоко в горах, заметить их с дальнего расстояния практически невозможно, т.к. они практически сливаются с окружающим горным ландшафтом и скальными породами. Чаще всего такие башни одноэтажные, но встречаются также наскальные башни в два и три этажа. В своем «вооружении» они имеют узкие бойницы и заградительные стены. Внутренняя площадь подобной постройки зависит от формы скалы, образующей пещеру. Такие башни служили для укрытия небоеспособного населения в случае внешнего вторжения. Попастъ к ним можно было только по сложным, зачастую потайным тропам. Данный вид башен изучен слабо.

4. Сигнально-сторожевая башня «хъокх» располагалась на горных кряжах, являлась связующим звеном между другими сигнально-оборонительными сооружениями, которые находились вне зоны видимости друг друга. Такая башня имела небольшие размеры в плане 2,4×2,5 м. и высоту не более 10 метров.

Кладка боевых башен выполнялась более тщательно, чем жилых. Кладка путем подгонки камней – обычное явление в горной Ингушетии, но встречается также кладка из тщательно тесанных камней одного размера – «штучный камень», кладка «ребром» и «елочкой». При строительстве башни путем искусной подгонки камней использовались обработанные каменные блоки для формирования ровного угла, арочных дверных и оконных перемычек, машикулей, зонтиков, сливных стоков и т.д. Завершающий пирамидально-ступенчатую крышу боевой башни или склепа ка-

мень – «цIуркув» («зIогал-кхера») также подвергался обработке. Башни украшались различным внешним декором. Из тесанных специальным образом каменных блоков формировался карниз на некоторых башнях и склепах. Большое внимание уделялось формам арочных перемычек оконных и дверных проемов («ла-банкхера», «моартал») жилых и боевых башен. Одни были вытесаны из цельных каменных блоков в виде фигурной дуги, другие являлись конструкцией из двух, трех, пяти и более частей в виде клиньев с замковым камнем. В.И. Марковин выделяет 21 вид арок жилых и боевых башен горной Ингушетии⁵⁸. Часто арки украшались символами и орнаментом (елочным, линейным, свастикой, солярной символикой, примитивными изображениями, астральными знаками).

Другой вид украшения боевых, жилых башен и склепов – декор путем искусной выкладки камней с заглублением в стену в виде ромбов, треугольников⁵⁹, антропоморфных фигур. *«Нельзя забывать и важности изучения мелких архитектурных деталей. Эти особенности позволяют ярко представить своеобразие мастерства горских строителей»*, – отмечает В.И. Марковин⁶⁰.

О строительстве ингушской башни, работе камнетесов поется в старинной ингушской песне – или «О том, как построили башню»:

*«Трижды землю поили молоком, трижды срывали грунт,
И только когда земля отказалась пить, положили первые камни;
Восемь огромных глыб, образующие углы воу,
И был каждый камень ценою равен быку, а весом – восьми быкам.
Их привезли с вершины горы, взявши из-под голубого льда...*

Каждый камень везли двенадцать быков,

ломаю копыта от напряжения.

*Каждый камень тесали двенадцать дней четыре каменотеса,
И стальные тесла крошились у них, будто сделанные из липы...
Двадцать тесел каждый каменотес сломал о ребра камней,
И камни стали ровны, как стекло, и приняли нужный вид!..
Тогда четыре, как горы, седых старика осмотрели и ошупали их,*

.....

под пальцами музыканта,

стали готовить извѣсть...

Становилась вязкой, как темнота узких ночных ущелий...

Он взял два камня и, смазав их известью, ударил один о другой,

«Известь готова», — сказал Янд, — пора приняться за дело!»

Крутился ворот, от натуги скрипя:

струной дечиг-пандара напрягся канат,

Скрученный из восьми ремней, вырезанных из кожи буйвола;

Камни, как пух легки, шли наверх послушные неуклонно

И поворачивались в руках Янда нужной ему стороной.

*Из разных мест ущелья привезены обломки различных глыб.
Скрепленные известью, становились они неделимым целым.
Камни ложились один за другим, вздымался за рядом ряд,
И казалось, что известь и камни между собой,*

как бы советуясь, говорят...

*Так Янд работал, кипел и пел, яростью труда лют,
И казалось, что камни под его рукой, гордые собой, поют:
Верные мастеру и себе,
Что нам времени бег?
Мы будем верно служить тебе,
Любящий Родину человек!
Соединенные волей одной
На долгие, долгие годы,
Мы станем незыблемой стеной
И нерушимым сводом!
Пройдет и этот, и будущий век,
Век за веком промчится мимо, —
Мы будем верны тебе, человек,
Верный Родине милой!
Сюда вот и ветер не залетит, —
Здесь враг твой будет томиться,
А здесь ты будешь запасы хранить —
Золото звонкой пшеницы!
Здесь будут дети твои и жена,
Сестры твои и братья,
И наша каменная тишина
Будет обогревать их!
Пуškai бегут и бегут года,
О воув они разобьются.
Ты помни одно: уходит вода,
Камни — остаются!
Пройдет и этот, и будущий век,
Век за веком промчится мимо, —
Мы будем верны тебе, человек,
Верный Родине милой!*

А здесь помост... и еще помост...
 А выше, где ветер поет,
 Будет твой сторожевой пост –
 Боевое место твое!..
 А выше будут гнеститься стрижи,
 Вольные, как ты, птицы...
 Отселе будешь ты сторожить
 Родины своей границы.
 Ты будешь зорким орлом смотреть
 На все, что у воув в ногах,
 И вместе с твоей пулей смерть
 Помчится в сердце врага!
 И один за другим побегут года
 И все о нас разобьются...
 Ты помни одно: уходит вода,
 Камни же — остаются!
 Пройдет и этот, и будущий век,
 Век за веком промчится мимо, —
 Мы будем верны тебе, человек,
 Верный Родине милой!
 Работа кипела, и Янд горел в работе, не считая дней,
 И в небо вонзилась своей вершиной стройной песня камней,
 Первый ярус закончен, сюда никогда не заглянет день,
 Здесь пленники, кандалами звеня, будут гадать о судьбе!
 Ярус второй — уже свод сведен и очажная цепь висит,
 Здесь будет дни свои коротать семья в случае войны!
 Янд сам вытесал косяки из черных гранитных глыб,
 Сам из дубовых брусев сбил дверь толщиной в пядь,
 Сам приладил засов и сам проверил его работу,
 Выше поднялся Янд и вновь принялся за работу!
 Четвертый ярус — здесь сторожа, сменяясь, у бойниц встанут,
 И все четыре стороны света будут как на ладони.
 Так камни ложились за рядом ряд, ярус за ярусом росла воув.
 Отселе открылась окрестность вокруг на целый день пути,
 И знали враги, что им в Джерах отныне незамеченными не пройти,

*Что в зоркой воуе их стережет защитник границ родных,
Что во все стороны света смотрит смерть
из крытых в стенах бойниц.*

*Четыре балкона с четырех стен выступали вперед,
И с каждого пуля-молния без промаха в сердце бьет!
И снова Янд поднимается выше, и выше уже нельзя, —
Здесь будет крыша, легкая, словно свет,
стройным конусом сведена,*

*Ложатся уступами ряды камней, постоянно сужаясь кверху,
И тонкие плиты сланца их перекрывают сверху.
И вот опять ряд камней и плит, и снова камни и плиты,
И Янд все ближе, ближе к солнцу, ближе с каждой минутой!
В четыре дня двадцать рядов камней
и двенадцать сланцевых плит*

*Под неустомимой его рукой, красиво перемещаясь, легли...
И вот триста шестьдесят пятый день,
проснувшись, открыл глаза,*

*И сразу же хлынула дню в глаза просторная синева, —
Вместе с рассветом проснулся Янд, легко заскрипел ворот, —
Янд поднялся на башню, и у его ног расположились горы.
В последний раз напрягался канат,*

*бесконечный, как человечья память,
И последний раз ворот скрипел и пел, поднимая камень.
Закончена песня труда и камней — выше уже нельзя:
Над самую голову легки облака плывут, скользя,
Садится солнце, и, пересекая Джерах, воуе бросает тень.
Так стал последним,*

замковым камнем триста шестьдесят пятый день»⁶¹.

О том, что при закладке башни камни фундамента поливали кровью жертвенного животного, отмечает В.Н. Басилов⁶².

Башни штукатурились не только изнутри, но также на внешние стены наносилась известковая штукатурка. Есть сведения, что все башни белили снаружи: «Многочисленные башни тут выбеле-

ны с наружной стороны сверху до низу..., даже надгробные памятники все выбелены..»⁶³.

Сегодня боевые и жилые башни сохранились в основном в горной и предгорной зонах Ингушетии. Однако существуют сведения о том, что башни ингуши строили в предгорной зоне и на равнине: в районе Чми – Балта – Редант, г. Владикавказ⁶⁴, с. Гамурзиево (башня Овлурга), путешественники описывают множество башен в Тарской долине, Ч.Э. Ахриев поясняет – 60⁶⁵, в 1871 г. Л. Штедер застал сторожевые посты ингушей в окрестностях Назрани⁶⁶. Ингушские селения с башнями и замковыми комплексами располагались также в необитаемом ныне ущелье р. Кистинка «Охкарый чЮж». Царевич В. Багратиони пишет: «Южнее этого (р. выше Кистетии – прим. Д.Т.) находится Дзурдзукия с постройками, селениями и башнями. Эти ущелья граничат: с востока Кавказом, лежащим между Кисто-Дзурдзукией и Глигвом (Глигзхи); с юга Кавказом, растянувшимся между Пшаво-Хевсуретией и Дзурдзукией»⁶⁷.

Отдельно следует отметить мастерство ингушских зодчих при строительстве склепов, святилищ и храмов различных видов. В настоящее время в горной Ингушетии можно увидеть башнеобразные склепы квадратной и прямоугольной формы у основания, достигающие в высоту до семи метров. Склепы имеют от 1 до 4 этажей. Можно выделить несколько архитектурных форм склепов: склепы со ступенчато-пирамидальным перекрытием («маълхар каш»), ядрообразные мавзолеи («герга каш»), башнеобразные склепы с плоской кровлей или четырехзубчатым завершением по типу боевых башен; существуют также куполообразные склепы, склепы с поминальной камерой или стрельчатой нишей. Одноэтажные склепы могут достигать 12 м в длину. Как и башни, они украшались орнаментом, штукатурились снаружи и изнутри. В комплексе они создавали так называемые «городки мертвых»⁶⁸ («Имарашке»). Склепы долгое время служили семейными усыпальницами, хоронили в них умерших в парадной одежде и украшениях. Отдельно следует отметить часовни («силинг»), столпообразные святилища, большие и маленькие храмы. В каждом из них есть свой неповторимый почерк строителя. Рас-

цвет строительства боевых и других башен приходится на XVI–XVIII вв., но через полвека, в связи с изменением политической ситуации на Кавказе, появлением усовершенствованного оружия (артиллерии и пороховых мин) и тактики ведения боевых действий Российской Империи, строительство сторожевых и боевых башен затухает. Ингуши продолжают строить каменные жилища, но начавшийся процесс массового переселения на равнину части населения горной Ингушетии почти полностью прекращает строительство громоздких жилищ из камня. Однако сведения о наличии башен на равнине, как сказано выше, сохранились.

На сегодняшний день в Ингушетии сохранилось, по предварительным данным, 132 комплекса, в которых 156 боевых, 1012 жилых, 45 полубоевых башен и 1169 склепов⁶⁹. Все они находятся на различной стадии разрушения и нуждаются в профессиональной реставрации и консервации. Существует также множество памятников, не введенных еще в научный оборот.

Техническая обработка камня достигает наивысшего совершенства в период, когда художественное мастерство, живость, точность и выразительность рисунка уже были утрачены⁷⁰.

Отдельного внимания заслуживает барельеф главного ингушского храма – Тхаба-Ерды. Барельефный тимпан на фасадной стене храма с изображением ктитора, богатый резной декор карниза и фриза в виде плетеных растительных орнаментов, криволинейных, геометрических форм, изображениями хищных животных, лучника и т.д.

В XIX в. строительство башен, как мы сказали выше, замирает. С принятием ислама и изменением погребального обряда бытующие среди ингушей традиции сопровождать умершего погребальным инвентарем были заменены на их символизацию. Так, на надмогильных памятниках искусные мастера по обработке камня отражают эти традиции с помощью богатой орнаментики: антропоморфными, зооморфными, космогоническими, растительными мотивами. Предметы одежды, рукоделия, оружия и посуды, которыми в доисламские времена сопровождали усопшего в склепах, мастера по камню изображают на надмогильных памятниках горельефной и барельефной резьбой. По виртуозно орнаменти-

рованному надмогильному памятнику становится ясно, кто похоронен в этой могиле: воин (изображение газырей, лука, ножа, кинжала, пистолета, ноговиц, иногда коня)⁷¹, девушка (серьги, бусы, женский пояс, височные кольца, нагрудники), рукодельница (швейная машинка, ножницы, игла и др.), чтобы подчеркнуть, что человек был очень богобоязненным и практикующим мусульманином, на стелах изображали четки, молитвенный коврик, набор для ритуального омовения и т.д., усопших, при жизни совершивших хадж, сопровождает стела с высоким тюбаном и чалмой. Языческая свастика стилизуется в молитвы (аяты из Корана), имени Аллаха. В солярных и свастичных знаках, стилизованных под арабскую вязь и молитвы на стелах, отразился переходный период от язычества к исламу. К переходным мотивам можно отнести свастику, которая соседствует с полумесяцем и звездой, солярные знаки с именами Бога, райское дерево из хадисов, на котором расположились мифологические птицы-вещуньи; криволинейную свастику, превращающуюся в высокохудожественное исполнение имени Аллаха арабской вязью, что, на наш взгляд, довольно красноречиво свидетельствует о том, какое значение и смысловое содержание имело это изображение в доисламские времена. Резчики по камню используют в XIX в. два вида нанесения письма: т.н. «мисри» и «шури». Как отмечает А.-М. М. Дударов, большинство надписей выполнено без ошибок, что свидетельствует о хороших познаниях в арабском языке и письменности⁷².

О надмогильных плитах с человеческими изображениями и солярными знаками А.А. Мартиросиян пишет, что орнамент на них означал связь умершего с небом – обиталищем духов (предков) с подземным миром⁷³.

Надгробные памятники покрывались краской, чтобы предотвратить их порчу от негативного воздействия окружающей среды.

Военный топограф и ученый-кавказовед XIX в., И. Бларамберг, побывавший в 1830-х гг. в Ингушетии, сообщает: *«На территории ингушей, на восточном берегу р. Сунжи, в 40 верстах от устья находится камень в форме параллелепипеда высотой в 7 футов, который называют памятником трем всадникам. На од-*

ной из граней можно увидеть фигуры трех всадников, высеченные на камне, на противоположной стороне находится грубо высеченное (в общих чертах) изображение фигуры Георгия Победоносца, убивающего дракона»⁷⁴.

Л.П. Семенов также говорит о стеле, обнаруженной в Ингушетии близ с. Кантышево: «Найден в XIX в. и доставлен в Исторический музей г. Москвы чрезвычайно важный памятник, каменный крест с изображениями всадников и греческой надписью, датированный 1581 годом»⁷⁵.

Надмогильные памятники являются очень ценным этнографическим материалом, при помощи которого можно проследить философию и мировоззрение ингушей на стыке двух религий. Эта тема требует отдельного исследования. К сожалению, огромная часть надмогильных памятников была безвозвратно утеряна в годы депортации ингушского народа, когда они использовались как строительный материал для дорожного полотна, фундаментов животноводческих ферм, мини-ГЭС и т.д.

Кроме обработки камня для строительных нужд и погребальных обрядов, ингуши из камней вытесывали тяжелые и большие мельничные жернова, ступки, песты, зооморфные фигуры и т.д. По сообщению Л.П. Семенова, старинную каменную ступку нашел и передал в ингушский музей Э.А. Штебер⁷⁶.

В 1980–1990-е гг. ингушские мастера-каменщики выполняли затейливые и очень сложные узоры на стенах с помощью тесаного кирпича.

Сегодня художественной обработкой камня занимаются М. Полонкоев, М.-Б. Оздоев, Т. Оздоев и др.

Литература

1. *Кодзоев Н.Д.* История ингушского народа. Магас, 2002. С. 4–5.
2. *Любин В.П., Бандер Н.С., Марковин В.И.* Первые местонахождения орудий каменного века в ЧИАССР//КСИА. Вып. 92. М., 1962.
3. История Ингушетии. Ростов на/Д., 2013. С. 43–47.
4. *Крупнов Е.И.* Археологические памятники Ассинского ущелья // Труды государственного исторического музея. Работы археологических экспедиций. Вып. XII. М., 1941. С. 160.
5. *Марковин В.И., Мунчаев Р.М.* Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры. М., 2003. С. 118.
6. *Цароева М.* Пантеон ингушей. М.: Триумф, 2016. С. 391.
7. *Танкиев А.Х.* Духовные башни ингушского народа. Саратов, 1997. С. 255.
8. Там же. С. 392.
9. *Семенов Л.П.* Фригийские мотивы в древней ингушской культуре// Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, Т.1. Грозный, 1959. С. 197–219.
10. *Цароева М.* Указ. соч. С. 395.
11. *Акиева П.Х.* История древних верований ингушей. Магас, 2016. С. 202.
12. *Шиллинг Е.* Ингуши и чеченцы// Религиозные верования народов СССР. Т. 3. М., 1931. С. 14.
13. Подстр. перевод: «Утерян безвозвратно смысл символов, запечатленных на камнях.Сейчас сюда вернувшись, мы, Пытаемся прочесть эти знаки». *Хьоашалгнакъъан Иаъла Т.* Галме йисте язъа стихаш // Даьй гIалаш, даьй юрташ...». Наьсаре, 1999. С. 16.
14. *Дозариев А.С., Мамилов Р.М.* О некоторых памятниках декоративно-графического искусства ингушей // Вестник Археологической службы РИ. В печати.
15. *Албакова Ф.Ю.* Роль символов в национально-этническом сознании. М., 2000. С. 157.
16. *Дозариев А.С., Мамилов Р.М.* Указ. соч.
17. *Перфильева Л.А.* Об особенностях употребления средневековых петроглифов на Северном Кавказе // Методика исследования

- и интерпретации археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 124–134.
18. *Крупнов Е.И.* Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 191.
 19. *Семенов Л.П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1928 и 1929 гг. Владикавказ, 1930. С. 377.
 20. *Дзаурова Т.А.-Х.* Использование охристой краски в быту и погребальных обрядах у ингушей. Символическое значение охры // Вестник Археологического центра. В печати.
 21. *Крупнов Е.И.* Указ. соч. С. 195.
 22. *Марковин В.И.* Заметки об ингушской архитектуре // КСИА. Вып. 172. М., 1892. С. 37.
 23. *Басилов В.Н., Кобычев В.П.* Галгай – страна башен // Советская этнография. М., 1971. № 1. С. 133.
 24. *Мужухоев М.Б.* Средневековые культовые памятники Центрального Кавказа. Грозный, 1989. С. 86.
 25. Подстр. перевод: «Не крест изобразил ингуш на боевой башне – Твой облик, любимая, картину Мироздания:
 26. Голова – Небо, тело – Земля,
 27. Две руки – Восток и Юг,
 28. Две ноги – Запад и Север».
 29. *Хьоашалгнакъан Иаьла Т.* Указ соч. С. 64.
 30. Информатор Ярыжев И.Г. 1926 г.р. с. Морч.
 31. См. фото с. Керби.
 32. Там же.
 33. *Семенов Л.П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушии 1928 и 1929 гг. Владикавказ, 1930. С. 28.
 34. *Семенов Л.П.* Указ. соч. С. 76.
 35. *Скачков А.* Легенды и предания осетин // Терские ведомости. 1905, № 236, 9 ноября. С. 3; Гилате. Сборник материалов / сост. Б. Д. Газиков. Нальчик, 2015. С. 7; *Калоев Б.А.* Осетины. М., 1967. С. 38.
 36. *Щеблыкин И.П.* Искусство ингушей в памятниках материальной культуры // Известия ингушского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ. 1928 г.
 37. *Семенов Л.П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1925–1927 гг. // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ, 1928. С. 187–240.

38. *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 58–82.
39. *Робакидзе А.И.* Жилища и поселения горной Ингушетии // Очерки этнографии горной Ингушетии: Кавказский этнографический сборник. Вып. 2. Тбилиси, 1968. С. 41–117.
40. *Гольдштейн А.Ф.* Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М., 1975.
41. *Марковин В.И.* В стране вайнахов. М., 1969.; *Марковин В.И.* Каменная летопись страны вайнахов. Фотоальбом / сост. М.А. Азиев, Д.Ю. Чахкиев. М., 1994.
42. *Мужухоев М.Б.* Ингуши. Саратов, 1995. С. 19–55.
43. *Чахкиев Д.Ю.* Древности горной Ингушетии. Назрань, 2003; *Чахкиев Д.Ю.* Древности горной Ингушетии. Т. 2. Нальчик, 2010.
44. *Крупнов Е.И.* Указ. соч. С. 136.
45. *Басилов В.Н., Кобычев В.П.* Указ. соч. С. 121.
46. *Щеблыкин И.П.* Указ. соч. С. 260.
47. *Албакова Ф.Ю.* Указ. соч. С. 259.
48. *Марковин В.И.* Каменная летопись страны вайнахов. М., 1994. С. 12–13.
49. История Ингушетии. С. 47.
50. История Ингушетии. С. 72.
51. Там же.
52. Там же. С. 69.
53. *Басилов В.Н., Кобычев В.П.* Указ. соч. С. 121.
54. *Антонова Е.В.* Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984. С. 77.
55. *Робакидзе А.И.* Указ. соч. С. 64.
56. *Гольдштейн А.Ф.* Указ. соч. С. 42.
57. *Крупнов Е.И.* Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 78.
58. Информаторы – Ханиева Б.И. 1922 – 2017, с. Салги, Ярыжев И.Г. 1926–2014, с. Морч.
59. *Крупнов Е.И.* Указ. соч. С. 134–135.
60. *Крупнов Е.И.* Указ. соч. С. 78.
61. *Марковин В.И.* Указ. соч. С. 20.
62. *Марковин В.И.* Заметки об ингушской архитектуре //КСИА. Вып. 172. М., 1982. С. 31–39.
63. *Марковин И.В.* Каменная летопись страны вайнахов. Фотоальбом / Сост. М.А. Азиев, Д.Ю. Чахкиев. М., 1994. С. 24.

64. *Марковин В.И.* Заметки об ингушской архитектуре // КСИА. Вып. 172. М., 1982. С. 38.
65. *Илли* о том, как построили башню // *Илли. Героико-эпические песни чеченцев и ингушей.* Грозный, 1979.
66. *Басилов В.Н.* Пережитки колдовства у ингушей // *Итоги полевых работ института этнографии в 1970 г. М., 1971. С. 126.*
67. *Ган К.* Путешествие в страну пшавов, кистин и ингушей // *Сборник сведений об ингушах / Сост. Б.Д. Газигов. Назрань, 2009.*
68. *Klaproth J.* Reise in den Kaukasus und nach Georgien Unter-nommen in den Jahun 1807 und 1808. Erster Band, Halle und Berlin, 1812. S. 656. Перевод Газигов Б.Д. Гелате. Нальчик, 2015. С. 17; *Бывалый* // *Терские ведомости.* 1911. № 71. 31 марта.
69. *Ахриев Ч.Э.* Избранное. / Сост. А. Мальсагов. Назрань, 2000. С. 156.
70. *Дахкильгов И.* Ангушт // *Сердало, 1996, №22. С. 3.*
71. *Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России//Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. №22. Тифлис, 1897. С. 79–80.*
72. *Крупнов Е.И.* Указ. соч. С. 136.
73. *Азирев Т.* Сайт <http://openkavkaz.com/> .
74. *Мириманов В.Б.* Первобытное и традиционное искусство. М., 2015. С. 176.
75. *Марковин В.И.* Каменная летопись страны вайнахов. Фотоальбом / Сост. М.А. Азиев, Д.Ю. Чахкиев. М., 1994. С. 166.
76. *Дударов А.-М. М.* Надгробия как свидетельство наличия арабо-графической письменности у ингушей // *Вестник Археологического центра. Вып. IV. Назрань, 2012. С. 132.*
77. *Мартиросиян А.А.* Древние иероглифы Армении и их Урарто-армянские двойники. // *Кавказ и Восточная Европа в Древности. М., 1973. С. 40.*
78. *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М., 2005. С. 359.
79. *Семенов Л.П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 годах. Грозный, 1963. С. 147.
80. *Семенов Л.П.* Указ. соч. С. 146

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АЛАН: БОРЬБА НАУЧНЫХ ГИПОТЕЗ

Проблема происхождения алан была и остается до настоящего времени, пожалуй, одной из самых актуальных в кавказоведении. Динамика научного исследования истории алан практически не сбавляла своего роста на протяжении дореволюционного, советского и постсоветского времени. На сегодняшний день сложились несколько концепций происхождения алан, которые, либо переплетаются и проистекают друг от друга, либо крайне противоположны. В статье предполагается дать историографическое изложение предлагаемых концепций, которое даст возможность схематично представить картину развития научной мысли, показать насколько широк диапазон мнений и гипотез, а также провести параллели с общими тенденциями идеологической работы той или иной эпохи в научной среде.

Сложившейся на рубеже XIX–XX вв. и исторически получившей широкое распространение необходимо назвать скифо-сарматскую концепцию происхождения алан. Основоположником данного концептуального подхода считают В.Ф. Миллера (1848–1913). В ее основу был положен тезис о скифо-сармато-аланском единстве на основе сохранившегося на Кавказе осколка кочевых племен, бытовавших в припонтийских и приазовских степях VII в. до н.э. по III в. н.э. [Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. 3. 1887. С. 74] – осетин. Принадлежность осетин к индоевропейской языковой семье легла в основу лингвистического миллеровского метода, а именно – поиска звуковых сходств отдельных словообразований, посредством которых определялось родство скифов и осетин через сармат и алан. Далее В.Ф. Миллером определяется место исхода скифо-сармато-алано-осетин – Средняя Азия, откуда кочевые племена дошли до берегов Меотиды и Северного Кавказа [Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. 3. С. 51]. Территориально

аланы по Миллеру были разделены на западную дигорскую часть и восточную – иронскую [Миллер В.Ф. В горах Осетии. Сборник трудов. Владикавказ. 1987. С. 468; Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Часть третья. 1887. С. 7]. Этнонимия древних и средневековых асов/осов/алан по Миллеру связана и одним народом [Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Часть третья. 1887. С. 45–48; См.: Чибиров А.Л. Еще раз об историографии осетин. Интерактивная наука. № 8. 2016. С. 18–24; Он же. Аланы-осетины в дореволюционной российской и зарубежной историографии // Известия СОИГСИ. URL: izvestia-soigsi.ru/ru/archive/iis327119...chibirov32 (Дата обращения: 13.02.2021); Гутнов Ф.Х. Средневековая Осетия: проблемы социальной истории // Дис. д.и.н. Владикавказ. 1997. URL: dissercat.com...srednevekovaya-osetiya...sots-istorii (Дата обращения: 13.02.2021)]. Лингво-сравнительный метод В.Ф. Миллером был использован и в разработке связей кавказского нартского эпоса и скифских мифов. В частности, в качестве общих были выделены мотив чаши Уацамонга, распознающей истинных героев и скифский обычай питья из чаши теми мужами, кто победил врага [Миллер В. Ф. В Горах Кавказа. Владикавказ. 1998. С. 433–435], скифский обычай скальпирования врага и мотив сшитых из волос бород/усов/головы побежденных нартов шуб, а также процесс гадания [См.: Миллер В. Ф. В Горах Кавказа. Владикавказ. 1998. С. 431–432] и элементы похоронной обрядности (оплакивание, поминки, посвящение коня покойному).

Отметим, что попытки объяснения генетической связи ираноязычных осетин с аланами были выдвинуты еще Я. Потоцким (1761–1815) в работе 1802 г., подготовленной к публикации его учеником Ю. Клапротом. Я. Потоцкий обратил внимание на отсутствие данных об осетинах в византийских хрониках, в связи с чем предположил, что они скрывались под иным этнонимом, а именно под сарматами, которых византийцы-историки знали. Отождествляя сарматов и алан, он относил их появление на Кавказе лишь к X в. н.э., территория которого до этого была заселена мисимианами [Potocki J. Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase. T. I–II. Paris, 1829. P. 86–89]. Идея учителя о генетиче-

ской преемственности осетин и сармато-алан и, соответственно, ираноязычности первых, была повторена Ю. Клапротом (1783–1835) в авторских работах [См.: Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. 2008]. Клапрот вел этногенез современных осетин от мидийских сармат, ссылаясь на народные предания о прищлости первых с Дона, а «незнакомые слова в их языке (осетин. – Авт.), вероятно, являются сарматскими» [Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. С. 108–111, 175–179].

Мнение В.Ф. Миллера о принадлежности к иранской ветви кочевников алан/асов/ясов и, соответственно, осетин, было поддержано его коллегой М.М. Ковалевским [См.: Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. Репринт. В 2 т. Владикавказ, 1995]. Продолжение и развитие концепция получила в лингвистических и историко-эпических изысканиях В.И. Абаева (1900–2001), [Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М. – Л., 1949; Он же. Избранные труды. В 4-х т. Владикавказ, 1990; Он же. Нартовский эпос осетин. Цхинвал, 1982; Он же. Историко-этимологический словарь осетинского языка. В 4-х т. Репринт. М., 1996 и др.], в трудах по археологии В.А. Кузнецова (1927), [Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962; Он же. Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ, 1990; Он же. Христианство на Северном Кавказе до XV века. Владикавказ, 2002 и др.], В.Б. Виноградова (1938–2012) и др. осетиноведов [Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М. 1976; Ю.С. Гаглойти. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси 1966., Туаллагов А.А. Нахоязычные скифы и аланы – реальность или миф? Владикавказ, 2020. Гутнов Ф. Х. Ранние скифы: очерки социальной истории. Владикавказ, 2006 и др.]

Иные объяснения наличия иранского элемента (осетин) на Кавказе были отброшены, как не состоятельные. Например, гипотезы И. Гюльденшетда о половецком происхождении осетин, бежавших на Кавказ после 1110 года, В.Б. Пфафа (1834 – после 1874) о большом присутствии семитской крови, появившейся

в результате смешения иранцев и осетин в XV в. [Пфаф В.Б. Материалы для истории осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. В. IV. Тифлис, 1870. С. 2–8, 23; Он же: Материалы для древней истории осетин. Тифлис, 1871] и Д.И. Лаврова (1909–1982) [Лавров Д.И. Исторические сведения об Осетии и осетинах // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1883].

Однако необходимо выделить тот факт, что ни Клапрот, ни Миллер не были столь категоричны в своих предположениях. В частности, В.Ф. Миллер признавал, что свидетельства об аланах отчасти связаны с овсами, в то же время есть данные, которые «могут относиться к другим племенам Северного Кавказа» [Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Ч. 3. С. 47]. Тем не менее, жесткая прямолинейная интерпретация ираноязычности алан, получившая в свое время поддержку со стороны государственной власти, в настоящее время преподносится, «как установленный факт, не требующий доказательств» [Мизиев И.М. Шаги к истокам этнической истории Кавказа. Нальчик, 1986].

Политические преференции скифо-сарматской концепции происхождения алан были получены еще в дореволюционное время в силу особенностей военной колонизации региона, в которой административное предпочтение отдавалось христианскому элементу. Данная тенденция продолжилась и в период закрепления у власти большевиков, и во время Великой Отечественной войны, и после нее, когда в ходе известного выступления 1950 года И.В. Сталина была подвергнута критике единственная противоположная скифо-сармато-аланской идее яфетическая концепция Н.Я. Марра (1864–1934) [Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1950; См.: Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология. Сост. В. Н. Базылев и В. П. Нерознак. Под общ. ред. В. П. Нерознака. М., 2001. С. 385–408.] По прошествии почти полутора десятков лет Сталин обвинил концепцию Марра в немарксистской формулировке языка как надстройки, объявляя, что язык не детерминирован классовыми факторами. «Его (Сталина. – Авт.) утверждение основыва-

лось на принципах индоевропейского языкознания и имело явно конъюнктурный характер» [Шилков Ю.М. Яфетическая философия Н.Я. Марра // Вече. Вып. 16. 2004. С. 77].

Яфетическая концепция Н.Я. Марра (1864–1934) по своему содержанию была противоположна скифо-сарматской концепции происхождения алан [Марр Н. Я. Яфетическая теория: программа общего курса учения о языке. Баку, 1927; Он же: Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры. Лейпциг. 1920 и др.]. По аналогии с семито-хамитскими языками, поименованными согласно библейским персонажам Сима и Хама, Н.Я. Марр дает архаичным кавказским языкам (грузинскому, армянскому и бесписьменным языкам народов западно- и северокавказской группы) название «яфетические», по имени третьего брата Яфета. Так, Марр выделяет «кавказских родственников семитской семьи» [Марр Н.Я. О происхождении языка // Марр Н.Я. Основные вопросы языкознания. Избранные работы. Т. 2. М.–Л., 1936. С. 182.]. Занимаясь исследованием происхождения горских языков северной полосы Кавказа, Н.Я. Марр установил их отдаленную связь с древними «яфетидами», некогда жившими в соседстве с просвещенными народами Малой Азии [Марр Н.Я. Кавказоведение и абхазский язык // Журнал министерства народного просвещения. 1916. № 5.]. «За осетинами, собственно иронами, – писал Н.Я. Марр, – ученые поторопились закрепить название кавказских аланов», этноним «алан, как теперь выяснилось, есть одна из форм множественного числа коренного кавказского этнического термина, в основе звучащего «ал» или, с сохранением спираанта «хал»» [Марр. Н.Я. К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа // Известия Императорской Академии наук. VI серия. Пгд., 1916. № 15. С. 1395]. Концепция Н.Я. Марра отдавала главенствующее место кавказским автохтонным элементам в формировании осетин [Марр Н.Я. Ossetika-Iaphetika // Известия Российской Академии Наук. Т. VI Сер. XII. 1918. С. 21, 141–164, 114–119]. Яфетическая концепция не только подрывала господствовавшие в то время традиции сравнительно-исторического языкознания, своими ме-

тодами исследования и выводами она обнуляла скифо-сарматскую версию ираноязычия алан и, тем более, их отношение к этногенезу осетин.

Марр открыто выступил против традиций сравнительно-исторического языкознания, предложив в исследованиях природы и эволюции языка сосредоточить внимание на роли языка в культуре, познании, обыденной жизни; изучать семантику слов, речи, морфологии языка, которые обусловлены этносоциальными факторами [Марр Н.Я. Об яфетической теории // Марр Н.Я. Избранные работы. Т. 3. М.–Л., 1936. С. 32]. Он призывал обратить внимание на живые бесписьменные языки, сохранившие «древнейшие переживания», кои отсутствуют «даже в наиболее древней письменной речи» [Марр Н.Я. Об яфетической теории // Марр Н.Я. Избранные работы. Т. 3. М.–Л., 1936. С. 8]. Палеолингвистическое учение Марра в качестве приоритетной выделяло проблему происхождения языка, отвергавшейся индоевропейской лингвистикой; оно отвергало идею замкнутости языковых систем, лежащую в основе компаративистских методов изучения индоевропейских языков [Шилков Ю.М. Яфетическая философия Н.Я. Марра. С. 79], что являлось фундаментом скифо-сарматской версии.

Возглавляемое московской школой, сравнительно-историческое языкознание исключало какую-либо конкуренцию и «с помощью идейноконъюнктурных средств и аргументов сталинской критики Марра» [Шилков Ю.М. С. 77] в ходе конфронтации с палеолингвистическим подходом (петербургская/ленинградская школа) одержало победу. В итоге оценки сталинского времени стали ориентиром не только для последующих околонуточных упреков вплоть до нынешних дней в адрес Марра [Шилков Ю.М. С. 77], но и окончательным утверждением в академической науке версии ираноязычия предков осетин – скифо-сармато-алан. Сложнейшую проблему определения истории и этногенеза алан осетиноведы и сегодня трактуют как давно установленный факт, не требующий доказательств.

Собственно, если на идеологическом фронте выступление Сталина было направлено против марризма [Марризм – совокуп-

ность идей философского, палеолингвистического, социологического и культурно-исторического характера, развиваемая учениками и сторонниками Марра в Петербурге // Шилков Ю.М. С. 77], т.е. учеников и сторонников Н.Я. Марра, который скончался в 1934 году от сердечной недостаточности, то аналогичные действия проводились Сталиным на государственно-политическом уровне в отношении народов «яфетической» группы. Так, именно с 30-х годов XX века начинается активный прессинг на руководство Ингушской АО, который заканчивается ликвидацией ингушской государственности в 1934 году, потерей территорий г. Владикавказ и Пригородного района (колыбели ингушской культуры и истории) и присоединения оставшейся территории к Чеченской области. Лоббированные осетинскими партактивистами и лично тов. Сталиным репрессии и гонения заканчиваются депортацией северокавказских «бесписьменных» народов – ингушей, чеченцев, балкарцев, карачаевцев в 1943–1944 годах в Казахстан. Эти репрессии привели не только к огромным человеческим жертвам, но и сопровождались вандализмом, проводимым местной номенклатурой (замена местных топонимов и гидронимов, уничтожение кладбищ и мечетей), а также научно-культурной аннексией духовного наследия депортированных народов, с чем приходится сегодня бороться науке.

Показательным в ряду доказательств средств научной борьбы сторонников ираноязычия предков осетин – скифо-сармато-алан с иными взглядами выглядит факт открытия по решению Северо-Осетинского обкома и Совнаркома Северо-Осетинской АССР в ноябре 1940 г. под руководством В.И. Абаева и И.В. Джанаева Государственного комитета, призванного руководить изучением и изданием «Сказаний о нартах»» [Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2007. С. 96]. Известный филолог-фольклорист В.Я. Пропп неслучайно характеризовал эту работу, переиздававшуюся впоследствии не один раз [Осетинские нартские сказания. Дзауджикау, 1948; Нарты. Эпос осетинского народа. М., 1957; Сказания о нартах. Осетинский эпос. Цхинвали, 1981; Осетинские нартские сказания.

Владикавказ, 2017 и др.] и ставшую источником для последующих научных исследований, отмечая достаточно вольную интерпретацию нартских сказаний. В частности, он отмечал, что «к основным недостаткам книги относится отсутствие документации (где, когда, кем и от кого был записан текст), так как слепая подача материала в наши дни недопустима ни для академических, ни для популярных изданий». И далее: «В переводах поданы не элементы народной поэтики, а поэтика самого переводчика» [Цит. по: Кубанов А.Х. Ассия и Асгард на Кавказе, или По следам Т. Хейердала. М.; Ставрополь, 2004. С. 172].

Не избежали репрессий со стороны своих соплеменников и те ученые, которые, как говорится, «отошли от проложенного фарватера» направления научного исследования. Так, профессор Г.А. Кокиев в 1930–1940-х годах, назвавший «сомнительным» отождествление алан с осетинами, предложивший рассматривать этноним «алан» как собирательный, включавший ряд неродственных народов, в частности балкарцев и карачаевцев [Кокиев Г.А. К вопросу о происхождении и временном расселении балкарцев и карачаевцев на нынешней территории // Социалистическая Кабардино-Балкария. Нальчик. 28 января 1941], был подвергнут научному остракизму, по доносу был обвинен в «буржуазном национализме» и умер в тюрьме в 1954 году [Дзидзоев В.Д. Вопросы российско-кавказских отношений в трудах профессора Г.А. Кокиева // Вестник Владикавказского научного центра. Т. 16. № 2. 2015. С. 40].

Таким образом, с 1930-х годов скифо-сарматская трактовка происхождения алан, исторически единственных индоевропейцев-арийцев на Северном Кавказе, основанная на традициях сравнительно-исторического языкознания, приобрела академический характер, благодаря активной работе В.И. Абаева, бывшего, заметим, учеником академика Н.Я. Марра. Однако, конъюнктура военного времени потребовала внести корректировку в концепцию, ввиду необходимости отмежеваться от арийства индоевропейских языков. Так, была реанимирована идея кавказской субстратности, теперь играющей ключевую роль в этногенезе осетино-алан. Как

отмечает В.А. Шнирельман, «борьба с арийством окрашивала советскую науку и в последующий период» [Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006]. Осетины в научной литературе стали называться «иранизированными яфетидами»-автохтонами, в языке которых преобладает доиранская местная лексика [Кокиев Г. А. Об одной фашистской фальсификации истории осетин. Исторический журнал. 1944. № 2–3; Скитский Б.В. Из прошлого города Дзауджикау // Социалистическая Осетия. 1944. № 55 (19 марта)]. Как отмечал теперь В.И. Абаев в работе 1949 года, осетинский язык – это иранский язык, смешавшийся с языками местных кавказских аборигенов [Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Том I. М.–Л., 1949. С. 11–13, 75–80, 112–122, 363 и т.д.], «многие образы героев осетинского нартского эпоса проникли в осетинскую среду из очень древнего кавказского субстрата» [Абаев В.И. Проблема нартского эпоса // Нартский эпос. Сб. ст. Орджоникидзе, 1957. С. 30]. А дигорские иранизмы в балкарском и карачаевском языках, объяснялись широким ареалом обитания алан, охватывавшим западные пределы Кавказа до прихода тюрков-кочевников [Абаев В.И. Проблема нартского эпоса. С. 291–308; См.: Абаев В. И. Об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке // Материалы научной сессии 1959 г. по проблеме происхождения балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960].

Идея субстратности в этногенезе алан (с привязкой – осетин) позволяла также обойти вновь и вновь возникающие факты общности их истории с языками и культурой местных кавказских народов. Так, в 70-х г. прошлого века З.В. Анчабадзе отмечает изменение взглядов В.И. Абаева, который уже «высказывает предположение, что, наряду с известными центрами формирования и развития нартского эпоса – осетинским и адыгским, – придется, возможно, признать и наличие третьего центра – абхазского» [Анчабадзе З.В. К вопросу о времени и условиях возникновения нартского эпоса // Анчабадзе З. В. Избранные труды (в двух томах). Том II. Сухум, 2011. С. 247–248]. Е.М. Мелетинский говорит, что нельзя говорить о каком-либо одном народе, как о создателе

эпоса, что он известен многим народам Северного Кавказа и отчасти Закавказья – осетинам, кабардинцам, адыгейцам, абхазцам, убыхам, сванам, чеченцам, ингушам, балкарцам, карачаевцам, кумыкам и др. и называет главными носителями нартского эпоса уже не только осетин, но и адыгов и абхазов [См.: Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М., 1963]. Е.И. Крупнов уже в послевоенные годы избегал говорить об ираноязычии алан, отмечая их аборигенные кавказские корни [Крупнов Е.И. Отчет о работе Северо-Кавказской археологической экспедиции 1946 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 58. С. 34–43]. Отбросив идею о привнесении основного ядра нартского эпоса на Кавказ кочевниками, он высказал мнение о ранней поре возникновения «мотивов» нартского эпоса (т.е. зарождение эпических песен и складывание основы героического нартского эпоса), связав их с материальной культурой горцев Северного Кавказа, до того как они раздробились на отдельные народности [Крупнов Е.И. Древняя история Кабарды. Нальчик, 1952. С. 48].

Таким образом, доминирование автохтонного кавказского «субстрата» в нартском эпосе, в лингвистике, топонимике, ономастике Центрального, Северного и Западного Кавказа подвергало большому сомнению идею ираноязычия алан, и, как следствие, этническое отношение к ним осетин.

С 50–60-х гг. XX века появляются публикации, доказывающие тюркоязычие алан. Так, Е. Алексеева указывает, что название алан закрепилось за карачаевцами [Алексеева Е.П. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1. С. 116]. К прототипам аланских катакомбных захоронений относит могильники гунно-сарматского времени Алтая и Семиречья А.П. Смирнов [См.: Смирнов А.П. Скифы. 1971. С. 300; Он же. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья. Материалы и исследования по археологии СССР, Выпуск 28. Москва: Издательство Академии Наук СССР. 1952]. Ученые показывают значительные тюркские заимствования в топонимике территории, ныне относящейся к Северной Осетии-Алании, на-

личие карачаево-балкаризмов в осетинской лексике, а также мотивов тюркско-монгольского эпоса в нартском эпосе осетин [См.: Мизиев И.М. Шаги к истокам этнической истории Центрально-го Кавказа. Нальчик, 1986; Хаджилаев Х-М. И. Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970; Хабичев М. А. К гидронимике Карачая и Балкарии. Нальчик, 1982; Гадагатль А. Героический эпос «Нарты» и его генезис. Краснодар, 1967 и др.].

Начиная с 90-х годов XX века, появляются исторические, языковедческие работы, исследования культурно-антропологического и этнографического характера [См.: Арсанукаев Р. Вайнахи и аланы. Аланы в раннесредневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1990; Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963; Вагапов Я.С. К этимологии Магас. Изв. ЧИНИИ ИЯЛ. Т. 8. Вып. II. Языкознание. Грозный, 1976; Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Грозный. В 4 частях. 1976–1985; Чокаев К. З. Нахские языки. Грозный, 1993; Чокаев К.З. Из иранской топонимии Чечено-Ингушетии // Осетинское языкознание. Орджоникидзе, 1982; Ужахов М.Р. Годичные циклы сельскохозяйственных работ чеченцев и ингушей периода средневековья. Грозный, 1979; Хасиев С.А. К традиционному отсчету времени у вайнахов. Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981; Танкиев А.Х. Свет народного сознания вайнахов. Грозный, 1990; Албакова Ф.Ю. Проблемы развития традиционной культуры вайнахов. М., 1999; Дахкильгов И.А. Мифы и легенды вайнахов. Грозный, 1991; Новое в археологии и этнологии Ингушетии. Нальчик, 1998; Акиев Х.А. К вопросу о происхождении и географии расселения ингушей. ЛагIаш. 1989. № 1. С. 29; Гумба Г.Д. Расселение вайнахских племен по «Ашхарацуйцу» (Армянская география VII века). Кандидатская диссертация. Ереван, 1988 и др.], в которых доказывалась этническая принадлежность алан к нахоязычным аборигенам Кавказа. В виду позднего включения в научные изыскания по алановедению представителей ученой элиты нахских народов,

как, собственно, и карачаево-балкарских (тюркских), а порой и пренебрежительного отношения, эти исследования не принимаются во внимание. Ставшая на сегодняшний день хрестоматийной гипотеза ираноязычности алан доминирует, она ограничивает исследовательский ракурс, вновь и вновь клонируется в науке. К сожалению, в большинстве своем исследования по алановедению по сей день грешат приверженностью к заложенной еще в 40-е годы прошлого столетия скифо-сармато-алано-осетинской версии. Заразивший западноевропейскую научную среду, ирано-осетинский этноцентризм и сегодня не дает возможности объективного анализа истории алан, априори объявляя тюркские или нахские концепции околонучными.

О НЕКОТОРЫХ ДРЕВНЕИНГУШСКИХ ПЛЕМЕНАХ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

Кавказские албаны появляются впервые на исторической арене в связи с их участием в составе войск Ахеменидов в решающей битве при Гавгамелах в 331 г. до н.э.¹ против армии Александра Македонского. Воспринимавшаяся первоначально как легендарный союз племен, Кавказская Албания с течением времени получила ясно осязаемые контуры. Речь идет о кавказском регионе «Алвания» / «Алуания»², названном Страбоном «Албанией», по созвучию с известной ему соседней с Грецией страной. Она занимала территорию современного Карабаха (регион Азербайджана), южного Дагестана, восточной части современной Грузии (Кахетии). Естественными границами ее были: на юге – ее главная река Кура с притоками Каркар-чай и Аракс; на севере – Кавказские горы; на западе – другой приток Куры, Алазань, и ее приток Иори; на востоке – Каспийское море.

Кай Плиний Младший сообщает, что на севере граница Албании доходит до реки Соана (Soana), соприкасаясь с Сарматией³. Река с похожим названием, «Сона», упоминается грузинским ав-

¹ Битва при Гавгамелах или битва при Арбелах в октябре 331 г. до н.э. стала решающим сражением Александра Македонского против персидского царя Дария III. Победу одержала армия греков, и империя Ахеменидов исчезла с исторической арены.

² Или «Агвания», у армян, в языке которых до XI в. не было звука «л».

³ Сарматы – это различные кочевые племена (VI–IV вв. до н.э.), подразделявшиеся на восточные и западные. Они населяли степные районы от Тисы и Дуная до Аральского моря (территории современной Украины, России и Казахстана). С I в. до н.э. происходит смешение теонимов «сарматы» и «савроматы». Их идентифицируют с савроматами Геродота, писавшего: «Если перейти реку Таинаис (Дон), то там уже не скифская земля, но область савроматов». К сарматам причисляют следующие ираноязычные племена: аорсы, языги, сираки, аланы, роксоланы, саи.

тором XVIII в. Вахушти. Грузинский историк М.Г. Джанашвили, переводчик работы Вахушти, идентифицирует гидроним «Сона» с гидронимом «Соана», упоминаемым Каем Плинием Младшим. Мурад Базоркин определил вахуштовскую Сону как современную реку Сунжа, правый приток Терека, протекающий по территории Ингушетии и Чечни. Что касается Соаны, то, считает он, скорее всего речь идет о бывшем названии современной реки Сулак, впадающей в Каспийское море южнее Терека (Alonta, у Птолемея). Мурад Базоркин установил, таким образом, что граница Албании на севере доходила до Сулака-Soana и Терека-Alonta [2, с. 15–16].

Древнейшей областью Кавказской Албании являлась северная часть долины Куры. В I-ом тысячелетии до н. э. население региона состояло, по всей видимости, из племен, говоривших на кавказских языках. Возможно, что эти языки развились из диалектов хуррито-урарто-касситских племен, оказавшихся на Кавказе в период ослабления и затем разрушения государства *H'urri* / *H'arri* или *Mitanni*¹. *Часть из этих племен могла получить племенные патронимы по топонимам, оронимам или гидронимам, названиям мест их новых поселений. По истечении времени, в новых условиях, несмотря на языковую дифференциацию, они могли сохранять память об их этнической близости. Поэтому они селились по соседству друг с другом. На это намекают племенные названия, сохранившиеся со времен Страбона и относимые им к «скифам»: древнедагестанское племя «леки» и древнеингушское племя «гелы»...*

В конце I в. до н.э. – начале I в. н.э. на территории Кавказской Албании проживало, согласно Страбону, 26 разноязычных племен. Самыми значительными из них он считал гаргареев. В период жизнедеятельности Страбона и Клавдия Птолемея стало известно о существовании Керавнских или Кераунских гор (*Monts Cérauniens*), являющихся ответвлением от Главного Кавказского хребта в том месте, где проживали гаргареи, тушины и диды-дидойцы [3, с. 127–128]. Название Керавнских гор созвучно ингушскому орониму «Керан-лоам» («Гора коршунов»).

¹ Эммануэль Лярош считал, что хурриты изначально проживали на Кавказе.

Кавказская Албания, благодатный для жизни край, с древнейших времен привлекала взоры различных завоевателей. С I-го тысячелетия до н.э., эпохи железного века, войн и великих переселений народов, населявшие ее племена объединялись во временные союзы для отражения захватчиков. В нее вторгались в разное время греки, римляне, а позднее – персы, хазары, арабы, турки... С расширением военных и торговых контактов с соседними и отдаленными народами земледельческие поселения жителей Кавказской Албании перерождаются в укрепления. По Страбону, каждое племя имело своего вождя. В период вражеских вторжений, объединяясь в союзы, племена выдвигали общего военачальника из наиболее авторитетных воинов. Клавдий Птолемей упоминает на этой территории 29 наиболее развитых городов-укреплений. В наше время археологами было выявлено более 50 городищ и поселений того периода только на территории современного Южного Дагестана [3, с. 141–143].

Укрепление поселений оборонительными стенами показывает, что каждое общество или племя имело определенную самостоятельность. Расположение мелких поселений вокруг более сильных, разветвленная коммуникативная сеть и изоморфизм в архитектуре фортификаций были обусловлены союзом общин Кавказской Албании. Ее политическая организация была основана на традициях анатолийских и закавказских государств¹. Известно, что племена Кавказской Албании объединялись в союзы уже в IV в. до н.э., в период вторжения Александра Македонского в Закавказье. Следовательно, эти союзы практиковались и раньше. Объединение племен происходило по принципу языковой близости и этнического родства. Чем древнее период, тем большим было разнообразие языков и диалектов этого края. Но все они имели общие языковые черты. Эта общность проявляется и в современных кавказских языках.

¹ Протонахские племена, в частности ГалгIай-ингуши, сохраняли такую же особенность, как и хурритоязычные общества в Анатолии и Месопотамии, но в условиях горного ландшафта. Они строили недоступные каменные сооружения: высокие и крепкие башни ГIала (жилые) и воу (оборонительные).

Античные авторы передают названия наиболее заметных племен, входивших в албанский союз: гаргареи, ути-уды-удины, гелы, леги-леки, лбины-лпины-лупении, сильвы-чилбы, дидуры, олонды, исонды, герры... Страбон упоминает, кроме того, о племенах фтеирофагах (*Phthirophages*), соанах (*Soanes*), троглодитах (*Troglodites*), а также о хамекетах (*Chamaecètes* или *Chamaecoetaes*), известных в работах отечественных авторов как «хамекиты».

Фтеирофаги и соаны, посещающие рынок Диоскурии, пишет Страбон, известны своей неухоженностью¹. Соаны, являются, видимо, древними жителями побережья реки Соана, определенной М.М. Базоркиным как современный Сулак, впадающий в Каспий южнее Терека и отмечающий северную границу Албании. Страбон представляет соанов самым сильным физически и самым влиятельным из всех перечисляемых им народов данного региона. «У них есть правитель и орган власти (*«sépat»*), состоящий из трехсот человек, а также армия, набирающая до двухсот тысяч человек. Низвергающиеся у них водопады изобилуют золотыми песчинками» [7, Livre XI, 2, 18].

О дагестанском племени ути-уды-удины впервые упоминается в первой четверти V в. до н.э., когда они принимают участие в походах Ксеркса на Грецию. Большая часть предков удин проживала на берегах Куры (ныне устье Алазани); другая часть жила в горах побережья Каспия, к югу от Дербента. Геродот и Плиний помещали их к северу от Атропатены², за Араксом. Они говорили на языке близком к лезгинской группе. Их соседями являлись гаргареи, предки ГалгГай-ингушей. В первых веках н.э. они населяли большей частью восточный берег Куры и берега ее притока Каркар-чай.

¹ Греки считали все другие, кроме себя, народы варварами.

² Атропатена или Мидия Атропатена (Малая Мидия), древнее государство, располагавшееся на северо-западе современного Ирана, включало примерно территории иранского Азербайджана и юг современной Азербайджанской Республики. Атропатена образовалась в конце IV в. до н.э. после распада империи Александра Македонского. Она названа по имени мидийского сатрапа Атропата, служившего Александру Македонскому и принявшему от него титул царя. Впоследствии у арабов она получила название «Азербайджан», «Страна огня», из-за горящего газа, пробивавшегося из-под земли. Атропатена перестала существовать как государство ок. 150 г. до н.э., став частью Парфянского царства.

Гелы, прото-ингушское племя, проживали на побережье Самура (Кулан-вац). Соседями гелов были леки-леги. Некоторые исследователи подразумевают под гелами лезгин, а под легами – лакцев и других горцев Центрального и Южного Дагестана. Страбон считает леков и гелов отдельными племенами, имеющими отношение к гаргареям только местом своего проживания. Он относит их к «скифам», соседям легендарных амазонок, живущих в высокогорье Кавказа. Теофан или Феофан (Théophane) тоже помещает их между албанами и амазонками. Птолемей отождествляет легов с кадусиями¹, а Плиний относит к кадусиям гелов [3, с. 159].

Грузинское название «Лекос» произошло от этнонима этих древних дагестанских племен. В раннем Средневековье под Лекетией подразумевалось территориально-политическое образование, расположенное по соседству с княжеством Маскут² в горной и предгорной части Южного Дагестана. Этноним «Лекос» долгое время употреблялся

¹ Кадусии – это древнее племя, проживавшее на юго-западном побережье Каспийского моря, между реками Кура, самой большой рекой Закавказья, и Сефидруд («Белая река»), протекающей в Северном Иране. Они являлись данниками Ахеменидов. Кадусии упоминаются Аррианом, Ксенофонтом, Страбоном... Арриан пишет об отряде воинов кадусиев, воевавших на стороне персов в битве при Гавгамелах в октябре 331 г. до н.э. против Александра Македонского. Язык кадусиев пока неизвестен. Существуют мнение об ираноязычности кадусиев: их потомками считаются талыши и гилянцы.

² Княжество Маскут (позднее – Мушкюр) находилось к югу от Дербента, южнее реки Самур. Название княжества происходит от этнонима кочевавших в этих местах в первых веках н.э. скифских племен массагетов. К IV в. от них мало что осталось. В период расцвета Кавказской Албании Маскут входил в ее состав, но был внутренне самостоятелен и имел своего царя. Армения пыталась распространить на него свое влияние через христианских миссионеров. Но они не имели успеха среди населения. Маскутские вожди, хотя и считались родственниками армянских аршакидов, враждовали с Арменией и совершали против нее набеги. Кроме единого царя, у маскутов существовали также родовые и племенные вожди. Власть царя не была абсолютной. Когда в IV в. маскутский царь Санатрук принял христианство без ведома местных вождей, они вынудили его отказаться от новой веры. Здесь еще были сильны традиции военной демократии. В VI – начале VII в. Маскут оказался под властью Сасанидов.

восточными авторами в качестве собирательного имени для всех дагестанцев, за исключением дидойцев¹. До сих пор не установлено, входили ли леги-леки-лакцы в состав Кавказской Албании. Однако, если северная граница Албании проходила по Сулаку или Тереку, то лакцы являлись частью этого союза племен.

Один из вождей леков-легов, Шерир, был известен своей храбростью. Вместе с албанским царем Урнаиром он выступил в 371 г. на стороне персов против армян и греков. Часто леки-леги воевали вместе с другими кавказскими народами против Сасанидов. В 572 г. совместно с армянами и грузинами они участвовали в военных походах против Хосрова Ануширвана².

Раннесредневековые армянские и грузинские авторы продолжали упоминать о таких племенах, как гаргареи, гелы, леки-леги, сильвы-чилбы, лбины-лпины, дидои-дидуры, ути-уды-удины... Следовательно, эти этнические группы и общности смогли сохраниться в Кавказских горах в течение многих веков. Межэтнические процессы, происходившие на равнине, мало коснулись горных и высокогорных районов.

В раннесредневековых армянских источниках IV–VII вв. древнеингушские гелы упоминаются только дважды, а древнедагестанские леги – неоднократно [3, с. 159]. Гелы, представленные Страбоном как «скифское» племя, «приручившее» вместе с легами амазонок, являются, по всей видимости, далекими предками большого ингушского общества – Гелатхой. Они полностью сохранили свой этноним «Гел-а-т-хой», означавшем «Жители (-хой) местности (-т-) Гел». Он фигурирует в форме «Gaels» у немецкого

¹ Дидойцы или дидои, известны также как цунтинцы. Их самоназванием является «цези» / «цезы». Они относятся к аваро-андо-цезской группе народов Юго-Западного Дагестана. Это один из древнейших народов Кавказа.

² Хосров I (501–579 гг.) является шахиншахом из династии Сасанидов. Он правил с 531 г. до своей кончины. Правление Хосрова характеризуется централизацией власти, масштабными строительными работами, развитием наук и искусств, а также частыми завоевательными походами. При Хосрове I государство Сасанидов достигло наибольшего расцвета. Время правления Хосрова I часто именуют «золотой эпохой» в истории Персии.

этнографа Петера Симона Палласа (Peter Simon Pallas)¹, приглашенного Россией в конце XVIII в. для изучения Кавказа. Многие семьи современного ингушского общества Гелатхой связаны родством с жителями Северной Грузии.

Последнее упоминание о гелах древнеармянскими источниками датируется VII в. [3, с. 159]. Примерно в этот же период, между VII и X вв., последний раз упоминаются и гаргареи, фигурирующие под названием «гаргарацик» (Gargaraçik), написанным на армянский манер [12, с. 273–275]. Отсутствие этнонимов «гелы» и «гаргареи» в письменных источниках более позднего периода может объясняться исходом их носителей с прежних мест проживания. В эту эпоху на протяжении всего побережья Каспийского моря происходит активное перемещение разноязычных племен и народностей, оседлых и кочевых: исход одних и их замена другими. Движение предков ингушей к Центральному Кавказу произошло под натиском пришлых племен. Вместе с гаргареями и гелами ушли и близкие им хамекеты, махелоны, исадики и другие прото-нахские племена. Хевсурские предания, собранные Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе, сообщают, что в период жизнедеятельности грузинской царицы Тамары (1184–1213 гг.) гаргареи были известны на Центральном Кавказе уже под названием «глигви» («ГІалГІай»).

По мере их движения в сторону Центрального Кавказа какая-то часть нахских племен могла ассимилироваться с местными племенами. Она могла явиться этническим субстратом некоторых обществ грузинской Эрети, Иберии, Хевсуретии, Тушетии... Часть из них, гаргареи, добравшиеся до Центрального Кавказа, развились в новый этнос – «ГІалГІай», названный русскими

¹ Петер Паллас (Peter Simon Pallas, 1741–1811 гг.) является немецким зоологом и ботаником, приглашенным царицей Екатериной II для служения Российской империи. Она назначила его профессором естественной истории Имперской академии наук Санкт-Петербурга. Прибыв в Россию в 1767 г., он побывал на Волге, в Астрахани, на Каспии, на Северном Кавказе и на Черном море, изучая климатологию юга России и Крыма. Одновременно он фиксировал данные по этнографии.

в XVII–XVIII вв. «ингушами». В силу географических условий, гIалгIай-ингуши смогли сохранить многие этнокультурные, религиозные и языковые особенности алванских гаргареев: живя в малодоступных ущельях, они находились меньше других кавказских народов в соприкосновении с иноязычными кочевыми племенами [15, с. 27–30].

О лпинах-лбинах-лупениях и сильвах-чилбах сообщает Плиний Старший (23–79 гг. н.э.): «За пределами Албании по всему челу гор обитают дикие племена сильвов»; «ниже сильвов живут лупении». Через 600 с лишним лет лпины-лбины упоминаются вновь в связи с христианской миссией 681 г., направлявшейся к гуннскому князю Алп-Илитверу [3, с. 160]¹. Об их локализации также существуют различные мнения. Большинство исследователей склонно считать, что лпины-лбины проживали у нижнего течения реки Алазани, а сильвы-чилбы – в верховьях Самура и прилегающих южных склонах Главного Кавказского хребта, т.е. на территории расселения цахуров [3, с. 160].

Племена «камичиков» являются, по всей видимости, страбоновскими хамекетами-Chamaecètes [7, XI, 5, 6], этноним которых сохранился в названии большого ингушского общества – Хамхой. Идея о том, что хамекеты могут быть предками ингушского общества Хамхой, к которой мы пришли Париже в 2016 г. [15, с. 105–106], оказалась далеко не новой. Ее высказывали еще в 1966 г. В.Б. Виноградов и К.З. Чокаев. Позже к ним примкнул и Евгений Крупнов: «Что касается древневайнахского этнонима, впервые упомянутого Страбоном, – «хамекиты», то В.Б. Виноградов и К.З. Чокаев, полемизируя со мной, оказались более правыми. Транскрибируя слово «хамекиты», «хамхети», как «страна хамхов», они локализируют хамекитов не в горной Чечне (как предполагал я), а в тех же верховьях Ассинского ущелья вблизи современного ингушского с. Хамхи» [4, с. 28].

¹ См. подробнее в работе М.Э. Поснова *История христианской Церкви (до разделения Церквей в 1054 г.)*, в ее части «VI-й Вселенский Собор 680–681 г.» [5].

По большой надписи, сделанной персидским царем Шапуrom I¹ на памятнике древнего зодчества Кааба-и-Зардушт (или Ka'ba-ye Zartošt)² и датируемой III в., Кавказская Албания упоминается рядом с Махелонией, находившейся по обеим сторонам Главного Кавказского хребта, по соседству с тушинами [3, с. 129]. Царь Шапуr I перечисляет подвластные ему территории Кавказа и Закавказья: Атропатена, Армения, Иберия, Махелония, Албания... «Что касается названия страны «Махелония», пишет К.В. Тревер, то, несмотря на то, что в парфянской³ версии надписи в этом месте читается SYKN, А. Марик предполагает, что речь идет о территории Мингрелии (E. Honigmann et A. Maricq...). Иначе объясняет этот термин Хеннинг (W.B. Henning...): по его мнению SYKN – Махелония, область между Араксом и оз. Севан, армянская провинция Сисакан (сюник) [...]. По мнению М. Бенвениста (там же, с. 178), речь идет об ингушах, которых осетины называют «Маqqал» [8, с. IX–XI]. Эта последняя версия представляется наиболее приемлемой.

¹ Шапуr I – царь царей или шахиншах, представитель Сасанидов, правивший приблизительно с 240/243 по 272/273 гг. Он продолжил укрепление и расширение государства, наследованного им от отца Арташира I, и успешно защищал его от вторжений римлян.

² Ka'ba-ye Zartošt (Ka'ba de Zoroastre) является каменной башней части разрушенного ансамбля из кирпича-сырца. Этот религиозный памятник Ахеменидов находится в археологическом городке Naqš-e Rostam, насчитывающем более 2400 лет. Он находится на территории современного Ирана, недалеко от города Чираз, столицы провинции Фарс. Этот храм, построенный в V или IV в. до н.э. у подножья священной скалы, функционировал до III в. до н.э. Возможно, даже до исламизации Персии. В 270 г. сасанидский царь Шапуr I выгравировал на нем текст на трех языках – на греческом, на парфянском пехлеви и на сасанидском пехлеви, – описывая свои деяния в период царствования.

³ Язык Парфянского государства. Парфия являлась исторической областью на северо-востоке иранского плато, сатрапией державы Ахеменидов между 190 г. до н.э. и 224 г. н.э. Ассирийские тексты VII в. до н.э. называют эту страну «Partakka» или «Partukka». Ее жители были поработаны Медией, властвовавшей над первой персидской империей до прихода к власти Кируса Великого в 550 г. до н.э. Затем Парфия перешла к империи Ахеменидов.

У устья Самура проживало еще одно племя Кавказской Албании – мушкайя, являющееся частью фригийских племен, известных у различных авторов и народов в разные исторические периоды под следующими альтерациями: мушкайя, мушки, муски, моски, мосенек, мески, месхи, мецхи, мцхе... Племена мушкайя и грозные гасга действовали в долине Евфрата и Тигра к 1150 г. до н.э. после разрушения ими Хеттской державы [1, с. 34–35]. Они совершали частые набеги на соседние и более отдаленные народы. Летописи правителей хурритов, хеттов, урартов и ассирийцев рассказывают о своих бесконечных войнах против этих воинственных племен.

История мушкайя и их контактов с кавказским миром прояснилась благодаря дешифровке клинописных текстов, найденных на скалах у озер Ван и Севан. Ассирийский царь Тиглатпаласар I (1116–1090 гг. до н.э.) написал в своих наскальных летописях, что во время военных кампаний в «субарейской» (хурритской) стране он столкнулся с ожесточенным сопротивлением племен мушкайя и гасга. Мушкайя совершали часто набеги в долину нижней Арацани и на берега устья Тигра, продолжая военные кампании после падения хеттского государства, смененного Фригией. Летописи ассирийских царей XII в. до н.э. рассказывают также, что за пятьдесят лет до прихода Тиглатпаласара I к власти мушкайя захватили земли Алзи и Пурулумзи (Пуруккузи). К 1116 г. до н.э. большое число этих племен спустилось с гор и захватило Катмух (Катмухи), дошло до севера Месопотамии, затем до побережья озера Ван и современного армянского массива с тем, чтобы захватить часть Урарту.

Этнонимы, топонимы и оронимы Кавказа подтверждают тесные связи мушкайя с его народами. Плиний (Pline) сообщает о народе Moscheni, проживающем в Армении [10, 2, с. 397]. Страбон локализует Moschi или Mosques на севере Евфрата, между этой рекой, Колхидой и юго-восточным побережьем Черного моря (Pont-Euxin). Плиний рассказывает также, что Фрикс (Phrixos)¹

¹ В греческой мифологии Phrixos (*Phrixos*) и Hellé (*Hélle*) являются братом и сестрой, детьми короля Athamas'a Néaphélé. Чтобы избежать встречи со своей мачехой Ино, они умоляют Зевса помочь им. Зевс посылает им Chrysmales, зла-

построил у москов (Mosques) богатый храм, посвященный морской богине Левкотее или Лефкофее (Leucothée), «Белой богине», к которому он приставил оракула. Позже храм был ограблен сыном Митридата. Страбон считал, что эти племена проживали частью в Кавказских горах, откуда Фазис (Phasis)¹ берет начало [10, 2, с. 397]. Иначе говоря, данные племена участвовали в этногенезе народов Закавказья и Кавказа. Северо-восточная часть Азербайджана до реки Самур называется «Мушкур».

Кавказоведы идентифицируют воинственных мушкайя с предками иберов, жителей восточной Грузии, исходя из его схожести с этнонимом «месхи», патронимом племен восточной Грузии [1, с. 30]. Первыми, кто связал мушкайя с грузинскими племенами были немецкий историк Жюль Клапрот и французский этнолог Луи Вивьен де Сен Мартен. В 1847 г. Луи Вивьен де Сен Мартен писал, что «во все эпохи иностранные и национальные авторы упоминали местность, называемую «Месх», занимающую верховье долины над Ахалцихом и образующую, таким образом, на юго-западе верхнюю часть того, что мы называем Грузия²; крутые горы, которые окружают этот бассейн, назывались когда-то, согласно Птолемию, «Moschici Montes» («Горы Мосхов / Месхов»). Куропалат³ сообщает, что Месхией (Meschia) называлась область рядом с Азиатской Иберией [10, 2, с. 373]. Meschini, является прежним названием жителей Каппадокии⁴. Joseph (*Antiq. L. I*,

торунного и золоторого овна. Он помогает убежать в Колхиду. В пути Hellé падает в море и тонет в Черном море, которое будет названо в ее честь Hellespont.

¹ Phase (Φάσις) – древнегреческое название реки Риони (le Rhéon), являющейся главной рекой Западной Грузии. Она берет начало на Кавказе в области Рача (Ratcha), течет на запад и впадает в Черное море, к северу от города Поты.

² Можно проследить постепенное накопление после Геродота данных о Месхи или, согласно греко-латинской орфографии, «Мосхи (Moskhi)» у Страбона [17, с. 49].

³ Давид III Куропалат или Давид Великий (ок. 930–1000) – царь Юго-Западной части Грузии (Тао-Кларджети).

⁴ Каппадокия (Cappadoce) является историческим регионом Турции, расположенным в центре Анатолии.

с. 7)¹ считает, что данное название происходит от названия местности Meschus, где проживали эти племена [10, 2, pp. 373, 389].

Патроним «Месхи», по грузинским летописям, стал со временем обозначать значительную часть племен Грузии, если не всей ее территории. Картлос, отец грузинской нации, имел несколько сыновей, среди которых самым сильным был Мцхетос, правивший над своими остальными шестью братьями. Количество «сыновей» родоначальника указывает на количество этнических рамификаций или территориальных подразделений. Мцхетос был основателем первой грузинской метрополии, названной его именем. Она сохраняла этот статус до второй половины V в. н.э. Еще и сегодня можно увидеть ее следы у слияния рек Арагви и Куры недалеко от Тбилиси.

Трудно не заметить связь, существующую между патронимом Мцхет и различными его альтерациями у различных авторов, записывавших его согласно артикуляции своих языков: Месхек – Месех – Мосох – Месх... Этот патроним стал обозначать провинцию Самцхе, включающую долину верхней Куры и бассейн реки Чорохи², т.е. территорию, где, согласно Страбону, проживали Мосхи / Месхи. Грузинская летопись рассказывает, что по смерти Мцхетоса другие сыновья Картлоса разъединились и стали враждовать друг с другом. В последующий периоды Месхи сузила свои границы до верховьев Куры.

Таким образом, самое древнее доминирующее политическое образование Картли называлось Мцхет, а его столицей была Мцхета – «Месхек» в этнографической таблице Моисея, приписывавшим (согласно 10-й главе *Бытия*) расселение людей после Потопа трем расам, потомкам трех сыновей Ноя: Сима / Сема (Шема), Хама и Яфета. Северные регионы, куда входит и Кавказ, были заселены яфетидами.

После Жюля Клапрота и Луи Вивьен де Сен Мартена, проблема мушкая была поднята вновь в России в 1887 г. бароном Петром

¹ Flavius Josèphe. *Antiquités Judaïques (Antiquitates Judaicae)*, Livre 1. Труд относится к концу I-го в. Он состоит из 20 книг, написанных на греческом и переведенных на латынь.

² Река Чорохи впадает в Черное море на границе Турции и Грузии.

Усларом, генералом царской армии, специализировавшимся по Дагестану. Работая над собранным им в Дагестане в 1880-х гг. материалом, он писал, что хунзахи называли тушинов именем «мосок/х». Он высказал гипотезу, что речь шла о названии одного из племен Картли – о мосохах или месхи. Эта идея была продолжена грузинским историком И. Джавахишвили. Он полагает, что имеются в виду племена мушкайя, предки некоторых этнических грузинских групп, прибывших в горы Кавказа из Малой Азии в VII–VI в. до н.э. И.М. Дьяконов считает также их древними мосхами или более поздними месхами, родственными кавказским иберам. Последователь И. Джавахишвили, Г. Меликишвили, склонен предположить, как и Петр Услар, что мосхи – это, скорее всего, предки тушинов.

Прибыв в восточную Грузию, мушкайя-«месхи (мцхе)» основали там свою столицу – город Мцхета (Армаз). Леонти Мровели сообщает, что она была основана легендарным персонажем Мцхетосом, скрывавшим под своим именем этническую группу. Расположенная на перекрестке путей, ведущих в Армению, в Кавказскую Албанию и в Колхиду, она превратилась в культурный центр всего Кавказа.

Еще один кавказский (ингушский) топоним хранит следы этих древних воинственных племен. Речь идет о названии общества «Мецхал», перекликающимся с названием грузинского священного города «Мцхета» [14, с. 90–954; 16, с. 173–181]. В конце I-го тысячелетия до н.э. грузинская Мцхета была тесно связана со страной нахских племен дзурдзуков-цурцуков¹, Дзурдзукетией, куда был увезен в трехлетнем возрасте будущий царь Картли, чтобы спасти его от армии Александра Македонского. Следовательно, взаимоотношения между картвелами и дзурдзуками были очень древними. Они позволяют сблизить Мецхала дзурдзуков с Мцхетосом картвелов. Ибо Мецхал был основан тоже, как передают предания, легендарным народом. Ингушский Мецхал был, скорее всего, основан тем же племенем мушкайя-«мецхи». Тогда можно понять, почему мать-царица привезла сына к дзурдзукам: генетическое родство этих народов

¹ Его другие альтерации в легендах народов Кавказа: дурдзуки, зурзуки, зурзуры...

не было еще до конца стерто. Следовательно, можно предположить, что дзурдзуки являются частью фригийских племен мушкайя.

Названия местностей Кавказа показывают, что ареал расселения племен мушкайя выходил за пределы грузинской страны Картли, включая также часть территории Ингушетии, Чечни и Дагестана (Кавказской Албании). Возможно, что ингушские мушкайя-«мецхи» прибыли на Кавказ раньше грузинских мушкайя-«мцхе»: с первыми волнами вторжений этих племен в XII в. до н.э. До прибытия второй, «грузинской», волны племен мушкайя-«мцхе» в VII в. до н.э., первая начала ассимилироваться с местным населением, но она сохраняла сознание своей принадлежности к одной этнической группе подобно тому, как это происходило еще в недавнем прошлом между ГалГай-ингушами и бацой-бацби.

Отголоски об этих древних племенах обнаруживаются в топонимах, оронимах, гидронимах, этнонимах и антропонимах Кавказа. Они присутствуют в этнониме «мышыкъш», данном ингушам их бывшими непосредственными соседями до прихода в горы предков осетин в XIII–XV вв., гонимых татаро-монголами и затем крымскими ханами. Они сохранились также в Ингушетии, особенно в Цоринском обществе: в названии реки Мешхи, Мошхи, Мушхи; в названии горы Муски или Моски; в мужских именах Муски и Мочко (легендарный основатель селения Мочки-юрт); в названии селения Мужичи и других. Их отголоски могли сохраниться и в Чечне: в этнониме «мичгиз», данном чеченцам их соседями кумыками по названию реки и ее долины; в названии села Муши-чу...

Легендарные мушкайя-«мецхи» оставили в пантеоне ингушей божество, носящее их патроним – Мец-хал или Мец-хали, очень почитавшееся в народе. Ибо его имя носил один из месяцев ингушского календаря, «мец-хали-бут» или «август» [9, с. 225–230]. Мец-хал является «родным» братом божеств пантеона и сыном главного бога Дялы, свидетельствуя о своих древних корнях в верованиях предков ингушей.

Имя отца кавказских народов «Таргамос» имеет другую форму – «Фаргамос» (Thargamos), переключенную с названием фригийских племен.

В грузинских источниках ингушей называют этнонимом «глигви», являющимся альтерацией их самоназвания «ГалгIай». Считается, что впервые племенные патронимы «дзурдзуки» / «цурцуки» и «глигви» были упомянуты в известном своде грузинских летописей *Картлис Цховреба* XI в. Леонтия Мровели и сохранялись вплоть до XVIII в. Существует также мнение, что этноним «дзурдзук» охватывает «всю группу нахских племен, выражая вместе с тем их общность» [4, с. 30]. Однако древние источники передают, что дзурдзуки / цурцуки являлись одним из многих племен нахов. Когда в 72 г. н.э. кочевники сарматы вторглись в Армению и Мидию, в набеге с ними участвовали оседлые племена: гаргареи, дзурдзуки (цурцуки), леки, диды и «пачаники джики».

В 1930-х гг. в *Армянской географии* Моисея Хоренского VII в. были обнаружены этнонимы «кусты» / «кисты» (общество ингушей). Евгений Крупнов уточняет, что термин «кисты» «часто встречается в средневековых грузинских источниках и архивных документах в форме «кишты». И хотя предполагается, что этноним «кишты» уходит вглубь веков вплоть до XIII в., в действительности в форме «кисты» этот термин известен был еще в раннем Средневековье. Древнее место обитания кистов или кистинцев определяется довольно точно. Это – ущелье р. Арм-хи, правого притока Терека в 22 км к югу от г. Орджоникидзе (Владикавказа), ибо эта река и называлась по-грузински «Кистетис Цхали» и «Кистинка» в русских источниках; соседние же осетины называют ее «Махалдон» («река Махалов / Махелонов»)» [4, с. 29–30]. В новом списке народов *Азиатской Сарматии*¹, установленном *Армянской географией* и обнаруженном в библиотеке Мехитаристов (Mekhitaristes)² в Вене-

¹ Книга была переиздана в 1881 г. «Азиатская Сарматия» – древнее название Восточной Европы, основным населением которой считались сарматы.

² Мехитаристы составляли армянский религиозный Орден, основанный в 1703 г. в Морее (в Греции). В 1715 г. Мехитаристы покинули Морю из-за вторжения Турции. В 1717 г. они обосновались в Венеции, на острове Сан Лаззаро (San Lazzaro). Библиотека Венеции является одной из самых богатых по армянским рукописям, украшенным замечательными миниатюрами. Сам Орден был признан в 1773 г., а затем, в 1810 г., перемещен Наполеоном в Вену.

ции, термин «куст» представлен действительно в форме «кишт». Плиний сообщает также о народе *Histi*, живущем между скифами (L. VI, с. 17) [10, 2, с. 144]. Якоб Рейнегтс¹ писал, что на Кавказе «правый берег Терека, северо-западная часть Восточного Кавказа и вся центральная гряда с северо-запада на север населена народом, который сам себя называет «ингуш»... К северу от них живут кисты. Может быть, это тот самый народ, который Плиний называет «гисты» [*Histi*], а Моисей Хоренский – «хусты». По крайней мере, они принадлежат к числу древнейших жителей, поскольку их язык неизвестен большинству жителей северо-восточного отрога» [6, с 182]. Упоминание Плинием о существовании на Кавказе «гистов» углубляет их историю до начала I в. н.э.

Однако возможно, что история кистов (или киштов) имеет еще более глубокие корни. В качестве гипотезы можно предположить, что они являются «аватарой» древних касситов (< аккадского «кашшу» [*kaššū*]), скотоводческих племен, обитавших на юго-востоке от Кавказа, в предгорьях Загроса, в верховьях реки Диялы и на северо-западе Элама. Согласно последним данным, касситы не являлись ни индоевропейцами, ни семитами. Их язык относился к агглютинативным языкам. Во время военных кампаний они использовали колесницы, как их «кавказоязычные» соседи хурриты из Хурри или Митанни.

Некоторую легитимность нашей гипотезе о древнейших корнях кистов и об их возможных связях с касситами придают исследования востоковедов, включающих касситский вместе с хурритским и урартским в группу «кавказских» языков. К ним относится и французский специалист по дешифровке клинописных текстов Арно Фурнэ (Arnaud Fournet). В своей статье «*Eléments de morphologie et de syntaxe de la langue hourrite*» («Элементы морфологии и синтаксиса хурритского языка») он подчеркивает бли-

¹ Его настоящее имя – Кристиан Рудольф Элих (1744–1793 гг.). Саксонец Якоб Рейнегтс был приглашен царским правительством в Россию для исследования полезных ископаемых Кавказа, куда он совершил пять экспедиций в течение трех лет – с 1781 по 1783 гг. После смерти Якоба Рейнегтса немецкий исследователь Ф.Э. Шредер издал его записи в двух томах.

зость хурритского, урартского и касситского к кавказским языкам. Он предлагает проводить более углубленные сравнительно-сопоставительные исследования этих древних языков с нахскими, обладающими большей схожестью с ними в лексических и грамматических элементах, чем другие кавказские языки [11, с. 6].

Кроме «кавказоязычности» и фонетической близости этнонимов касситов и кистов, обнаруживается еще один объединяющий их момент, связанный с древними верованиями, которые, как известно, являются наиболее устойчивыми. В пантеоне касситов существовали земные божества *Ази* / *Азу*, схожие фонетикой и некоторыми характеристиками с ингушскими божествами *Агой*, защитниками девушек, будущих невест [13, с. 99–100].

И у касситов, и у предков ингушей они действовали в качестве плеяды из семи божеств, поднявшихся в небо и превратившихся в семь звезд Большой Медведицы. В мифе «Семь сыновей вьюги» рассказывается о сыновьях бывшего бога неба *Тха*, владыки Казбека, и его супруги, богини снежных вьюг *Дардза-наны*. Придя в пантеон предков гІалгІай-ингушей, *Тха* забрал у бывшего местного бога неба *Ан* / *Ани* верховенство над небесами, оставив за ним только горизонт ('*Ан*, по-ингушски), соединяющий землю с небом, а также власть над божественным семейством. Однажды жестокий отец, разгневавшись за непослушание, превратил своих сыновей в семь звезд Большой Медведицы, названных ингушами «Сыновья *Дардза-наны*». В пантеон ингушей семибожие *Агой* могло прийти из пантеона касситов вместе с кистами и гаргареями, проживавшими в Кавказской Албании (или Алвании / Алуании). У других народов Кавказа такие божества не обнаружены.

Таким образом, язык и древние верования гІалгІай-ингушей хранят до сих пор отголоски древнейшей истории Кавказа и эволюции его этнических процессов.

Литература

1. Арутюнян Н.В. Биайнили (Урарту): Военно-политическая история и вопросы топонимики. Ереван: АН Арм. ССР, 1970. 474 с.

2. *Базоркин М.* История происхождения ингушей. Налчик: Эль-фа, 2002. 290 с.
3. История Дагестана с древнейших времен и до наших дней / Ред. коллегия: М.Г. Гаджиев, О.М. Давудов и др. Том 1. Москва: Наука, 2004. 626 с.
4. *Крупнов Е.И.* Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971. 207 с.
5. *Поснов М.Э.* История христианской Церкви (до разделения Церквей в 1054 г.). Via Internet: <http://www.rodon.org/pme/ihc.htm>.
6. *Рейнеггс Я.* Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа // Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков. Нальчик: Изд. Котляровых, 2010. С. 180–201.
7. *Страбон.* География в 17 книгах. Репринтное воспроизведение текста издания 1964 г. М.: Ладомир, 1994.
8. *Тревер К.В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н.э. VII в. н.э. М.–Л., 1959. Via Internet: http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/K_Trever_Kawk_Albanija.pdf
9. *Цароева М.* Пантеон ингушей. М.: Триумф, 2016. 544 с.
10. *Encyclopédie méthodique : Géographie ancienne / Par M. Mentelle, Historiographe du Monseigneur Comte d'Artois.* Paris : Panckoucke Libraire. Tome 1er (1787) 756 p. ; T. 2 (1889), 750 p.
11. *Fournet A.* Eléments de morphologie et de syntaxe de la langue hourrite. Destinés à l'étude des textes mittanniens et anatolo-hittites // BABELAO 2 (2013), P. 3–52.
12. *Hübschmann H.* Die Altarmenischen Ortsnamen: mit Beiträgen zur historischen Topographie Armeniens und einer Karte. Strassburg: K.J. Trübner, 1904. Paginé 197–490.
13. *Tsaroieva M.* Lexique comparatif des langues nakhe et hourrite: à propos des croyances ancestrales. Paris: Ed. du Cygne, 2020. 164 p.
14. *Tsaroieva M.* Les racines mésopotamiennes et anatoliennes des Ingouches et des Tchétchènes. Paris: Ed. Riveneuve, 2008. 329 p.
15. *Tsaroieva M.* Mythologie des Ingouches: Peuple du Caucase central. Paris: Ed. du Cygne, 2017. 194 p.
16. *Tsaroieva M.* Panthéon des Ingouches: Peuple du Caucase central. Paris: Ed. du Cygne, 2018. 254 p.
17. *Vivien de Saint Martin L.* Recherches sur les populations primitives et les plus anciennes traditions du Caucase, lues à la Société d'ethnologie de Paris, dans les séances de 27 août et de 24 septembre 1846. Paris: A. Bertrand, 1847. VIII–201 p.

ИНГУШИЗМЫ В ТОПОНИМИИ ОСЕТИИ

Научные исследования по этимологии топонимов и гидронимов Центрального Кавказа, как правило, не используют нахские лексические материалы. Особенно этим страдают исследования лингвистов, работающих в русле ираноязычности алан. В статье представлены некоторые факты, иллюстрирующие распространенность нахских морфем на современной территории проживания осетин.

На рубеже двух эр на Северном Кавказе и в Предкавказье не наблюдается серьезных изменений этнического плана [10, с. 90], в том числе и в плане привнесения или же присутствия ираноязычного элемента здесь, «кроме разных толкований этнонимов *овс/ас* и *алан*, в основном неубедительных, нет каких-либо доказательств наличия в это время в предгорной зоне Центрального Предкавказья... ираноязычного населения» [4, с. 81].

У В. И. Абаева, пришедшие на Кавказ предки осетин – иронов, осваивая новые места расселения, находят на Кавказе «не безлюдную пустыню», а «старое население, по языку... родственное другим коренным народам Кавказа: вейнахам, черкесам, сванам, грузинам, абхазам», и нет никаких оснований думать, чтобы это коренное доиранское население», жившее до них «было истреблено или вымерло», вероятно, что «оно смешалось с пришельцами иранцами и этим смешением и было положено начало современному осетинскому типу» [1, с. 79–80]. Здесь главное для нас – обоснованное признание В.И. Абаевым прищности предков современных осетин и проживание ингушских обществ на территории современной Осетии до прихода туда ираноязычных племен. Подтверждением этому служит и то, что ингуши, по осетинским преданиям, жили в позднем средневековье в Даргавском, Куртатинском и Санибанском ущельях.

Еще в XVII–XVIII вв. Алагирское, Куртатинское и Санибанское ущелья не были подконтрольны иронам. Делать однознач-

ные выводы о том, что эти ущелья принадлежали иронам, не имея для этого практически никакой возможности для доказательства, а также для ссылок на первоисточники, нельзя. Тем более этого нельзя делать, ссылаясь на Вахушти Багратиони, ибо грузины, да и сам Багратиони тоже, имели в виду вовсе не иронов, когда речь заходит об овсах, Овсети, области Басиани и т.д. Овсами назывались те ингушские, балкарские и дигорские этнически и языково однородные в то время нахские общества, которые жили на этой территории.

«Находясь в стороне от посольских путей XVII–XVIII вв., – пишет Н.Г. Волкова, – эти ущелья были сравнительно мало известны в источниках вплоть до 60–80-х годов XVIII в.» [6, с. 117].

Таким образом, ученый прямо указывает на то, что источников, указывающих достоверно на район проживания иронов в рассматриваемый период, просто нет. Сами осетинские ученые возмущаются по поводу того, что некоторые позднесредневековые авторы совсем не упоминают про иронов. «Турецкий путешественник Эвлия Челеби, проехавший по Северному Кавказу в середине XVII в., умудрился не заметить осетин», – вопрошают авторы «Истории Осетии» [5, с. 125].

Но как их можно было заметить, если ироны к тому времени еще имели кочевой образ жизни и только-только начинали оседать в районе Алагирского ущелья (о чем мы уже говорили ранее)? А под этнонимом осетин во время путешествия Эвлия Челеби иронов вовсе на Кавказе в рассматриваемый период не было. Их просто не знали как осетин. В силу этого голословное утверждение о том, что здесь жили ироны, не что иное, как нежелание докопаться до сути.

«Нам представляется, – пишет Б.Д. Газиков, – что переселенцы – осетины из Алагирского ущелья во времена Курта, занявшие ущелье Фиак, вообще не основывали никаких селений, а просто заняли уже имевшиеся здесь башни и склепы (ингушских обществ. – Авт.), так как по собственным признаниям осетин, башни и склепы принадлежали народу «царциат, жившему здесь до прихода осетин». Древняя топонимия долины р. Фиак не поддается

этимологии посредством осетинского языка, в том числе это касается и названий древних аулов (Цмити, Лац, Къадат, Къора, ДзивгИис, Гули и др.), но разъясняется при помощи ингушского языка. В урочище Хилак находились башенные селения Колоков, БугИулков, Андков и Гутиков. Основатели этих селений Коло, БугИул, Анд и Гути – ингуши, переселившиеся сюда во времена Курта из нижних селений долины р. Фиак (с. Харискин и др.), видимо, спасавшиеся от врагов, надвигавшихся с севера. Об этом может свидетельствовать заградительная стена в 1,5 км к северу от сел. Гутиков по оси запад – восток с 6-ю башнями на северной стороне» [7, с. 53].

Если говорить про Тагаурское ущелье, то оно ингушами никогда не считалось иронским, ибо оно всегда, с древнейших времен, было подконтрольно ингушским владельцам из рода Дударовых. Подтверждением подконтрольности ингушам Дарьяльского ущелья служит вывод Н.Г. Волковой о том, что сами тагаурские предания не считают его местом давнего обитания осетин [6, с. 127], так как в это время ингуши расселялись на обоих берегах Терека. Говоря здесь о тагаурцах, Н. Г. Волкова имеет ввиду предания именно иронских родов, а не ингушский род Дударовых (впрочем, как, и Цуровых), владевших Тагаурией.

Дополнительный ингушский окрас Дарьяльскому ущелью придает и приводимый В. Пфафом факт о том, что тагаурские алдары и лицом отличались от иронов, что говорит о различной этнической принадлежности алдаров и «низшего» сословия. «У тагаурцев на реках Гизель-доне и Тереке высшее сословие резко отличается в физиономическом отношении от низшего. Последние похожи на куртатинцев (иронов. – Авт.), в высшем же сословии – значительная примесь кабардинской и чеченской (читай: ингушской. – Авт.) крови» [12].

Факты из иронских преданий мы видим и в подтверждении Н.Ф. Яковлева и Платона Зубова. Н.Ф. Яковлев говорит, как он «в обзоре мест поселений ингушей, выпустил сведения о южной границе ингушей, чтобы поговорить о них особо. С. Броневский (1823 г.) указывает, что по Восточно-грузинской дороге кисты

собственные (горские народы название их тоже «галгаи») живут на 30 верст вверх от Владикавказа до Дариела; Платон Зубов (1835) говорит тоже, что «кисты собственные так называемые в числе 1500 душ живут от Казбека до Владикавказа на 40 верст длины» [13, с. 89].

О присутствии на территории Куртатинского, Даргавского, Санибанского и Тагаурского ущелий до иронов ингушского населения пишет и Л.П. Семенов: «Существует осетинское предание, что ингуши некогда жили в Куртатинском и Даргавском ущельях. Под натиском осетин, сражавшихся под предводительством легендарных Тага и Курта, и кабардинцев, надвигавшихся на ингушей с плоскости, последние отступили на восток – сначала в Санибанское ущелье, затем, через Чми, на правый берег Терека. (Записано по рассказу Б. Канукова в Кобанском ущелье (в 1927 г.))» [11, с. 143]. Несомненно, что время данных событий, рассказанных осетинским сказителем – период после ногайско-русско-кабардинского похода на Ингушетию в 1562 году, среди которых были и пришедшие с ними предки современных иронов, бывшие подвластными кабардинцам. Итак, история иронов на Кавказе, во всяком случае, в центральной ее части, начинается только с 1562 г., т.е. с начала второй половины XVI в.

Большинство названий топонимики и гидронимики (особенно в их старых вариантах), сохранившиеся на территории современной Осетии, также подтверждают факт проживания и недавнего исхода ингушей с современной ее территории. Приведем лишь часть из них, этимология которых, на наш взгляд, напрямую связана с ингушским языком.

Вначале необходимо заметить, что слово «дон», который будет встречаться ниже в ингушских названиях гидронимов на территории современной Осетии в значении *река*, иронами добавлено позднее, вместо ингушского «*хи*» (река, вода). Также мы приведем и названия части поселений на территории современной Осетии, этимологически связанные с ингушским языком, где также вторым компонентом выступает «дон», но уже во втором употребляемом в иронском языке значении – «вместилище», «место обита-

ния». Об употреблении этого слова в подобном значении писал Б.А. Алборов в 1928 году [2, с. 415], а также и И.Ю. Алироев [3, с. 70].

Река Шаудон – инг.: «Ша-хи» – ледниковая река.

Река Сардидон – инг.: «Сард-хи» – проклинающая (опасная) река.

Река Гезельдон с одноименным селением Гизель – инг.: «ГПазал-хи» – река радости, но есть и еще одна версия: «къизал» – жестокость (по преданию рядом с этой рекой происходила часть битвы между Тохтамышем и Тимуром, где на стороне первого участвовали аланы-ингуши, которые, по всей вероятности, и называли ее «Къизал-хи» – река жестокости; река (на которой происходила) жестокая (битва).

Река Ламардон с одноименным названием села, инг.: «Ломар-хи» – горная река или река, (вытекающая) из гор; лоам – гора.

Река Урсдон с одноименным названием села – инг.: «Урски» – река-нож; река (как) нож.

Река Ардон – инг.: «Архи» – вытекающая на плоскость; вторая версия от «Аьрд-хи» – бешеная река; «ард-хи» – река (для) пашни («ард» – пашня).

Река Ширау – инг.: «Шиера хи» – широкая.

Река Тагаури (по Вахушти: Тагаурис-цкали) с одноименным названием общества Тагаурия (Тагаур) – инг.: «ТIегIер» – «с возвышенности»; «с высоты». У А. Куркиева Тагаурия названа ТIоагIе и дана ее этимология на инг. яз.: «плодородная долина»..., символ богатства и достатка» [9, с. 305].

Река Керчь с одноименным селом от которого, по одним данным, было образовано и Карца – инг.: «Керч» – катящаяся (крутящаяся). Этимологию Карца можно объяснить от инг.: «КъаьрцIа» – Непобежденный дом (или селение); есть и еще одно объяснение: «карца» – это название навеса для лошадей на ингушском языке.

Река Фиадон – инг.: «Фиегахи» – река (текущая к) простору (воздуху, свободе).

Река Дугурдон (инг. «Дугур-хи» – сердечная река; река (общества) дигорцев (дугурой); река проводник (дугар – проводящая).

Река Фардындон – «Фардын-хи» – река дикого (благодатного, свободного) коня»; «фордан» – морская / принадлежащая / текущая (к) морю.

Река Генал – инг.: «Ганал» – сонная (вялая / тихая).

Сел. Какадур – инг.: Кхоккхадар – то, что по три или (собирающаяся) от трех (источников?); тройной.

Алагир – инг.: «Аьлегар» – (От) реки; вариант: (от) правителя / правящего. Аьли – речка; аьла – владетель, царь, князь, бог.

Сел. Чиора – инг.: «Чура» – внутреннее.

Сел. Махческ – инг.: «Махче» – верхнее поселение; верхнего нутра.

Сел. Науква – инг.: «Новкъа» – на (по) дороге.

Сел. Ахсерг – инг. «Ахцерг» – половина скалы (зуба); половина прута.

Сел. Каратиша – инг.: «Карташ» – (дворы) огороженное.

Сел. Чиколла – инг.: «Чу-кIала» – внутри-ниже.

Сел. Гуларе – инг.: «Гул аре» – сборное место.

Сел. Садон – инг.: «са-хи» – река души, мощи, рассвета.

Сел. Квара // Коора – инг.: «Коара» – внутридворное (селение) или от двора.

Сел. Зрого – инг.: «ЗIирг» – росток (или молодой населенный пункт). Употребляется и как имя собственное у ингушей «ЗIирг» в значении всезнающий.

Сел. Барзикау – инг.: «Борзков» – «двор (поселение) волков, «борз» – инг. волк, часто выступает в роли собственного имени у ингушей и поэтому может означать Селение Борза (человека).

Сел. Харишкин // Харисчин – инг.: «хьайришк» – у мельниц, к мельницам.

Сел. Фартиг // Фуртиг – инг.: «фурт» – род, потомство, «-иг» выступает в инг. яз., как суффикс уменьшения, означает небольшой род.

Сел. Гизи – инг.: «гиз» – паук большой; второй вариант: «ги» – на плечи, «зе» – наблюдать (возможно в значении «наблюдать возвышенность»); есть также у ингушей и имена собств.: «ГIизи», «Гиси».

Сел. Хикус – инг.: «Хи-кIус» – водяной ковер; гладкая вода.

Сел. Лади – инг.: «Лоа-даш» – снеготаяние, лоа – снег, даш – тает.

Сел. Талаков – инг.: «Тола-ков» – 1. От «тол» – землянка и «ков» – двор, поселение; 2. От «тола» – побеждать и «ков» двор. Двор – победитель.

Сел. Куртат – инг.: «Корта-тIа» – над (или на) вершине.

Сел. Даллагкау – инг.: «Доала-ков» – двор двала. Доал – владение / представитель ингушского общества двалов. «Владельческое селение» или «Селение двала»; или от имени собст. «Дол», образованного из этнонима двал (среди ингушей есть и род Доловых).

Сел. Хакун – инг.: «Ха-охрана, «го» – круг, «-н»-в инг. яз. суфф. род. пад., указывающий на принадлежность в значении «Охрана круга (округи)», или «ха ковн» – охрана поселения / двора.

Сел. Калотыкау – инг.: «КIал-тIа-ков» – «селение снизу вверх» (или «и внизу и вверх»); есть и старинное ингушское имя собств. Коло – поселение / владение Коло.

Сел. Гутыатыкау – инг.: «Гув-тIа-ков» – «селение на холме».

Сел. Ацонаг – инг.: «Iа-цIа-наг» – «Iа» – зима; «цIа» – дом; «наг», «нг» – показатель уменьшения в значении «Зимний домик».

Сел. Хилак – инг.: «Хи-лакъ» – (где) обрывается (перестает течь) река (вода).

Сел. Хинашка – инг.: «Хинашка» – у речек / к речушкам.

Сел. Урикау – инг.: «ур» – стоять в значении «Ура-ков» – стоящий двор.

Сел. Ноаккау – инг.: «Накъ-ков» – придорожное поселение (двор).

Сел. Даргавс – араб.: «Дар-гIавс» – «город помощи» (дар – где есть / имеется, гIо – помощь), или же гIов – хребет горный в значении (где находится) горный хребет.

Сел. Кобань – инг.: «къуб» – мавзолей, «н» суффикс род.п. – Къобан в значении селения мавзолея (поселение, где мавзолей), которое нередко употребляет старшее поколение.

Сел. Джимара – инг.: «Джим-ара» – «(на) маленьком поле» («джим» / «зIам» – маленькое).

Сел. Абчаус – инг.: 1. от «Іаба» – насытиться (в таком случае в значении сытное или имеющее довольствие селение); 2. «Іаб» – имя собств (напр.: «Іабе-гув» – курган Іаба у с. Насыр-Корт) «че» – нутро, внутренность, «с» – топонимический суффикс (возможен вариант и «са» – мощь). «Внутренние (владения) Іаба, где «Іаб» выступает как лицо со старинным ингушским именем.

Сел. Колгон – инг.: «КІалгон» – от «КІала» – низ, «гу» – гора, (холм) в значении под горой (холмом), «н» суфф. принадлежности род.п. в инг. яз. – в значении (селение) «нижнего круга».

Сел. Воласих // Уаласих – инг.: «Воласих» – быстро являющийся / приходящий.

Сел. Фиаг – инг.: «Фега» – на (к) воздуху, ветру (свободе, к плоскости).

Сел. Цамат – инг.: «ЦІа-мат» – место жилища / дома (селения, крепости).

Сел. Дагом – инг.: «Догам» – узор.

Сел. Луар – инг.: «Лоар» – из (от) снега, где «лоа» – снег; «р» – в значении от.

Сел. Цей – инг.: «Цей» – праздник, место празднеств, Цейское ущелье – по преданиям, общее для всех ингушских обществ место проведения общенародных празднеств. На территории современной Ингушетии есть гора Цей-лоам в значении «Гора празднеств».

Сел. Тменикау – инг.: Теми-н-ков – селение (принадлежащее) Теми, «н» – суффикс принадлежности род.п. в инг. яз. Теми – распространенное старинное имя собств. у ингушей.

Общество *Двалетия // Туалетия* – инг.: «Доала-тІе» – место власти, владения; «доал» – владение (власть), «тІе» – топоформант в инг. яз. в значении плоскости, места; двалы (инг.: доало, мн.ч. доал-ой) – владельцы, владеющие.

Район *Магран-Двалети* – инг.: состоит из двух частей «МагІа-ра» – верхняя, и «ДуалатІе» – владения.

Район *Турсо* – инг.: «ТІер-соа» – «Верхнее плато».

Район *Кударо* – инг.: «КъотІа-ра» – «къотІа» – незаконно-рожденный, внебрачный, в значении от внебрачного (незаконно-рожденного).

Кардиусар – инг.: «Керда-отар» – новое поселение (навес); возможен и вариант овсар – много / благодатно.

Ущелье *Арджинараг* рядом с Эльхотово – инг.: «АргIа-наIар» – «Ворота Хребта» (в ингушском языке само слово «аргIа» означает хребет, этим же словом – «АргIа» – ингуши обозначают Сунженский хребет); известно, что слово «Эльхотово» (инг.: ЙоалхатIе) обозначает Сторожевое место сбора пошлины – это урочище, входящее в ущелье «АргIа-наIар», по которому проходили торговые караваны. Как вариант «Iаьржа наIарг» – «У Черных ворот». Iаьржа – черный.

Хотя иронские историки и объясняют имя «небожителя» *Мыкалгабырта* как объединение имен архангелов Михаила и Гавриила [5, с. 171–172], мы в этом видим совсем другие две основы: в первой, «*мыкал*», показан древнейший ингушский этноним «*махал*» (которым и сегодня ингушей называют ироны – «мак-хал-он»; «Мах» – солнце), а вторая основа – «*габырта*» – также является этнонимом, и приводится в иронском языке точно также, как ингуши называют сегодня кабардинцев – *гIабарт*о (кабардинец). Таким образом, *Мыкалгабырта* – имя так называемого «небожителя» иронов, этимологически связано с ингушским языком. По версии М.М. Блиева и Р.С. Бзарова, он является «покровителем аланских царей и «воинского» колена Царазонта-Агузата». [5, с. 171–172]. В таком случае, по нашему мнению, первая основа – «макал»-махал, это не что иное, как династия царей ингушей-алан, заимствованная кочевыми ираноязычными племенными группами у ингушей-автохтонов, впоследствии возвеличенных иронами. Вторая же основа, «габарт» – кабардинец, по всей вероятности, была добавлена позже, уже после того, как ироны стали зависимыми от кабардинцев.

Этимология имени *Хетаг* также связана с ингушским языком: «хи» – «ствол дерева», «таг», «стаг», «саг» – в нахских языках имеет значение «человек». Хетаг – не кто иной, как «человек ствола (дерева, рощи, леса)»; лесной человек / человек дерева.

Есть в иронском пантеоне и имя бога-кузнеца *Курдалагон*. Это слово состоит из трех корней: «кIур» – в значении дым от огня,

«дабля» – бог и «гон» – «молот». Имя Курдалагона («Курдаблагон») переводится с ингушского языка, как «Молот бога дыма», что вполне соответствует роли, отводимой ему иронами в своей религиозной традиции. Возможен и вариант «кур» – гордый, рога.

Интересно, что приводимое в исследовании Ю.Ю. Карпова иронское слово «ком», обозначающее «совокупность...» («небольших патронимических») поселков в пределах одного ущелья», которая «составляет общину» [8, с. 135], связано этимологически также с ингушским языком в значении «къам» – «общество», «племя», «народ».

Таким образом, данные топонимики и гидронимики на современной территории Осетии относятся к ингушской лексике. Лишь небольшая часть приведенных лингвистических примеров, как и свидетельства по антропологии, археологии, а также народные предания самих осетин, говорят о прищлости иронского элемента на Кавказ. Осетины, как и аланы, неправильное название, закрепившееся за иронами (самоназвание современных осетин). Ибо под осетинами (осы-овсы-овсеты-осетины) и аланами в историческом прошлом подразумевались не они, а другие автохтонные народы Северного Кавказа – балкарцы, ингуши, дигорцы, караеавцы.

Литература

1. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.–Л., 1949.
2. *Алборов Б.А.* Ингушское «гальерды» и осетинское «Аларды» // Известия ИНИИК. Вып. 1. Владикавказ, 1928.
3. *Алироев И.Ю.* История и культура чеченцев и ингушей. Грозный, 1994.
4. *Арсанукаев Р.* Вайнахи и аланы. Аланы в раннесредневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1984.
5. *Блиев М.М., Бзаров Р.С.* История Осетии с древнейших времен до конца XIX в. Владикавказ, 2000.
6. *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974.
7. *Газиков Б.Д.* Взгляд в прошлое. Назрань, 2002.

8. *Карнов Ю.Ю.* Традиционные горско-кавказские общества: к проблеме особенностей функционирования в свете истории интерпретаций // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире. СПб., 2010.
9. *Куркиев А.* Тлоахбаь-Ерда. Интерпретация названия храма Тхаба-Ерды // Ахриев Ч.Э. Избранное. (Сост. А.У. Мальсагов). Назрань, 2000.
10. *Наглер А.О., Чипирова Л.А.* К вопросу о развитии хозяйственных типов в древних обществах // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985.
11. *Семенов Л.П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1925–1927 гг. // Многоликая Ингушетия. СПб., 1999.
12. Этнологические исследования об осетинах д-ра В. Пфафа // Сборник сведений о Кавказе. Т.2. Тифлис, 1872.
13. *Яковлев, Н.* Ингуши и переживания родового быта среди них // Газиков Б.Д. Сборник сведений об ингушах. Назрань, 2009.

КУРХАРС – ГОЛОВНОЙ УБОР ИНГУШСКИХ ЖЕНЩИН ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Одним из древних элементов традиционного костюма, в котором это единство выражено особенно наглядно, является женский головной убор. Довольно сложен вопрос о женской шапке, бытовавшей недавно у ингушей под названием «курхарс». Курхарс – оригинальный традиционный женский головной убор ингушей, известен он на Кавказе только в горной Ингушетии. Бывший головной убор ингушских женщин представляет до сих пор загадку для этнографов, археологов и лингвистов. «Курхарсы» были атрибутом парадной, выходной одежды ингушских девушек и надевались во время праздников и «выхода в свет». Они изготавливались из красного войлока в виде конька с изогнутым вперед и раздвоенным – «хохолком»¹.

Понятие «курхарс» буквально означает накидку на голову, прикрывающую женскую прическу. Словосочетание «курхарс», по всей видимости, является сложным словом, состоящим из слова «кур» – чуб, хохол, прическа. Это может быть и клубок волос, собранных на затылке или на лбу, оленьи рога. Второе слово «харс» является эмоциональным междометным выражением, сопровождающим процесс резания. Единого мнения о происхождении слова «курхарс» нет. Одни считают, что это сочетание ингушских слов «кур» – гордость, и «харсаиш» – шелковая бахрома. По мнению других, «кур» означает локон, прическу женщины, а «хьарса» – «посыпать, прикрывать». Третьи переводят «курхарс» с ингушского как «оранжевый рог», «свет солнца».

В погребениях некоторых женщин археологами найдены наборы позолоченных серебряных поясов, различного рода украшения, рубахи из шелковой материи, головные уборы *курхарс* и др., а также рубахи из грубой дмотканой материи и украшения из железа и бронзы².

Курхарс встречался в ингушских захоронениях начиная с XV в., а впервые этот женский головной убор упомянут в 30-е гг. XVII в., т.е. в 1638 году в статейном списке русских послов, описывающих свой маршрут через ингушские земли в Грузию, направляясь в Грузию³. Послы русского царя Алексея Михайловича, направлявшиеся в Грузию, проезжая через ингушские земли, удивленные особенностями жилищ и одежды ингушей, писали в своих путевых заметках о том, что «дома у них каменные, выстроены в горах; мужчины одеты по-черкасски, а женщины носят некие «рога» на головах в пол-аршина»⁴.

Исследователями «курхарс» рассматривается в исторической и культурной взаимосвязи с женским головным убором древних фригийцев, так называемым «фригийским колпаком»⁵. В своих исследованиях «курхарс» упоминают Ю. Клапрот⁶, Генко А.Н.⁷, Семенов Л.П.⁸, Крупнов Е.И.⁹ В статьях Л.П. Семенова он называется «курхарс» и «чугул». На самом деле речь, видимо, идет о двух головных уборах: более древнем «двурогом» курхарсе, восходящем к хуррито-хеттскому периоду, и более позднем «однорогом» чугуле, схожем с «фригийским колпаком».

Первым обнаружил этот головной убор в наземных склепах Л.П. Семенов, работавший в горной Ингушетии в 1925–1932 гг. Он дал его описание и выяснил старинное название головного убора – курхарс. Л.П. Семенов сделал первую попытку связать «курхарс» с головным убором, получившим распространение в Греции и затем получивший отражение в античных памятниках.

Л.П. Семенов ссылается также на сведения Ю. Клапрота, опубликованные в его труде «Путешествие по горам Кавказа и Грузии» в 1823 году. Ю. Клапрот пишет, что такого рода головной убор как «курсарс» он видел только у ингушских женщин, и он составляет их характерную черту. Он по форме напоминает рога серны, но согнутые наперед. Этот головной убор обыкновенно сделан из коры березы и покрыт сукном или шелком, имеет в ширину около двух больших пальцев, в высоту семь пальцев; украшен гирляндами¹⁰. Слово «Чугул» / «Чугал», сообщаемое Ю. Клапротом, на ингушском языке означает – петушиный гребень.

Описывая внешние характеристики «чугула» Ю. Клапрот писал в 1823 году: «Женщины Митцала носят шапочку, верх которой имеет форму рога серны, но который загибается вперед. Этот рог делается обычно из свернутой коры березы и покрывается снаружи холстом или шелком: она имеет около двух дюймов ширины и семь высоты: загибающаяся часть повернута в сторону лба; внизу к ней пришта лента шириной в несколько дюймов, которая прикрепляется в теменной части кораллом; эта шапочка называется «чугул»»¹¹.

По форме единственного «рога», загнутого вперед, «чугул» как раз и перекликается с фригийским колпаком. Его упрощенные формы (треугольный конец вместо более сложного «рога») обнаруживаются до сих пор археологами по всей горной Ингушетии. Как отмечает Е.И. Крупнов, подобные женские головные уборы носились в прошлом только у ингушских женщин и в соседних районах замечены не были¹². Эта «рогатая» шапочка входила в число трех основных особенностей, отличавших ингушей от других северо-кавказских народов. Об этом же Е.И. Крупнов писал в 1939 году, отмечая, что являются «типично ингушскими» – элегантные башни со ступенчатой крышей, а также праздничный колпак «курхарс» и височные подвески¹³. По описанию он совпадает с курхарсом, многократно зафиксированным у ингушей и считающимся характерным для них этническим признаком.

Необходимо заметить, что «курхарс» со своими двумя суживающимися к верху и заворачивающимися вперед «рогами» отличался элегантностью. Он шился из тонкого фетра, покрытого снаружи красной шелковой материей, и украшался перекрещивающимися ленточками. У основания «рогов» крепилась круглая бляха из серебра. Внизу затылочной части пришивался лоскут другого цвета (голубого, золотистого и др.).

Л.П. Семенов считает, что «курхарс» носился ингушками и его образ восходит к местным культурным реалиям с начала XVII в., до начала XIX в.¹⁴. Семенов упоминает, что археологическая экспедиция Ингушского научно-исследовательского института в процессе работ, производившихся в нагорной полосе Ингушетии

с конца 20-х годов (1929 г.) и вплоть до 1941 г. включительно под его руководством, находила курхарс в подземных склепах/солнечных могильниках башенных поселений Мецхал, Арзи, Морч, Кяхк, Хамхи, Цори и др. Кроме того, в каменно-ящичных захоронениях IX–XII веков были отмечены следы истлевших курхарсов. Есть даже утверждения, что курхарсы, найденные в Ассиновском ущелье Ингушетии, относятся к IV веку до нашей эры. Судя по археологическим материалам, ингушки носили этот головной убор до начала XIX века¹⁵. Однако, согласно устной традиции, женщины-горянки продолжали носить его во время религиозных праздников до конца XIX века. Незамужние девушки одевали круглую шапочку того же цвета, но с плоским верхом, которая до сих пор, является обязательным атрибутом одежды ингушской невесты. Надевался этот головной убор на голову так, чтобы конец приходился на лицевую сторону. Под коньком пришита тонкая круглая выпуклая, серебряная бляха от 3 до 5 см в диаметре¹⁶.

Он также пишет, что жрецы Реи Кибелы – «великой матери» в самой Фригии назывались корибантами, когда на Крите они назывались – куретали¹⁷. Рее Кибеле были посвящены «лев» и «дуб» и изображалась она обыкновенно в короне из степных зубцов на голове¹⁸. Интересным является тот факт, что, во-первых, листья дуба, посвященные фригийской богине Рее Кибеле, а также ее корона, как и некоторые предметы, определяемые ингушским словом «кур» (первая часть слова «курхарс») и названием «чугул» (хохол), записанным и сохраненным Ю. Клапротом для истории, имеют разветвленные концы и зубцы (например, рога, особенно оленьи рога, петушинный гребень).

Во-вторых, все предметы, обозначаемые ингушским словом «кур», тоже относятся к голове, к возвышенному предмету.

В-третьих, оба названия женской шапки, «курхарс» и «чугул» (петушинный гребень), имеют родство с названиями предметов, связанных с головой.

В-четвертых, «харс» из сложного слова «курхарс» употребляется как выражение чувства не только при процессе резания. Слово «харс» применяется иногда при глаголах проткнуть, воткнуть,

или пробить острым предметом (рогом, штыком, зубцом, ножом и т.д.). Следовательно, это выражение может относиться и к зубцам, находящимся на короне Реи Кибели.

В-пятых, интересно и то, что «*курхарс*», сравниваемый с короной, имеющей грубые зубцы, напоминающие не нежную женственность, а скорее колючие военные предметы, сохранился у ингушской части населения – известных «стражников» кавказских ворот.

В-шестых, «во многих словарях иностранных слов термин «фригийский колпак» разъясняется по традиции следующим образом: головной убор, чаще всего красного цвета, который в древней Греции и Риме носили освобожденные рабы; отсюда убор этот получил значение символа свободы; в качестве такового его носили во время французской буржуазной революции XVIII века санкюлоты, якобинцы»¹⁹. В наше время слово «*кур*» у ингушей чаще всего употребляется в отношении прически. Слово «*кура*» переводится как «гордый». По всей вероятности, только часть колпака – «*рожок*» – «*чугал*», а сам колпак назывался «*курхарс*».

Богатая отделка и орнамент курхарсов: вышивка, крапление, ленточки, шелковые ставки, красочные ткани, серебряная // бронзовая бляха дополнялись весьма существенным, также уникальным украшением – височными кольцами. «Височные кольца бывают бронзовые, серебряные и из сплава (биллоновые), они обычно штампованные, иногда литые. Состоят они из пластинчатой или проволоочной дуги для прикрепления к головному убору или к волосам. Нередко они вдевались в мочку уха...»²⁰.

Далее автор отмечает: «При обследовании нетронутого женского погребения в колодообразном гробу (в наземном склепе сел. Горак) в 1929 г. нами было отмечено, что подобный головной убор был положен под голову погребенной. Судя по приведенным данным, «курхарс» носился ингушскими женщинами, по крайней мере, с начала XVII в. до начала XIX в.». В результате данных экспедиций «курхарсы» были найдены также в надземных склепах поселения Мецхал, в склепах от Эрзи до селения Морч, в селении Кяхк, в Хамхи, а также от Таргима до Цори, т.е. во всей нагорной

полосе Ингушии²¹. «Курхарсы» были изготовлены с применением золотого и серебряного шитья и использованием различных материалов: войлока, кожи, бисера, бусин, раковин, серебряных блях.

Большая коллекция «курхарсов» была собрана археологами из башнеобразного двухэтажного склепа позднего Средневековья в селении Пялинг. Находки поразили ученых не только своей многочисленностью, но и богатой отделкой²². Специальным орнаментом вышивались женские головные уборы «курхарсы», на них изображалась криволинейная свастика, спираль, звезды, месяц, антропоморфные изображения в позе адорации.

Описание орнаментов на курхарсах из средневековых погребений произвел Д.Ю. Чахкиев. Как свидетельствует автор, курхарсы были богато орнаментированы и украшены пряжками и атласными лентами. Найденные курхарсы имели преимущественно коричневый и красный цвета. При изготовлении головного убора за основу, как правило, брался войлок, береста, реже – кожа. При вышивке чаще всего использовался пышный растительный орнамент, реже – геометрический. Курхарсы были с лопастями и без лопастей, с ленточками для закрепления их на шее без них. Еще украшали подобными серебряными бляхами и атласными и шелковыми ленточками²³. «Умело изготовленные ингушскими мастерами с использованием местных и завозных тканей, в том числе и очень дорогих, таких, как шелк, атлас, бархат, парча и др., курхарсы являлись очень важным атрибутом ингушского женского костюма»²⁴. Детальный анализ характеристик и ареала распространения этого своеобразного головного убора, лимитированного пределами горной Ингушетии, позволил Л.П. Семенову сравнить его с фригийским колпаком²⁵.

Выдвинутая Е.М. Шиллингом., А.А. Захаровым., Л.П. Семеновым и другими исследователями гипотеза о возможных связях, некогда существовавших между предками ингушей и древними народами Месопотамии и Анатолии (Фригии), получает дальнейшее развитие. Новое поколение исследователей (историков, археологов, лингвистов) смогли установить, что ингуши являются, как

и другие автохтонные народы Северного Кавказа, прямыми потомками древней цивилизации, называемой «кобанской археологической культурой». Переведенные недавно хуррито-хеттские тексты (Emmanuel Laroche, Rent Lebrum) позволяют углубить их диахронию вплоть до эпохи существования хуррито-хеттских государств.

Известно теперь, что предки ингушей проживали как на северных, так и на южных склонах Кавказа, а также в Предкавказье. Благодаря древнеармянским письменным источникам появилась возможность проследить, как проходило движение с юга на Северный Кавказ предков ингушей, принесших с собой культ богини-матери Тушоли.

По всей видимости, двурогий курхарс, символ богини-матери, был занесен на Кавказ гаргарами, гелами и другими древнегалгaisкими племенами. Ибо он обнаруживается в большом количестве в горной Ингушетии, там, где проживали общества гIалгIай и гелатхой. Круглая серебряная бляха, пришитая у основания «рогов» курхарса, являлась эмблемой луны: серебро ассоциировалось с луной («*дато бут*» – *серебряный месяц*) и почиталось у ингушей, больше, чем золото. Мать-Луна, украшенная «рогами», предстает как мать-корова. В связи с этим, Мирцея Элиад пишет тоже, что «рога крупнорогатых животных являются эмблемой Великой Матери»²⁶. Луна, в свою очередь, ассоциировалась с Землей, с текущей Водой. «Все, что находится в связи с плодovitостью (и плодородием) представляется так или иначе широкой схемой: Луна-Вода-Женщина-Земля»²⁷.

Известный исследователь Е.И. Крупнов отметил в своей работе, что «типично ингушскими» являются элегантные башни со ступенчатой крышей, праздничный «*курхарс*» и височные подвески, и эти особенности не были отмечены больше нигде на Кавказе»²⁸. В другом своем труде он также подтверждает, что ингушские женщины носили высокие головные уборы – «*курхарс*», которые изготовлены из войлока красного цвета или суконной материи. Они считались праздничными. Этот богатый головной убор носился только состоятельными женщинами. Носили также различного вида серебряные, медные и чугунные украшения»²⁹.

Мнение Е.И. Крупнова, что курхарс имели только богатые женщины, спорно. При сохранении характерной рогообразной формы они могли быть более простыми по отделке. Иначе вряд ли единичные курхарсы могли быть, как указано ранее, особенно отмечены в статейном списке русского посольства XVII века. В.Б. Виноградов, Б.Б.-А. Абдулвахабова и Д.Ю. Чахкиев в своем исследовании опираются на значительный вещевой материал (более 40 экз.), приводят фотографии, рисунки и обширную библиографию. Авторы анализируют термин курхарс, высказывают ценные суждения о его генезисе, о связях с другими народами³⁰.

Значительный интерес представляет терминология женских головных уборов народов Северного Кавказа, в особенности замужних женщин. Приводимый Ю. Клапротом термин «богтак», возможно, связан с ингушским словом «бугI» – «бык-производитель»³¹. Многие информаторы в Кабарде называли узел головного платка замужних женщин, завязываемый на темени, «бжьакъуэ» (рог)³².

Е.И. Крупнов также замечает, что в своих истоках «курхарс» восходит к эпохе кобанской культуры. Подобные бляхи, имеющие на курхарсе, встречают точные аналоги в гораздо более древних слоях Нестеревского, Лугового поселений, датированных археологами VI–IV веками до нашей эры. Головной убор ингушек фиксируется в склепах XV–XVII вв. в селениях Эрзи, Эгикал, Горак, Фалхан, Мец-хал, а также в 70-х годах XVIII в. Гюльденштедтом³³.

Памятник скифского времени (VI–V вв. до нашей эры), обнаруженный в Ингушетии у селения Мужичи, «содержал ряд особенностей в погребальном обряде и инвентаре, обычно не свойственных другим синхронным памятникам Северного Кавказа. На теменной кости найдена бронзовая двувальная бляха с обычным орнаментом в виде свастики, а на ней бронзовые спиральники»³⁴.

Описание ингушского женского головного убора мы находим у академика Ю. Клапрота: «... их головной убор состоит из черкесской шляпки, медных или стеклянных серег»³⁵. О курхарсах и другом названии этого головного убора «чугул (чIугал)» – «гребень» Е.И. Крупнов отмечает что, «древний головной убор в виде

гребешка из Нестеровского могильника (Ингушетия), датируемый V в. до н.э., возможно, является прародителем средневекового курхарса³⁶.

Существовало несколько видов ингушских курхарсов. Один из видов изготовлялся так, что верхняя часть головного убора, состоящая из «рожка», была мягкой и легко откидывалась назад. Спереди она фиксировалась с помощью броши. Рожок этот в самом конце был утяжелен вшитым бронзовым набалдашником³⁷. Второй вид имел твердую высокую основу из войлока или бересты, обтянутой тканью, образующую впереди рожок. Бытовали также курхарсы с раздваивающимся рожком³⁸. По мнению исследователя М.М. Базоркина, «курхарсы с раздваивающимся рожком более ранняя форма курхарсов, которая претерпела сильную стилизацию, в результате которой из пары рогов сделался один, но «с раздвоением, указывающим на первоначальную парность концов обоих рогов»³⁹.

Рогатые головные уборы замужних женщин встречались и у других народов, например, у русских – кичка рогатая, которую также носили только замужние женщины⁴⁰. Рога, петушиные гребни, по-видимому, связаны с древними магическими представлениями. Весьма важным для этнографа показателем является различие между головным убором девушки и замужней женщины. Однако используемые нами источники почти не дают материалов для этих суждений. Один из авторов конца XVIII века сообщает: «Девушка с замужними (у адыгов) не имеет различия в одежде, но только головной убор их различает, ибо девушки носят шапки и по замужестве, доколе не родит, не должны снимать оную, а по рождении первого младенца в первый раз от самого рождения отец новобрачного увидит и сына своего, и невестку; тут, увидясь, снимает он шапку с головы невестки и сына дарит скотом, и что по состоянию каждого возможно»⁴¹.

Смена девичьего головного убора на женский существовала и у других народов Северного Кавказа. Вплоть до конца XIX в. у карачаевцев первые роды происходили не в доме мужа, а в доме родителей новобрачной, куда она уходила за месяц – два

до родов. Через один – два месяца после родов она возвращалась в дом мужа с подарками для свекра и свекрови. «Обычай этот назывался Баш байлаб къайтыу (возвращение с повязанной головой)»⁴².

Наименование обычая возвращения указывает на особое значение, которое придавали смене головного убора. Изменение головного убора после рождения первого ребенка – явление крайне архаичное. Оно отмечало фактический переход женщины в разряд матерей. В более позднее время у многих народов, в частности у русских, головной убор девушки меняли на женский после венчания или перед ним, что свидетельствует о забвении древнего смысла обряда.

У ингушей в XVIII – первой половине XIX в. (а в ряде случаев и позднее) различия в формах девичьего и женского головного убора прослеживаются не так четко, но в основе всегда лежал единый принцип – волосы замужней женщины не должны быть видны.

Наряду с курхарсом в склепах часто встречались и платки, к которым иногда были пришиты типичные для ингушей височные кольца с лопастями⁴³. В.И. Марковин упоминает также, что подвески с лопастями «пришивались к волосяному мешку (т.е. к мешку для волос – чухте), в который женщины прятали косы»⁴⁴. Так, в ингушской народной песне встречаются слова: «На голову белое надевши, ноги красно обувши, из всех вышедших (так замуж) ты будь счастливее всех»⁴⁵.

Таким образом, головные уборы ингушских женщин в XVII – первой половине XIX вв. были весьма разнообразны по материалу и форме. В них довольно четко выражено этническое своеобразие при наличии влияний и заимствований. В отдельных случаях можно проследить развитие той или иной формы. Во второй половине XIX века более ранние формы головных уборов исчезают бесследно.

Литература

1. Долгиева М.Б., Картоев М.М., Кодзоев Н.Д., Матиев Т.Х. История Ингушетии. 3-е изд. Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2012. С. 151.
2. Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М. Бамутский курганный могильник XIV–XVI вв. // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. С. 224.
3. Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // ЗКВ при азиатском музее АН СССР. Л., 1930. Т. V. С. 731.
4. Семенов Л.П. Фригийские мотивы в древней ингушской культуре. Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Т. 1. Вып. 1. История. Грозный, 1959. С. 197–219; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М.: Наука, 1974. 276 с. С. 148. Курхарс имеется в коллекциях музеев: ГМЭ, № 6191-11; ЧИРКМ, № ОС4302.
5. Семенов Л.П. Фригийские мотивы в древней ингушской культуре // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Грозный, 1959. Т. 1. С. 197–219.
6. *Klaproth*. Voyage au mont Caucase et en Georgie. Paris. MD CCCXXIII. Т. II. 247.
7. Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Л., 1930. Т. V. С. 731.
8. Семенов Л.П. Фригийские мотивы в древней ингушской культуре // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Грозный, 1959. Т. 1. С. 157–158.
9. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 93–94.
10. Семенов Л.П. Указ. соч. С. 197–219.
11. *Klaproth* Ю. Путешествие по горам Кавказа и Грузии. Лейпциг, 1878. С. 247.
12. Крупнов Е.И. Указ. соч. С. 102.
13. Крупнов Е.И. Указ. соч. 1971. С. 85.
14. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг. Грозный, 1963. С. 109.
15. Семенов Л.П. Указ. соч. С. 157–158.

16. *Крупнов Е.И.* О чем говорят памятники материальной культуры ЧИАССР. Грозный, 1967. С. 88.
17. «Кур-а» по вайнахски «гордый», а «кор» из слова «корибанты» (жрецы) – окно. Определенной связи между этими словами мы пока не находили.
18. *Семенов Л.П.* Указ. соч. С. 208. Краткий словарь мифологии и древностей. Под ред. М. Корша. СПб., 1894. С. 170. Мифологический словарь. Под ред. Г.А. Стратановского. Л., 1959. С. 170.
19. *Семенов Л.П.* Указ. соч. С. 200.
20. *Крупнов Е.И.* Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 102.
21. *Семенов Л.П.* Фригийские мотивы в древней ингушской культуре // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Грозный, 1959. Т. 1. С. 197–219.
22. *Чахкиев Д.Ю.* Башнеобразный склеп в селении Пялинг // Новое в археологии и этнографии Ингушетии. Нальчик, 1998. С. 64.
23. *Чахкиев Д.Ю.* Указ. соч. С. 64.
24. *Чахкиев Д.Ю.* Указ. соч. С. 64.
25. *Гарсаев Л.М., Гарсаева М.М., Шаипова Т.С.* Чухта – женский головной убор мусульманок Кавказа (по материалам Чечни и Ингушетии) // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 115.
26. *Студенецкая Е.Н.* Одежда чеченцев и ингушей в XIX–XX вв. // Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985. С. 146.
27. *Студенецкая Е.Н.* Указ. соч. С. 88.
28. *Крупнов Е.И.* К истории Ингушии // Вестник древней истории. № 2. 1939. С. 77–90.
29. *Крупнов Е.И.* Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 94.
30. *Семенов Л.П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии. С. 17–18; Он же. Склеп с фресками в ингушском селении Эгикал // ИЧИНИИ. 1960. Вып. 1. Т. 2. С. 53; *Крупнов Е.И.* Средневековая Ингушетия. С. 94, 165; *Виноградов В.Б., Абдулвахабов Б.Б.-А., Чахкиев Д.Ю.* «Солнечный гребень» ингушских женщин.
31. Осетинско-русский словарь. Орджоникидзе, 1970. С. 173, 402.
32. Кабардино-русский словарь. М., 1957. С. 29; Русско-адыгейский словарь. М., 1960. С. 799.

33. *Клапрот* Ю. Путешествие по горам Кавказа и Грузии. Лейпциг, 1878. С. 661.
34. Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. С. 139, 164, 167, 205.
35. *Клапрот* Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807–1808 гг. Нальчик, 2008. С. 272.
36. *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 72–74.
37. *Тариева Л.У.* Полевые материалы.
38. *Семенов Л.И.* Фригийские мотивы в древней ингушской культуре // Известия Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы. Вып. I. Том I. Грозный, 1959. С. 213. Алироев И.Ю. Название одежды в нахских языках // Вопросы филологии. Вып. 33. № 16. Грозный, 1970. С. 70.
39. *Базоркин М.М.* Промхождение ингушей. Нальчик, 2002. С. 252–253. Дзаурова Т.А.-Х. Ингушский национальный орнамент. ГалгIай къаман гIарчош. М., 2019. С. 156–158.
40. *Зеленин Д.К.* Женские головные уборы восточных (русских) славян // *Slavia*. 1926, V № 2; Гаген-Торн Н.И. Магическое значение волос и головных уборов в свадебных обрядах Восточной Европы // СЭ. 1933. № 5–6. С. 76–88; Лебедева Н.И., Маслова Г.С. Русская крестьянская одежда XIX – начала XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967. С. 227–229.
41. *Бурнашев С.Д.* Описание горских народов. Тип. Курского приказа общественного призрения. Курск, 1794. 20 с.
42. *Шаманов И.М.* Обряды и поверья карачаевцев, связанные с рождением ребенка (XIX – начало XX в.) // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1980. С. 81.
43. *Семенов Л.П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии. С. 108, 111.
44. *Марковин В.И.* В стране вайнахов. М., 1969. С. 17.
45. *Далгат Б.* Материалы по обычному праву ингушей. Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Вып. 2–3. Владикавказ, 1930. С. 330.

**Г.Н. Гасанов,
З.А. Кафарова,
Э.А. Магеррамов**
(г. Баку, Азербайджан)

ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ДЕРЕВНЕ В 20-е ГОДЫ XX ВЕКА

Руководство советского Азербайджана уделяло большое внимание восстановлению зерновых. Для этого нужно было первым делом обеспечить трудящееся крестьянство пахотной землей, рабочим скотом, семенами, сельскохозяйственной техникой, сельскохозяйственными кредитами, поливной водой и т.д.

После установления советской власти в Азербайджанской Республике, 5 мая 1920 г. Азревком издал декрет о земле, в котором говорилось: «Вся земля ханов, беков, помещиков, а также все монастырские, церковные, вакуфные и мечетские земли со всем живым и мертвым инвентарем немедленно передаются без выкупа (явного или скрытого) на началах уравнительного землепользования» [СУ Азербайджанской ССР, 1920, №1, ст. 3, с. 8; Государственный Архив Азербайджанской Республики, ф. 271, оп. 1, д. 1, л. 53] трудовому народу. Вопросы, связанные с ликвидацией помещичьего землевладения в Азербайджанской ССР, были изучены А. Рагимовым [Rəhimov Ə. 1920-ci ildə Azərbaycanın mülkədar topraq sahibliyiinin ləğvi. Bakı: 1962]. Однако в указанной монографии исследование проблемы ограничивается в соответствии с конкретной задачей, только 1920 годом, т.е. не затрагиваются вопросы дальнейшего землеустройства. В данной работе фрагментарно рассматриваются некоторые проблемы землеустройства.

Трудовое крестьянство Азербайджанской ССР, по данным НК-Зема республики, в течение 1920–1921 гг. получило 1.382.947 десятин беко-ханской земли [Rəhimov Ə., s. 199]. Земля крестьянам передавалась вообще, а ее поименное распределение по меркам землемеров продолжалась довольно долго. Например, в статье

«Очередные задачи по земельным вопросам» Ибрафила Ибрагимова говорится, что к ноябрю 1923 г. крестьянам на общих основаниях были переданы земли площадью в 1.988.112 дес. [Коммунист, 1923, 16 ноября]. Непосредственно у беков и ханов были конфискованы земли площадью в 951.567 дес. [Коммунист, 1923, 16 ноября].

В связи с переходом к нэпу, часть бывших помещиков вновь приобрела розданные крестьянам на уравнильных началах земли [см.; Токаржевский Е.А. Очерки истории Советского Азербайджана (1921–1925 гг.). Баку: Издательство АН Азербайджанской ССР, 1956. С. 30] и стремилась восстановить свои ликвидированные хозяйства, что противоречило планам большевиков.

Указывая на имевшие место такого рода факты в Гейчайском и Нухинском уездах, газета «Коммунист» в передовице «Земельные вопросы в Азербайджане» за подписью М.С. Ордубади писала: «Нужно разъяснить забитому крестьянству в уездах, что нэп не является законом по возвращению прав бекам, она призвана стимулировать восстановление народного хозяйства... и для укрепления советской власти непременно нужно претворять в жизнь закон о земле» [Коммунист, 1923, 30 марта].

28 марта 1923 г. Президиум ЦК создал специальную комиссию под председательством А.Г. Караева, в состав которой входили Агамалиоглы, Эфендиев и др. «для урегулирования земельного вопроса и проведения практических мероприятий по проведению в жизнь декретов о землепользовании» [Архив политических документов при Управлении Делами Президента Азербайджанской Республики, ф. 1, оп. 74, д. 131, лл. 6, 30].

В результате проверки выяснилось, что в некоторых уездах, в частности в Лянкяранском, в дело включились и священники, объявившие беко-ханские земли для рядовых крестьян – «харам» – недозволёнными [Коммунист, 1923, 22 июня].

Этот вопрос обсуждался и на заседании III сессии АзЦИКа, которая постановила «центр тяжести в земельной работе пере-

нести на практическое проведение в жизнь земельного кодекса и усиление работ по землеустройству» [Коммунист, 1923, 22 июня].

В связи с этим газета «Коммунист» в передовице «Азербайджанский крестьянин не должен дремать» за подписью М.С. Ордубади писала: «Крестьяне должны знать, что земли, которые, по словам священников являются недозволенными, фактически их же земли, когда-то насильно отобранные беками и ханами. Поэтому крестьяне не должны поддаваться провокациям и обязаны засеять все выделенные им государством пахотные земли» [Коммунист, 1923, 22 июня].

Всего к концу октября 1923 г. в республике имелось 1 млн 619 тыс. дес. пахотных земель, из коих 912 тыс. дес. под озимыми, а 507 тыс. дес. под яровыми. Равномерное распределение их шло очень медленно из-за нехватки материальных и технических средств, а также сопротивления бывших хозяев.

Для подготовки землемеров НКЗем открыл 4-х месячные курсы, которые начали действовать с 15 ноября 1923 г. [Коммунист, 1923, 21 октября].

Для успешного решения земельного вопроса газета «Коммунист» в редакционной статье «Очередные задачи в земельном вопросе» изложила следующие конкретные предложения:

- в целях борьбы с малоземельем наиболее плодородные необрабатываемые государственные земли перенести в фонд и распределить для обработки;
- с поправками Земобщества незамедлительно разрешить между селениями земельные споры;
- срочно приступить к уравнительному распределению земель внутри селений по всей республике;
- в вопросах землеустройства учесть пожелания населения, пропагандировать и агитировать применение новых способов обработки почв, срочно приступить к подготовке кадров по землеустройству;
- на местах укрепить землеуправления и т.д.

Накануне открытия III Всеазербайджанского съезда Советов газета «Коммунист» в передовице «Основные задачи съезда Советов» за подписью председателя СНК республики Г. Мусабеева писала, что правительство республики «должно в первую очередь разрешить земельные вопросы. Нужно в кратчайший срок завершить раздел земли между крестьянами внутри селений» [Коммунист, 1923, 19 ноября]. В то же время указывалось, что разрешение земельного вопроса всего лишь начало в деле поднятия сельского хозяйства, и что нужно провести в жизнь ряд других мероприятий, в частности, расширить мелиорацию, удобрить землю, очистить семена, снабдить посевщиков агротехникой, улучшить породы животных, увеличить посев хлопка и др. технических культур.

Благодаря принятым мерам основная масса крестьян в короткий срок была обеспечена землей. Если, «в 1921 г. количество беспосевных крестьян составляло 26%, то в 1927 г. – 15%» [Мусабеев Г. Избранные статьи и речи. Т. 1. С. 173]. Следовательно, количество беспосевных уменьшилось почти вдвое. Причем, наравне с беспосевными уменьшалось и количество малопосевных крестьян. Так, количество хозяйств, имеющих «до 1 дес. в 1921 г. было 25,7%, а в 1927 г. – 20 с небольшим процента», а количество хозяйств от 1 до 3 дес. в 1921 г. с 27% увеличилось до 39,8% в 1927 г. [Мусабеев Г. Т. 1. С. 173].

В связи с образованием ЗСФСР, развитие землеустроительных работ в Азербайджанской ССР было резко заторможено из-за несвоевременного выделения средств и заметного снижения таковых. Составленные и утвержденные Госпланом Азербайджанской ССР сметы оставались лишь на бумаге. Несмотря на попытки и старания республиканских руководящих органов, работа в этой области продвигалась крайне медленными темпами. Вопрос неоднократно обсуждался в Президиуме ЦК АКП(б), СНК, Госплане, НКЗеме и т.д. Так, Президиум ЦК АКП(б) 4 февраля 1925 г. на своем заседании рассмотрел вопрос о землеустроительных работах в Азербайджанской ССР,

где председателю СНК Азербайджанской ССР Г. Мусабекову было «поручено вновь (в который уже раз!) возбудить перед ЗакСНКмом вопрос об отпуске средств на проведение землеустроительных работ в Азербайджане, согласно смете, утвержденной Госпланом Азербайджанской ССР» [АПДУДПАР, ф. 1, оп. 74, д. 140, л. 58 об.].

О чрезмерной централизации власти в ЗСФСР и о том, насколько номинальной являлась власть республиканских органов управления свидетельствует тот факт, что такой элементарный вопрос, как увеличение штата землемеров для всей республики с 49 до 100 человек, обсуждался в ЗКК РКП(б) [АПДУДПАР, ф. 1, оп. 74, д. 142, л. 106 об.].

Естественно, это приводило к волоките и созданию дополнительных препятствий не только в деле землеустройства в республике, но и в других областях народного хозяйства. Вместе с тем, решению проблемы землеустройства в республике мешали и чисто объективные, местные условия, главным образом заключавшиеся в чрезмерном дроблении крестьянских хозяйств на мелкие участки, отдаленные друг от друга. Хотя процесс дробления и чересполосица наблюдались по всему союзу [История Советского крестьянства. Т. 2. С. 32], однако в Азербайджанской ССР, из-за местных особенностей, это носило более резкий и жесткий характер.

В статье «Что является помехой в развитии земледелия?» за подписью доктора сельскохозяйственных наук Ахмеда Раджабли газета «Коммунист» писала, что переданные по наследству земли с давних пор дробились на мелкие участки чересполосицами. Так, один земледелец для обслуживания своих посевов должен пешком пройти через несколько соседских участков, причем больше времени он будет тратить на дорогу, нежели на работу и, особенно, в таких условиях бороться против сельхозвредителей намного труднее» [Коммунист, 1923, 25 декабря]. Поэтому предлагалось при проведении землеустроительных работ учесть эти обстоятельства.

Некоторый интерес представляет землераспределение в уездах. В Бакинском уезде, например, к маю 1924 г. землеустроительные работы были завершены лишь в двух районах, по какой-то причине в третьем районе работа не велась, хотя средства для этого давно были отпущены. И именно газета «Коммунист» обратила внимание Земотдела Баксовета на это обстоятельство и указала на необходимость завершения работ [Коммунист, 1924, 14 мая].

В нагорной полосе Гянджинского уезда при решении землеустроительного вопроса возник искусственно созданный инцидент. Инициатором и автором его являлся некий Тевадрос Мирзабекянц, который сразу же после назначения его на должность зампредуездисполкома в Гяндже стал убеждать армянское население уезда в том, что якобы армян притесняют, и они располагают меньшими землями под посев, после чего стал собирать у населения деньги для отправки в Москву делегации для выделения дополнительной земли армянскому меньшинству уезда, успев при этом прикарманить часть собранных денег [Бакинский рабочий, 1929, 6 января].

В результате неоднократного обсуждения и рассмотрения в самых высоких инстанциях этого искусственно созданного вопроса, часть территории «Джамиль горугу» (Гара Джамилли) Агдамского уезда в 1927 г. была передана армянскому населению Гянджинского уезда. Этот вопрос был освещен также на страницах «Коммуниста» [Коммунист, 1924, 14 мая].

Таким образом фактически была признана «дискриминация» армян Гянджинского уезда. К сожалению, никто не стал интересоваться дальнейшей судьбой этого вопроса. А между тем имеются документы о том, что спустя несколько лет дополнительно полученные наделы были брошены на произвол судьбы. Когда заведующий уездным земельным отделом обратился к населению нагорной полосы с вопросом:

– Почему они не обрабатывают свои наделы? – ответ был парадоксальным:

- Эти отдаленные земли нам не нужны.
- Так почему же вы по этому вопросу писали жалобы, обращались во все высшие инстанции?
- Нам сказали, пишите, и мы написали, – отвечали крестьяне-армяне [подробно по этому вопросу см.: АПДУДПАР, ф. 1, оп. 74, д. 144, л. 116; д. 145, лл. 201–201 об.; д. 148, л. 88; д. 160, л. 14; д. 162, л. 1 об.; Гянджинский Филиал ГААР, ф. 346, оп. 1, д. 49, лл. 51–52, 83; д. 38, лл. 249–250; д. 36, л. 9–11; д. 32, лл. 10–11, 29–30, 35, 55, 56, 127–128; Бакинский рабочий, 1929, 6 января и др.].

Интересным является тот факт, что под заявлением крестьян, написанным в 1930 г. об отказе от дополнительных наделов, вместо подписей имеются взятые у 42 «ущемленных» армян чернильные отпечатки пальцев [ГФ ГААР, ф. 347, оп. 1, д. 4, л. 183].

Совершенно очевидно, что не эти безграмотные люди писали жалобы и обращения об их «дискриминации».

В Нахичеванской АССР землеустроительные работы, как сказал в своем интервью газете «Коммунист» начальник земстройуправления И. Ибрагимов, до конца 1923 г. не проводились, лишь были переданы беднякам на основе равномерного деления земли, отобранные у бывших беков [Коммунист, 1923, 23 октября].

Газета «Коммунист» выступала против равномерного распределения земель и считала, что один важный момент при этом не учитывается, а именно: в Азербайджанской ССР имеются как богарные, так и требующие искусственного орошения земли, а также плодородные и неплодородные почвы. Поэтому при наделении крестьян землей эти обстоятельства следовало непременно учитывать [Коммунист, 1923, 28 декабря].

В 1928 г. число крестьянских хозяйств достигло 354 тыс. против 300 тыс. в 1921 г. [История Азербайджана. Т. III. Ч. 1. С. 356]. Подобное измелъчение крестьянских хозяйств по всей стране встревожило партийное руководство республики и было развернуто его сворачивание. Это совпало с призывом Сталина к сплошной коллективизации. Мелкие единоличные хозяйства

насильственно объединялись в более крупные, т.н. социалистические коллективные хозяйства – колхозы, наподобие сельских общин дореформенного периода, а крестьян при этом фактически превращали в крепостных на уровне государственном. В основу этой политики был положен неверный тезис о том, что «только крупное социалистическое земледелие могло обеспечить развитие производительных сил сельского хозяйства, коренное улучшение положения крестьян». Несомненно, добровольное объединение мелких хозяйств в более крупные было шагом вперед в их развитии. Только лишь добровольное. К сожалению, газета «Коммунист», как орган партии большевиков, принимала активное участие в широкой пропаганде идей быстрого объединения мелких хозяйств в крупные колхозы.

Анализ данных по восстановлению и развитию сельского хозяйства с 1921 по 1928 гг. позволяет сделать вывод о том, что именно при существовании мелких хозяйств темпы развития во всех отраслях сельского хозяйства были самыми высокими, что, на наш взгляд, объясняется заинтересованностью единоличника.

Следовательно, наделение крестьян необходимым количеством пахотной и пастбищной земли было наиболее верным шагом. Несмотря на имеющиеся недостатки, именно это обстоятельство обеспечило восстановление сельского хозяйства республики в короткий срок.

О РОЛИ П.А. ЛАДИНСКОГО В ПОДГОТОВКЕ АГРАРНЫХ РЕФОРМ НА КAVKAZE

В начале 40-х годов XIX в. Российское имперское правительство получало тревожные вести с Кавказа: «в Закавказье, Северном Азербайджане происходили грабежи и разбои», «Шамиль добился значительных временных успехов». Именно в этот момент Российское правительство решило отойти от общероссийской губернской системы управления и учредить на Кавказе специфическую форму управления этой национальной окраины – наместничество. Преемником А.И. Нейдгардта сначала намечался командующий сводным кавалерийском корпусом, генерал Герштенцвейг, но после его отказа выбор царя остановился на новороссийском генерал-губернаторе князе М.С. Воронцове [3, с. 50]. Указом от 27-го ноября 1844 г. М.С. Воронцов назначен наместником Кавказским и Главнокомандующим отдельным кавказским корпусом с подчинением ему новороссийского и бессарабского генерал-губернаторства.

Мотивы учреждения наместничества нигде в точности не объяснены, пишет С. Эсадзе, «но из рескрипта на имя графа Воронцова можно усмотреть, что возвышая звание главного начальника края на степень царского наместника» [9, с. 83], по предположению Т. Свентоховского, «он (М. Воронцов) предпочитал осуществлять политику кооптации местных элит, а не интеграции и ассимиляции» [1, с. 11]. В целом, исходя из общего курса самодержавия в тот или иной период, можно говорить о сочетании известных двух подходов в политике русского правительства при определенном преобладании одного из них. Получив назначение, Воронцов прибыл в столицу и был принят Николаем I, который ознакомил наместника со своими видами на кавказские дела.

Воронцов хорошо понял свою задачу, так как приехав в Тифлис, энергично взялся за определение владельческих прав беков

и агаларов. Его ближайшим помощником в этом деле оказался генерал-лейтенант Пётр Антонович Ладинский, начальник гражданского управления Кавказского края.

Поскольку Воронцов почти все свое время отдавал обострившейся борьбе с Шамилем, подготовительная работа по определению владельческих прав беков и агаларов была в основном проделана П.А. Ладинским. Генерал П.А. Ладинский никогда не относился индифферентно к делам, а тем более к данному вопросу. Его служба еще с юнкерского звания началась на Южном Кавказе с 1801 года и продолжалась до возведения в генералы. Все лучшие воспоминания его жизни принадлежали этому краю; он, как и граф Воронцов, а может быть, еще подробнее, зная его прошлое, симпатизировал ему, и потому принимал в данном деле не менее живое участие, чем Воронцов.

Он, получив от графа М.С. Воронцова неотложное задание заняться вопросом «об устройстве среди мусульман высшего сословия», энергично взялся за работу и уже 6 июля 1845 г. представил обширный доклад, который касался, главным образом, вопроса об агаларах. В докладе П.А. Ладинского от 6 июля 1845 г. четко вырисовывается позиция части военно-бюрократического аппарата царизма, выступавшей за налаживание отношений с так называемым высшим мусульманским сословием. П.А. Ладинский в пользу агаларов комментирует решение, которое освобождало от отбывания повинностей в первую очередь армянские деревни. Здесь рельефно проступает социальная идентичность дворянства, иначе говоря, сословные интересы оказались для упомянутой группы настолько существенны, что оттеснили идейно-политические мотивы на второй план. Впрочем, в данном случае чувство сословной солидарности было созвучно с рациональной аргументацией политической выгоды сохранения социальных отношений в Северном Азербайджане. Генерал П.А. Ладинский считал, что «вековые опыты доказывают нам удобство управлять чернью здешних мусульман через установившееся между ними высшее сословие...» [6, с. 3]. Размышляя о необходимости инструментального использования агаларов с целью укрепления русской

власти, П.А. Ладинский предостерегает от одностороннего подхода к системе управления Кавказом, «клонящегося к выгодам одной только казны». И далее он замечает «... а между тем упускалось из виду – сколько теряет правительство от лишения агаларов их недвижимой собственности – единственного средства, могущего прочно связать частные выгоды с выгодами правительства. Я считаю нравственный капитал далеко драгоценнее капитала, состоящего из звонкой монеты» [6, с. 3].

Анализируя в докладе решения Совета главного управления от 13 февраля 1841 г. о конфискации земель агаларов, П.А. Ладинский приходит к выводу, что оно было несправедливым, вредным и крайне односторонним. Документы, представленные агаларами, – утверждал П.А. Ладинский, – неопровержимо убеждают нас в том, что они, управляя деревнями, являлись господами всех живущих в них жителей [6, с. 4].

Следовательно, лишить их безвозмездно этого права было бы несправедливо. Несомненен и вред, который принесло отстранение агаларов от управления деревнями. До 1841 г. они с успехом осуществляли полицейский надзор над поселянами, чего нельзя сказать о чиновниках, заменивших их после 1841 г. и оказавшихся явно неспособными выполнять возложенные на них обязанности. «Результаты ослабления полицейской власти, – с тревогой констатировал П.А. Ладинский, – весьма печальны, ибо «разительно усилились всякого рода беспорядки во всех Татарских дистанциях» [6, с. 3–7]. «В погоне за интересами фиска, Совет главного управления проглядел важную роль агаларов, не заметил за деревнями, и в результате правительство многое потеряло. Оно, – патетически восклицал П.А. Ладинский, – потеряло «нравственный капитал», который «далеко драгоценнее капитала, состоящего из звонкой монеты» [6, с. 5].

Определив в лице агаларов ценность «мусульманского высшего сословия» как инструментов, при помощи которых правительству было бы удобно «управлять чернью», П.А. Ладинский во второй части доклада предлагал целую серию мероприятий, которые должны были превратить местные богатые сословия в социаль-

ную опору царизма, в его верных и надежных слуг. Относительно взаимоотношений владельцев и поселян П.А. Ладинский предлагал, причислив последних к числу государственных поселян, оставить их в прежних отношениях к владельцам, применяя, по возможности, к указу 1842 г. об «обязанных поселянах».

Агаларов, указывал П.А. Ладинский, необходимо наделить в избыточном количестве землями и, закрепив ее за ними на правах потомственной собственности, обязать поселян вносить в их пользу 1/10 часть урожая, а также разрешить агаларам брать из поселян нукеров.

П.А. Ладинский выразил уверенность, что принятие его предложений превратит беков и агаларов в преданных слуг правительства, содействующих ему «во всех его мерах» и помогающих «прекращать в своих деревнях грабежи и разбои» [6, с. 6].

П.А. Ладинский в начале 1846 г. представил М.С. Воронцову новые документы: 1. «Проект положения о поместном праве высшего мусульманского сословия в Каспийской области и о взаимных отношениях между поселянами и владельцами земли»; 2. Подробный доклад, служил, как бы, объяснительной запиской к «Проекту положения» [7, л. 14–21].

Выработанное П.А. Ладинским «Положение» было подвергнуто тщательному многократному обсуждению, в котором, наряду с самим автором, приняли участие М.С. Воронцов и некоторые приглашенные беки. 25–26 февраля 1846 г. Совет главного управления под председательством П.А. Ладинского рассмотрел Положение и утвердил его с несущественными изменениями [7, л. 24].

Таким образом, она апеллировала не фискальным, а «нравственным» соображениям; социальная солидарность в ее миропонимании являлась субстанцией более ценной, нежели резоны прибыли. Описываемая позиция сыграла решающую роль в проведении нового курса царизма, стремившегося к расширению социальной базы своего властвования на Южном Кавказе. М.С. Воронцов, как известно, добился прохождения программы П.А. Ладинского через органы центрального правительства. В одном из своих рапортов, датированных началом 1846 г.,

М.С. Воронцов, подытоживая данную инициативу, сформулировал ее стратегические задачи: «1. Отдача бекам и агаларам земель, ошибочно и с большим вредом для нас от них отнятых; 2. Торжественное объявление, что крепостного владения здесь не было и быть не может. Посему в проекте крестьяне названы поселяне, живущие на владельческой земле; 3. Старание привязать беков и агаларов к земле и, так сказать, принудить их обращать более внимание на земледелие» [2, с. 11].

В круг животрепещущих проблем входил также вопрос о качественном состоянии чиновничьего контингента на Южном Кавказе. Критикуя наплыв в край после реформы 1840 г. русского служивого люда, который не разбирался в психологии и культурном своеобразии туземного населения, М.С. Воронцов считал необходимым прекратить практику вызова чиновников из России [5, с. 843].

9 марта 1846 г. Положение, докладная записка П.А. Ладинского и целый ряд других документов были посланы М.С. Воронцовым императору Николаю I. Одновременно наместник, проявляя особую заботу о членах семей бывших ханских фамилий, переслал императору рапорт с предложением некоторых дополнительных льгот в их пользу: 1) разрешить им избирать и утверждать сельских старшин без участия местных властей; 2) нукерам, находившимся при членах прежних ханских фамилий, запретить оставлять своих владельцев, в случае же, если они пожелают это сделать, им придется оставить своим владельцам все недвижимое и половину движимого имущества; 3) с нукеров – членов прежних ханских фамилий – не взимать податей в пользу казны. Рассмотрев оба документа, император одобрил привилегии в отношении членов бывших ханских фамилий и указал, что утверждение земель за беками, меликами и агаларами должно быть сделано не в виде признания их права, а в виде «особой монаршей милости» [7, л. 54–55].

30 марта 1846 г. Положение рассматривалось на заседании Кавказского комитета. Последний одобрил главное основание предложений Воронцова–Ладинского о поземельных правах бе-

ков и агаларов и их взаимоотношениях с поселянами – утверждение за беками земель на правах потомственной собственности, возвращение агаларам земель на тех же правах, обложение поселян в пользу феодалов повинностями, предоставление беками и агаларам права полицейского надзора над поселянами.

«Комитет, – говорилось в решении, – вполне соглашается с мнением Наместника Кавказского и генерала Ладинского, что прочное устройство на сих главных основаниях участи беков полезно и необходимо как для успокоения этого сословия, так и главнейше для того еще, чтобы дать правительству способы посредством беков с большим удобством управлять массою народа» [7, л. 54 об.].

Замечания членов Кавказского комитета на проект положения, присланные ими в канцелярию Комитета на основании решения 30 марта 1846 г., выявили наличие известных расхождений во взглядах Воронцова–Ладинского и членов Кавказского комитета, прежде всего министра Государственных имуществ П.Д. Киселева. Киселев предлагал, чтобы сборы с поселян, живущих на владельческих землях, не превышали сборов, взыскиваемых с казенных поселян [8, л. 100 об.]. Он без обиняков говорил, что Положение утверждает поселян в крепостном состоянии, обременяя их при том тягостными повинностями. Киселев довольно недвусмысленно указывал, что принятие предложений наместника чревато большими опасностями, так как неминуемо вызовет поселянские волнения [7, л. 355 об.]. Чтобы избежать взрыва народного недовольства, Киселев предлагал в основном, первое, уравнивать повинности поселян, живущих на владельческих землях, с повинностями казенных поселян в тех же уездах; второе, разрешить поселянам, исполнившим свои обязанности владельцам, переходить с владельческой земли: а) если поселянин приобрел землю на законном основании, по правам людей всех свободных состояний в империи, и б) если городское или сельское общество, а в случае перехода на владельческую землю – ее владелец, согласится принять поселянина, а общество, к которому он был ранее приписан, согласится отступить его; третье, дав вла-

дельцам право полицейского надзора, предоставить вместе с тем право ограниченной судебной власти самими поселянам, в лице их выборных, с тем, чтобы владельцы утверждали приговоры [7, л. 355–357].

Не соглашался с предложениями наместника и министр внутренних дел Л.А. Перовский. Он ставил под сомнение утверждение Воронцова о том, что повинности владельцам для поселян обременительны, и они безропотно несут их. Иронизируя над заявлением наместника о безропотности поселян, Перовский указывал, что о характере взаимоотношений владельцев земли и поселян можно судить по тому, что поселяне одной из деревень, бывшей в свое время под властью агаларов, были избавлены от их управления в награду за оказанное ими усердие [7, л. 344].

Несколько замечаний, связанных с вопросом о переходе поселян, было сделано Д.Н. Блудовым, но они носили совсем иной характер, нежели замечания Киселева и Перовского. «Справедливо ли, – вопрошал Блудов, – оставлять все строение поселянина в пользу владельца не по своей прихоти?» Он предлагал также, чтобы было разрешено уходить на заработки «без всякого стеснения», но с условием, «чтобы оставшиеся на месте исполняли обязанности отлучившихся» [4, с. 71].

Члены Кавказского комитета не оказались единодушными в своем мнении по вопросу о степени ограничения личной свободы частновладельческих поселян Северного Азербайджана. Поскольку обработка замечаний членов Кавказского комитета и составление текста Положения происходили в его канцелярии, то формулировка соответствующих статей зависела от позиции военного министра А.И. Чернышева. А он оказался в одном лагере с ярыми крепостниками – Воронцовым, Ладинским, Блудовым и другими.

Таким образом, 30 ноября 1846 г. Кавказский комитет рассмотрел представленные М.С. Воронцовым проект указа сенату и Положения. Комитет утвердил, с незначительными изменениями, проект указа сенату, решив издать его в виде рескрипта на имя наместника. 6 декабря 1846 г. проект рескрипта был утвержден.

Литература

1. Азербайджан и Россия: общества и государства. М.: Летний сад, 2001. 496 с.
2. Всеподданнейший рапорт кн. Воронцова 1846 г. // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Том X. Тифлис: Типография Канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1885. С. 11–12.
3. Из записок барона (впоследствии графа) М.А.Корфа // Русская старина. Т. 101, январь 1900 г. С. 25–56.
4. Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20–60-х гг. XIX в. Ч. 2. Феодалные отношения и колониальный режим 1843–1868 гг. Москва – Ленинград: Издательство Института истории Академии Наук СССР, 1936. 478 с.
5. Отчет князя М.С. Воронцова от 25 марта 1845 г. по 1 января 1846 г. // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Том X. Тифлис: Типография Канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1885. С. 833–847.
6. Рапорт ген-л. Ладинского кн. Воронцову от 6-го июня 1845 г. // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Том X. Тифлис: Типография Канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1885. С. 3–7.
7. Российский Государственный Исторический Архив, ф. 1268, оп. 2, д. 234.
8. Российский Государственный Исторический Архив, ф. 1268, оп. 2, д. 482б.
9. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 1. Тифлис: Типография «Гутенберг», 1907. 616 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ И ДУХОВНОМ КОНТЕКСТЕ КЛИЕНТА *(разбор случая)*

С античных времен в мировом пространстве Кавказ является важным регионом в культурном и духовном плане. Это не Восток и не Запад, не Европа и не Азия, а «особая горская цивилизация» [1, с. 177]. В настоящее время Кавказу присущи определенные противоречия между современным и традиционным образами жизни. «Здесь традиции не только не отвергаются, но становятся еще более значимыми; религиозный компонент социокультурного пространства не только не находится в состоянии кризиса, но его значение возрастает с каждым годом; коллективные формы идентичности не только не распадаются, но происходит их упрочение» [2, с. 222]. И в мировой практике в целом, и в северокавказском регионе в частности в настоящее время осуществляется взаимодействие традиционности и модернизации, достаточно в контексте клиента (разбор случая) убедительно изученных и описанных в работах Б. Ерасова [3]. С точки зрения исследователя, в результате столкновения модернизма и традиционализма наблюдается деформация традиционных конструктов и кризис традиционной культуры под давлением суррогатной модернизации, вызывающей в ответ недовольство и сопротивление.

При этом традиционные общественные институты не только не разрушаются, но, наоборот, еще больше локализуются. Реальная угроза утраты национально-культурных особенностей подтолкнула народы Северного Кавказа к тому, что они с еще большим рвением стали презентовать свою уникальность, самобытность, неповторимость и связь со своей многовековой историей.

«Самобытность в сочетании с принципом эндогенности стали ключевым началом для выявления сущности тех процессов, кото-

рые развертываются в ходе модернизации, для оценки их адекватности и перспектив» [3, с. 379].

Автор концепции этнокультурного разделения цивилизаций С. Хантингтон пишет, что «изначально модернизация и вестернизация тесно связаны, и незападные общества, впитывая значительные элементы западной культуры, достигают прогресса на пути к модернизации», но все же «с увеличением темпов модернизации удельный вес вестернизации снижается и происходит возрождение местных культур» [4, с. 107]. Столь непредсказуемый эффект модернизации, который направлен не на снижение индекса традиционности, а на ее усиление, рассматривается как идеальное воплощение исторической реальности, и считается, что более продолжительное развитие истории наполнит большими депрессивными составляющими содержательную часть традиционности.

Уничтожение национальных приоритетов приводит к ликвидации морально-нравственных ценностей, развитию в социуме деструктивных настроений, распространению безответственности и насилия. Только богатое этнокультурное наследие может противостоять негативным процессам глобализации. По мнению И.М. Сампиева, «...есть серия различных модернизаций, и для каждой культуры модернизация, как способ совладания с вызовами современности, уникальна» [1, с. 177]. Естественно, чтобы добиться успеха, недостаточно опираться только на культурные приоритеты и народное достояние, «но они есть необходимое условие, без чего нет шанса на успех» [1, с. 177].

В предыдущей статье [5] мы показали, что в психологическом консультировании имеет огромное значение учет этнической и религиозной специфики клиента, т.е. плодотворная психотерапевтическая работа специалиста опирается на этнокультурные и религиозные ресурсы клиента и не противоречит им. Оказание психологической помощи должно учитывать базовые ценности клиента и опираться на те источники в его собственной культуре, которые могут стать ресурсом для этого человека. При такой синергии, когда терапевт и клиент придерживаются одних этнокуль-

турных и религиозных взглядов, понимают друг друга, процесс оказания психологической помощи бывает наиболее полноценным. Подобная совместная работа приводит не только к решению проблемы личности, но и становится источником духовного роста верующего человека, его большей осознанности и саморазвития.

Случай из практики

По рекомендации моего коллеги на консультацию пришел молодой человек Мовсар из числа среднего медицинского персонала системы здравоохранения республики. На тот момент ему было 20 лет. Он четко обозначил свой запрос для психотерапии и подробно рассказал историю своей жизни.

Большую часть своей жизни парень с родителями прожил за пределами Ингушетии, там же получил первое медицинское образование. Мовсар был подростком, когда его родители развелись. Тогда мать взяла трехлетнюю дочь и уехала на Кавказ к своим родителям. Сыновья (Мовсар и его старший брат) остались с отцом. Это был строгий, авторитарный человек, в прошлом сотрудник МВД, воспитывавший своих сыновей в духе военной муштры. В большей степени мальчик был один: отец уходил пить или приглашал к себе свою компанию.

Брат жил со своей сокурсницей в студенческом общежитии. Отец сердился на старшего сына и наказывал младшего. Со слов клиента стало известно, что его спина не отходила от синяков, она всегда была практически фиолетового цвета. «Когда отец избивал меня, я выходил на улицу, смотрел на небо и просил Всевышнего, чтобы когда-нибудь это закончилось», – говорит Мовсар. Затем он показал свои руки и добавил: «У меня все пальцы сломаны, шлангом бил, говорил: «Выпрямляй свой почерк». Мовсар сильно заикается с 1-го класса. «Я не мог ни слова произнести...»

За невыносимые условия жизни много раз мальчика посещала мысль убить отца, он даже нож специально для этого наточил. Но каждый раз не решался, так как не был уверен в том, что отец

крепко заснул. Отец постоянно настраивал детей против матери, все время повторял, что она их бросила.

Три года назад он отправил сына учиться к бабушке. В это же время к ней приехала и его сестра. Через некоторое время она ушла к своей матери и забрала с собой Мовсара.

Из анамнеза: За убийство отец Мовсара провел в местах лишения свободы шесть лет. В настоящее время он требует от сына N-ую сумму денег, долю в своем доме или документы от нотариуса об отказе от имущества.

Целый час рассказывал Мовсар историю своей жизни и внезапно замолчал. Специалисты, работающие с жертвами насилия [6], отмечают, что важно отличать вынужденное молчание от добровольного. Зная, насколько тяжелой для нас обоих может быть эта пауза, я призналась Мовсару, что потрясена этой историей, и выразила свою надежду на нашу плодотворную совместную работу. Мое признание позволило ему справиться с тревогой. Молодой человек произнес: «Вы не расстраивайтесь! Я уже привык».

Проявляя в детстве заботу о родных и близких, Мовсар, вероятно, лишился способности обращать внимание на свое собственное психологическое благополучие. Не случайно парень выбрал работу в красной зоне системы здравоохранения, а затем и профессию психолога. Мовсар смирился с чувством безвыходности и разочарования [7] и воспринимал себя в любой ситуации только в качестве жертвы. Дети, пережившие психотравму, как правило, подавляют свои потребности, и это значит, что они, выросшие, плачут на приеме у психолога, вспоминая отца, испытывая ненависть к нему, ощущая свое бессилие перед ним, уже состарившиеся.

У Мовсара никогда не было защиты. Мир для мальчика всегда был предельно опасным и угрожающим. Опасным был самый близкий человек – отец. С первой нашей встречи настало время проработать синдром спасателя, вечной незащищенности, перманентного страдания, который сопровождал молодого человека с малых лет. Чтобы сформировать новую парадигму жизни, Мовсару надо было пережить все, что он чувствовал на бумаге, холсте,

в мастерской, в кабинете психолога. Необходимо было продолжить жить, чтобы действительно остаться живым.

Дж. Херман [8], изучив травматический опыт жертв насилия, отметил, что им свойственно сдерживать собственную инициативность, которая впоследствии становится причиной неуверенности человека в персональной компетентности.

Даже тогда, когда отец бьет мальчика, ребенок мечтает о том, чтобы родитель любил его. И этой любви «... следует быть терпливой и снисходительной, а не угрожающей и авторитарной. Она должна давать ребенку всевозрастающее чувство собственной силы и, наконец, позволить ему выглядеть авторитетным в собственных глазах, освободившись от авторитета отца» [9, с. 136].

Диагностика и клиническая беседа показали, что у Мовсара нарушенные взаимоотношения с отцом и старшим братом, страхи, повышенная тревожность, низкая самооценка, неуверенность, потребность в эмоциональной поддержке родных и близких, логоневроз, ПТСР.

Мовсар много лет страдал от физического и эмоционального насилия отца. Чувство вины, безысходности, отчаяния, уныния, связанные с пережитым деспотизмом, были веской преградой для нашей терапевтической работы с клиентом и требовали от специалиста предельной осторожности и такта по отношению к его эмоциональной сфере. Анализ профессиональной литературы и признания жертв насилия подтверждают эту закономерность [10, 11, 12, 13, 14]. Острые семейные конфликты в семье Мовсара сопровождались синдромом отчуждения родителя (PAS, Parental Alienation Syndrome). Наш клиент, будучи отдаленным от матери, проявлял к ней ненависть, гнев, агрессию, потому что алиенатор формировал у мальчика негативный образ матери.

Подобное отчуждение всегда сопровождается запугиванием, программированием детей. Этот феномен называется психологическим индуцированием ребенка и является одним из ключевых симптомов PAS (Parental Alienation Syndrome). Мальчик повторял слова и выражения отца, дублировал модели родительской агрессии и выражал желание никогда не встречаться с матерью.

В то же время подросток переживал конфликт лояльности, который выражался как в психосоматическом проявлении (невроз), так и в виде психологических реакций (школьная неуспеваемость, суицидальные тенденции, скованность, неуверенность). У Мовсара была вытеснена эмоциональная связь с матерью, разрушен опыт полного слияния с самым первым в жизни человеком. Мальчик был лишен чувства защиты и безопасности, безусловной любви и принятия, а в качестве компенсации и возможности для выживания ему была предложена ненависть и отрицание отчужденной матери. К сожалению, проблема семейного киднеппинга крайне актуальна в современном обществе и к тому же еще не сформулирована.

Для матери была характерна забота и влияние на судьбу сына, а с другой стороны – уходы из дома, которые вселяли в сына сильный страх и тревогу. Отношения с отцом Мовсар чувствовал как дистанцированные и больше угрожающие, так как в периоды его запоя он осуждал его за прерывание детско-материнских отношений. Такое поведение отца могло активизировать проявление привязанности к матери и желание физической и эмоциональной близости с ней. Однако мать была для Мовсара недоступна, и при переживании крайне сильного страха удовлетворить базовую потребность в привязанности мальчику было невозможно [15]. А нарушение привязанности – всегда травмирующая ситуация.

Вероятно, мать Мовсара сама подвергалась со стороны своего отца издевательствам, поэтому иметь мужа-алкоголика было для нее долгое время явлением нормальным и привычным. «В подростковом возрасте мои прежде нейтральные, а иногда и противоречивые чувства к отцу переросли в жгучую ненависть. Я его не просто больше не любил. Мне было отвратительно все – и он сам, и его поведение, в общем, я страшно его возненавидел. Я не мог никого пригласить к себе домой. Занятия в медицинском колледже заканчивались в обед, иногда после обеда, но я ехал домой поздно вечером на последнем автобусе. Дома было невыносимо. Никто, за исключением ближайших соседей, не знал, что мой отец пьет. Я никогда не мог предугадать, какое действие со-

вершит этот безумец. Меня ни на мгновение не покидал страх, что в любой момент он перестреляет нас. Я полностью отстранился от него и решил стать полной его противоположностью – всегда, когда мог это осознать», – с сильнейшим заиканием рассказывал на одной из консультаций Мовсар.

Психосоматика заикания заключается в том, что мозг получает одновременно два совершенно противоположных послания «говори» и «молчи». Если ребенка в семье игнорируют, подавляют, он начинает думать о том, как ему лучше поступить, стоит ли произносить слова и предложения, выслушают ли его взрослые или нет. Но жизнь устроена так, что говорить все-таки надо, невозможно все время безмолвствовать. Авторитарный отец не позволял ребенку проявить себя. Мальчик начинал разговаривать и сразу же останавливал себя, прерывал себя сам.

Можно привести множество примеров психосоматики заикания. Зависший над ребенком конфликт: «можно сказать – нельзя сказать», «я сказал то, что не должен был говорить, и теперь я уверен, что лучше молчать», «говорить нельзя – говорить нужно». Такой внутриличностный конфликт приводит к заиканию. Если к заиканию привела какая-то одна ситуация, то терапевт вместе с клиентом прорабатывают именно это. А в данном случае речь шла о жизни человека в целом. И поэтому мы должны были трансформировать установки, принципы, убеждения, модели поведения клиента. Как только Мовсар понял, что вопреки всему он имеет право говорить, как только он осознал, что ему придется отвечать за последствия своего выбора, его речь стала более плавной и свободной. Мовсар усвоил, что и в нем самом присутствует властность, которая с каждым разом все больше и больше пытается проявиться. В связи с этим мы несколько раз выполнили с ним психодраматическую технику «пустого стула» из области гештальттерапии. Мовсар сыграл роль сына, роль отца и роль брата и пришел к выводу, что властность имеет конструктивный заряд и может быть источником личностного и гендерного самоутверждения. Это примирило его с теми, кого он считал властными, агрессивными и непримиримыми. В качестве еще одного ресурса коррекции заикания была

выбрана дыхательная гимнастика А.Н. Стрельниковой 1, которая обеспечила молодому человеку правильное дыхание и способствовала изменению отношения к себе.

Страх перед отцом сковывал произвольность, естественность молодого человека и мешал ему получать удовольствие от нашей совместной работы. Хотя шаг за шагом он развивал в себе способность совладать со своими сильными чувствами.

Взрослые дети алкоголиков – это отдельная тема в психологии зависимости. Очень часто во взрослой жизни жертвы алкоголизма пытаются преодолеть проблемы, являющиеся последствиями их детства и отрочества.

Во-первых, им присуща низкая самооценка. Во-вторых, родные и близкие зависимых людей не в состоянии правильно расставить приоритеты. «Даже когда дети считают, что что-то можно сделать и добиться изменений, и выражают свое недовольство родителями, модель пассивности остается врезавшейся в их сознание и будет прослеживаться при решении проблем в их уже взрослой жизни» [16, с. 7]. В-третьих, они – жертвы обстоятельств, не способные контролировать свою жизнь. В-четвертых, взрослые дети страдающих алкоголизмом не способны выражать свои чувства. Скованность, отчужденность, недоверчивость лишают их контакта со своей самостью. Взрослые дети алкоголиков помогают и поддерживают окружающих людей, однако сами обычно не в состоянии справиться со своими собственными переживаниями. В-пятых, они не обладают способностью обратиться к кому-то за помощью [16].

Поскольку арт-терапия имеет явные достоинства в работе с клиентами, испытывающими проблемы в вербализации своих чувств и переживаний, она была использована для помощи Мовсару и возвращения целостности его личности. К тому же многолетний опыт показывает, что для таких клиентов творческая деятельность является красноречивым и выразительным «языком», в отличие от обычных слов и предложений.

Для того чтобы оценить эмоциональное состояние клиента в данный момент, его психологические проблемы, определить

творческий ресурс, исследовать присущие ему стратегии преодоления стресса, я предложила выполнить тест Р. Сильвер «Нарисуй историю» [17, 18, 19, 20, 21]. «Тесты Сильвер обеспечивают безопасное для клиента самораскрытие, поскольку он не осознает связи между характерной для него проблематикой и создаваемыми им рисунками. Использование данных тестов может облегчить включение клиента в изобразительную деятельность, когда он, например, не может выбрать тему для рисунка или не знает, с чего начать работу — клиенту легче начать рисовать, когда в его распоряжении есть «готовые картинки»» [22, с. 104].

По результатам выполненной методики мы проанализировали с Мовсаром возможные последствия его действий, конгруэнтность полученных данных с его установками и паттернами поведения, а также проиллюстрировали необходимость поиска иных способов и моделей конструктивного поведения [22].

В результате этой работы было представлено деструктивное взаимодействие между основными действующими лицами (отцом и сыном) как индикатор депрессивного расстройства последнего. В рисунке преобладала негативная тематика – находящийся в смертельной опасности персонаж (насекомое, с которым идентифицируется автор) испытывает страх, боязнь и смертельную опасность. Подпись под рисунком: «Естественный отбор. Выживает сильнейший».

Рисунок Мовсара позволил оценить эмоциональное состояние молодого человека по Шкале эмоционального содержания и Шкале оценки образа «Я». По первой шкале в связи с выраженным отрицательным психологическим содержанием работа оценена в 1 балл; испытуемый идентифицируется со слабым, беспомощным, одиноким, находящимся в смертельной опасности персонажем. Оценка по Шкале образа «Я» – 1 балл.

Анализ содержания этой техники позволил понять, что у Мовсара симптомы невротической депрессии (дистимии). Субсиндромальная депрессия носила психогенный характер и, вероятнее всего, являлась следствием пережитого им в «прошлом или переживаемого в настоящем насилия, недостаточной социальной поддержки и других обстоятельств» [22, с. 104].

На очередных сессиях в контексте арт-терапевтической работы с Мовсаром одной из самых целесообразных техник работы была техника составления коллажа. Суть ее заключалась в том, чтобы на бумажную основу приклеить картинки, фотографии, афоризмы, цитаты под темой «Автопортрет «Я» – сегодня». При выполнении этой методики у Мовсара были выявлены подавленные чувства и эмоции, а также еще ряд проблем, оставшихся нераскрытыми в диагностической беседе.

Преимущество этой техники заключалось в том, что Мовсар свободно выражал свои мысли, переживания, идеи, свое видение и понимание темы (собственные планы, цели, мечты, отношение к себе и др.). Работа с коллажем позволила выявить творческие способности клиента, повысить его самооценку, получить чувство удовлетворения. В данном случае коллаж стал редким возможным способом для выражения своих сильных переживаний и чувств и в то же время безопасным средством избавления от колоссальной негативной энергии, накопившейся у молодого человека за долгие годы общения и взаимодействия с отцом. Данная техника помогла Мовсару осознать свои паттерны поведения, свои ролевые установки, стереотипы и диспозиции.

Выполняя коллаж «Автопортрет «Я» – сегодня», Мовсар в части «Мои мысли» поместил фотографии девушек с фразами: «Найти свой путь» и «Новые идеи». В области сердца приклеил две полосы – «Нидерланды» и «Франция». В качестве своих потребностей (Чего я хочу?) отметил «Идеальную семью», «Жить по-настоящему», а свою жизненную опору составил так: «Мы должны стать другими», «Нельзя давить на жалость, только позитивный поворот может обеспечить помощь». Для Мовсара часы терапии были «как маленькие островки, чтобы подзарядиться» [15, с. 139].

На следующей сессии Мовсар выглядел более свободным, раскованным и менее тревожным. Я предложила ему обсудить те вопросы, которые он обозначил на предыдущих встречах, надеясь на то, что он уже сможет на них ответить. Я не стала озвучивать свои мысли и чувства, из-за боязни помешать молодому человеку

укрепить чувство независимости и свободы. Мовсар постепенно избавлялся от робости, боязни и бессонницы. Несмотря на то, что фрагменты горьких детских воспоминаний сохранялись, но они появлялись значительно реже в памяти юноши.

С каждым разом у Мовсара восприятие самого себя и своей надежды было больше. Он впервые за долгое время приобрел чувство веры в себя. К сожалению, у молодого человека не было возможности пройти групповую терапию. «Групповая поддержка является очень важным фактором психологической стабилизации жертв ... насилия, она позволяет им избавиться от своей ужасной «тайны» и сформировать доверие к межличностным контактам» [23, с. 54.] «Знакомство с опытом других людей из группы помогает жертвам насилия осознать имеющиеся у них копинг-стратегии. При этом участники группы совместно приходят к ощущению внутренней силы» [24].

«Дж. Херман подчеркивает, что, хотя исцеление от психической травмы не бывает полным и окончательным, важным достижением психотерапии является уже то, что клиенты возвращаются к задачам повседневной жизни и перестают фиксироваться на психотравмирующих обстоятельствах прошлого. Их отношения перестраиваются и приобретают новый смысл, а будущее становится важнее, чем прошлое» [24, с. 93].

Результат работы был положительным. Клиент оставил хороший отзыв на сайте нашего Центра. На момент написания статьи Мовсар благополучно работает в красной зоне системы здравоохранения и готовится к профессиональной психологической деятельности. Курс занятий длиною в месяц вместе с ведением дневника эмоций позволил снизить тревогу психологической травмы и боли и восстановить работоспособность в полной мере. К нему пришло осознание важности детско-отцовских отношений, проработки негативного детского опыта, а также наличия прямых и косвенных связей между хронической травмой, имевшей место в детско-отцовском взаимодействии, соматическим здоровьем и личной успешностью.

Консультирование в этнокультурном контексте клиента

В традиционной ингушской культуре роль отца в жизни мальчика особенно велика. «...Культурное подкрепление слишком мощно» [25, с. 162]. В связи с этим обратимся к анализу этнокультурных ресурсов, которые были задействованы в ходе консультирования Мовсара.

С момента установления контакта, а особенно на второй стадии консультирования во время сбора информации о контексте проблемы, психолог изучал, из каких пазлов сложен внутренний мир Мовсара, и какими модальностями этого мира он владеет. Молодой человек позиционировал себя как мусульманин с соответствующей ему включенностью в религиозную практику. Поэтому для меня было очевидно, что оказание психологической помощи должно учитывать религиозное мировоззрение клиента.

На очередной стадии работы, которая обозначается в психологической практике как желаемый результат, клиент сообщил, что свою проблему хотел бы решить в соответствии с канонами ингушской культуры. В связи с этим мы опирались на ценности его собственной культуры, которые впоследствии стали для него внутренним ресурсом. Чем больше мы говорили об особенностях этнической культуры, тем выше была самооценка Мовсара, тем увереннее и свободнее он становился.

Мовсар не отрицал своё этническое происхождение, историю рода, семью или отдельных её персонажей, а тем более родителей. Ингушская традиционная культура отвергает любые проявления дискриминации и насилия в семейной системе. Огромный терапевтический потенциал содержал тот этнографический материал, который был предоставлен и обсужден с клиентом.

Чем больше мы погружались в плоскость культурного и духовного наследия ингушей, тем эффективнее была наша совместная работа. Этнокультурные ресурсы детско-отцовских отношений давали Мовсару колоссальную защиту, поддержку, опору, силу

своего ингушского народа, общины, предков, малой родины, Ингушетии.

В патриархальном ингушском обществе отец – это горы, солнечный свет, почва, ориентир в жизни, опора, крепкие руки, которые не позволят ребенку споткнуться и упасть. А ещё отец – это статус, социальное положение, фундамент, на котором держится семья, фигура, обеспечивающая ребенку связь поколений [26]. «Отец в данном случае превыше всяких дискуссий!» [27, с. 198].

В ингушских пословицах и поговорках четко обозначена роль отца. Так, в народе говорят: Даь хьехамашка ладийгIар атта гIала-та варгвац(инг.) – Кто прислушивается к советам отца, тот редко ошибается. Даьй сий дечо ший сий хьалдоаккх(инг.) – Кто чтит предков, тот возвышает свою честь. И наоборот, велико значение сына в жизни отца: ВоI воаца да пхьегIий тIа гIийла лавт-тав(инг.) – Мужчина, не имеющий наследника, понуро стоял при народе. ВоI воацачун тхов хиннаба (инг.) – Нет сына – нет крыши над головой. ВоI воаца да – бухь бийна хи, бухь бийна хи божабе атта да (инг.) – Отец без потомка – надломившееся дерево, надломившееся дерево свалить просто.

Если обратиться к этнографическим исследованиям, то становится понятно, что мужской части семьи в укладе ингушей отводилось важное место: «С 6–7 лет мальчик помогал отцу запрягать и седлать лошадь, снимать с нее седло, поить и т.д. В десятилетнем возрасте мальчикам доверяли самостоятельно пасти скот села, ...но только не в ночное время. В воспитании мальчиков усиливался акцент на физическую подготовку, главное внимание уделялось наездническому искусству, джигитовке...» [28, с. 13]. В достаточно раннем возрасте происходил «переход воспитания мальчиков к мужчинам, отцу и старшим братьям» [28, с. 13].

Подобный переход выражался «...не только в отрыве от женщин, от девочек, но, главным образом, во вживании в новую, суровую и мужественную сферу жизни, связанную со скотоводством, приобщением к мужскому обществу» [28, с. 15]. Особенно активно мальчики начинали вовлекаться в жизнь семьи в возрасте 12–15 лет. С этого возраста они выполняли целый ряд работ –

«...скородили землю, помогали при возке леса, хлеба и при уборке зерна, летом и осенью присматривали за птицей, стерегли огороды» [28, с. 15].

По достижении 16 лет обязанностей у мальчиков прибавлялось, они впервые наравне со взрослыми косили сено, становились к плугу. При этом «...физическая боль и страдание не должны были вызывать у мальчиков стоны или жалобы» [28, с. 15]. Такое полное вовлечение подростков в хозяйственную и общественную жизнь было бы невозможно без влияния и участия отца, для которого конечной целью воспитания была выработка у сына мужского благородства [28].

«Уже ребенком мальчика учили верховой езде и поощряли в нем любовь к физическим играм и состязаниям, а для подростка обязательной составной частью воспитания были джигитовка, обращение с холодным оружием и стрельба в цель. ... на охоте его учили ориентироваться на местности, делать дальние переходы и устраивать засады, переносить трудности и лишения. Подросток нередко уже имел коня и оружие, как правило, участвовал в конноспортивных состязаниях, а бывало, что и в вооруженных столкновениях» [29, с. 33]. Таким образом усваивались гендерные образцы поведения.

Кроме моделей семейных взаимоотношений между представителями разных возрастных групп, подросток должен был знать и соблюдать кодекс поведения в социуме. Любой взрослый односельчанин мог попросить его оказать помощь, и ему надо было проявить свою отзывчивость и благовоспитанность. С малых лет мальчик видел и слышал от близких людей, что нельзя со старшим заговорить первым, обгонять его и переходить ему дорогу. «Идти или ехать верхом надо, слегка приотстав от взрослого, а при встрече с ним полагается спешиться и пропустить его стоя. Двоим подросткам, идущим или едущим со взрослым, положено располагаться так, чтобы старший был справа, а младший слева от взрослого» [29, с. 41].

В воспитании ребенка принимали участие не только семья, род, хотя они были агентами первичной социализации, но и обще-

ство в целом. Если ребенок совершал проступок, то санкции могли поступить от любого взрослого жителя селения или же информацию доводили до родителей. Поскольку дети росли и развивались не только в пределах двора и улицы, но и в социуме, и на массовых мероприятиях, социальное мнение в воспитании и обучении подрастающего поколения было предельно значимым. Семья и семейный быт находились под неофициальным контролем широкого круга родственников и общества в целом [30].

«На детей старались воздействовать не столько угрозами и наказаниями, сколько уговорами, урезониванием и прежде всего добрым примером. К обычным детским проступкам относились снисходительно. Если ребенок шалил, мать или бабка останавливали его шлепком или окриком. В более серьезных случаях вмешивался отец или дед. Дед, согласно традиции, избегал физического наказания внука. Его воздействие ограничивалось порицанием.

Наказывал обычно отец, который мог лишить виновного ожидаемой обновки или права садиться на лошадь. Провинившегося могли послать вне очереди пасти скот. Несравненно реже применялись телесные наказания. ...их отцы, если им случалось к этому прибегнуть, просили никогда больше не доводить их до такой крайности и предпочитали ничего не говорить односельчанам. Объясняли это так: если человеку приходится бить своего ребенка, значит, он не сумел его воспитать, а стало быть, должно быть стыдно не столько ребенку, сколько отцу самому» [29, с. 41–42].

Основными методами воспитания у ингушей были методы убеждения, внушения, личный пример. Одним из социальных институтов, который был доступен для ресурсных людей, был институт аталычества: родители, имеющие связи с лучшими представителями кавказских народов, могли отдать своего ребенка, обычно мальчика, на воспитание кабардинцам и кумыкам. Так, ингушский революционер Иналук Мальсагов воспитывался в русской семье, просветитель Гапур Ахриев и его братья получили образование и воспитание в семье русского врача К.В. Борисевича. Аталыки формировали у ингушских детей нравственные и духов-

ные ценности, широкий взгляд на мир и на людей, великодушные и мудрость [30].

Для того чтобы рассказать, как воспитывали силу воли у мальчиков в ингушской среде, обратимся к нарративу: «Однажды при дедушке я сказал о том, что проголодался, – рассказывает педагог, писатель, общественный деятель Исса Кодзоев. – Дед так сильно поругал меня, чуть не убил. «Раб, плебей! Дала дIавакха хьо, гийга веха саг! (инг.) – Пропади ты пропадом, ненасытный! Ты никогда не станешь человеком! Даже если семь дней и семь ночей тебя не кормят, ты должен терпеть.

Женщины накроют стол, веди себя достойно и никогда не проси еды. Они сами знают, когда тебя позвать к столу!». Так воспитывали ингуши у мальчика силу воли, силу духа, чувство собственного достоинства. Ты не просишь... Ты ждешь, когда тебя позовут... Далее Исса Аюпович отметил, что за свою жизнь его дед ни разу не прикоснулся к плите – ни случайно, ни преднамеренно.

Свои чувства к детям при людях отец не демонстрировал, не ласкал их, не обнимал. Не принято повышать голос на дочь, необходимо вести себя с ней очень корректно и сдержанно. Чувства безамца кхееш хиннай йиIиг, наьха цIагIа чуюьхача цун оа-мал кIаьда а Имерза а хургйолаш (инг.) – Девочку воспитывали в атмосфере любви и заботы, чтобы она при исполнении ролей – жены, снохи, матери – была эмоционально устойчивой, способной на экологичные отношения). На сына отец мог прикрикнуть. С каким благоговением Иса Аюпович вспоминал признания своего ученика о педагогической значимости отцовского гнева: «Сов эгIазвахэ товнаш мо доагаш дола даь бIаргаш цIа бIарга ца дайначох саг хургвац хьона!» (инг.) – Не мужчина тот, кто не видел огненной ярости в глазах собственного отца! (По другой версии «Не мужчина тот, кто не видел в глазах отца огня горькой досады и глубокого чувства сожаления по поводу личного упущения в воспитании сына»).

В традиционном ингушском обществе социальный статус мужчины зависит от образцового выполнения семейных, в том числе отцовских обязанностей, но и отцовство, в свою очередь,

влияет на рейтинг мужчины, когда наличие семьи – индикатор его финансовой и социальной зрелости.

Пьющий и курящий человек в народе считался и считается слабым, безвольным, бесхребетным, беспринципным. Мне рассказывал один информант со слов своего отца о том, как делегация старейшин еще в бывшей Чечено-Ингушетии поехала решать вопрос, связанный с похищением девушки, к ее отцу. Увидев с сигаретой в зубах главу семьи (отца девушки), возглавивший делегацию мужчина сказал: «Считайте, что ползадачи мы решили!». Курить – недостаток воли, а значит отсутствие четкой позиции, твердого слова. А пьяный человек, согласно этнографическим материалам, воспринимается хуже слабоумного: «ЭгIаваьча сага никь биттаб маннача сага» (инг.) – Дурак уступил дорогу пьяному.

Лучшие традиции семейного уклада современная ингушская семья сохранила и в настоящее время: роль отца в воспитании сына по-прежнему занимает доминирующее положение. Только рядом с отцом ребенок впервые познает границы дозволенного и недозволенного – свои собственные и других людей. Рядом с отцом ребенок чувствует не только действие закона, но и его силу. С матерью отношения строятся по принципу отсутствия границ – полное слияние. Именно в мужском потоке формируются достоинство, честь, воля, целеустремленность, ответственность – во все времена высоко ценимые человеческие качества. Только отец может привить мальчику множество бытовых и социальных навыков: завязывать галстук и бриться, владеть сложными инструментами и рыбачить, ремонтировать машину и любить спорт, побеждать и держать слово...

Завершая этнокультурную часть этой истории, хочется отметить, что в своей этнической среде Мовсар не подвергался бы таким испытаниям. Историческая родина, этнокультурное наследие, родовое гнездо (прародители, дяди, тети, двоюродные братья и сестры), духовенство (муфтий, имам, кадий) обеспечили бы ему защиту и безопасность и выступили бы в качестве сдерживающего фактора для его деспотичного отца.

В основе любых и даже абьюзных токсичных детско-родительских отношений лежат две веры: родители должны любить своих детей, а дети должны любить, уважать своих родителей и заботиться о них.

Консультирование в духовном контексте клиента

Сформировать новую парадигму жизни молодого человека в результате терапевтической работы невозможно было без учета его духовной составляющей. «Религиозная жажда слишком сильна, ее корни слишком глубоки...» [25, с. 162]. Поэтому в процессе терапии делался упор на религиозность и веру клиента.

Ислам всячески побуждает и поощряет любовь и нежность родителей к детям. Если ребенок не получил достаточного количества объятий, то индекс доверия и любви к миру у него будет ниже, чем у его сверстников. Когда аль-Акра ибн Хабис увидел, как Пророк (мир ему и благословение) целует своего внука, он похвастался, что никогда не поцеловал никого из своих десятирех детей, на что Пророк сказал: «Что я могу тебе предложить, если Аллах удалил милосердие из твоего сердца?» (Бухари, № 5998).

Большинство из нас думает, что, наказывая ребенка, они проявляют заботу о нем, однако не понимают, насколько большую ответственность перед Аллахом это накладывает на нас. Мы считаем ребенка своим и полагаем, что бить его – наше неотъемлемое право. Невозможность навредить ребенку даже легким касанием дает нам урок веры в Единого Бога: «Я – не хозяин ребенка!».

С точки зрения ислама, мужчина обязан уметь сдерживать свои эмоции и обуздывать свое эго. Аллах доверил ему руководство семьей ради ее блага, а не ради удовлетворения собственных интересов. Никогда нельзя забывать слова Пророка: «Если потратим один динар на пути Аллаха, один динар для освобождения раба, один динар как милостыню (садака) для бедняка и один динар для своей семьи, то наибольшее вознаграждение мы получим за динар, потраченный на свою семью» (Муслим, № 995).

Даже если отец был несправедлив к своим детям, самое лучшее, с точки зрения ислама, – это простить его и делать дуа (вносить молитвы) о его прощении Всевышним. Способность прощать связана с индексом религиозности личности. «Психотерапия прощения» не предполагает в том числе работу с жестоким обращением и психологическим насилием, потому что «простив обидчика, человек может внутренне разрешить себе подобное обращение в будущем» [31]. Поэтому в ходе терапевтических сессий юноша проработал травму отношений с отцом, и в результате этой работы захотел простить своего отца. Активизировать основные ментальные навыки клиента, повысить комплаентность и благополучие молодого человека, эффективно пройти лечение без сопротивления и выраженной тревоги позволила ставшая бестселлером и переведённая на многие языки мира книга Аида аль-Карни «Не грусти! Рецепты счастья и лекарство от грусти» [32].

В настоящее время в северокавказском регионе, как и во всем мире в целом, наблюдается взаимодействие традиционности и модернизации. Кавказу присущи противоречия между современным и традиционным образами жизни. Однако в некоторых сферах жизни здесь не только не отрицаются, но еще больше подчеркиваются традиции и отмечается их значимость; религиозный компонент социокультурного пространства, безусловно, не переживает кризис, его роль и значение возрастают с каждым годом; коллективные формы идентичности не только не разрушаются, но и укрепляются. Традиционные общественные институты не только не разрушаются, но, наоборот, еще больше локализуются. Реальная угроза утраты национально-культурных особенностей подтолкнула народы Северного Кавказа к тому, что они с еще большей одержимостью стали презентовать свою уникальность, самобытность, неповторимость и связь со своей многовековой историей.

На примере разбора конкретного кейса из практики психологического консультирования в Республике Ингушетия нами продемонстрирована положительная динамика психологической работы, базирующейся на традиционной ингушской культуре и ценностях ислама.

Ввиду отсутствия работ по данной тематике наш проект носит характер пилотного: предполагается сбор первоначального материала, проверка выдвинутой гипотезы и определение проблем для дальнейших исследований.

Литература

1. *Сампиев И.М.* Модель модернизации Кавказа: системные условия и цель. Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа. Сборник научных статей. Назрань: ООО КЕП, 2011. С. 14–21.
2. *Аксюмов Б.В.* Северный Кавказ: между традиционализмом и модернизмом. Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа. Сборник научных статей. Назрань: ООО КЕП, 2011. С. 35–42.
3. *Ерасов Б.С.* Цивилизации: универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002. 524 с.
4. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. Пер. с англ. Велимеева Т., Новикова Ю. М.: ООО Издательство АСТ, 2003. 603 с.
5. *Ганиева Р.Х.* Мультикультурный подход в психологическом консультировании: этнорелигиозный аспект (разбор случая). *Minbar. Islamic Studies.* 2020;13(1):196–216. DOI: 10.31162/2618-9569-2020-13-1-196-216
6. *Perlman L.A., Saakvitne K.W.* Trauma and the therapist. Countertransference and Vicarious Traumatization in Psychotherapy with Incest Survivors. New York: W.W. Norton & Company; 1995. 451 p.
7. *Summit R.C.* The child sexual abuse accommodation syndrome. *Child Abuse and Neglect.* 1983; 7:177–193.
8. *Herman J.L.* Trauma and recovery. New York: Basic Books; 1992. 295 p.
9. *Борисенко Ю.В.* Психология отцовства. Москва – Обнинск: ИГ-СО-ЦИН, 2007. 220 с.
10. *Angelou M.* I know why the caged bird sings. New York: Virago, 1983. 317 p.
11. *Armstrong A.* Kiss daddy goodnight. New York: Pocket Books, 1978. 256 p.
12. *Evert K., Bijkerk I.* When you're ready. Rockville, MD: Launch Press, 1987. 194 p.

13. *O'Callaghan G.* A day called hope. London: Hodder&Stoughton, 2003. 288 p.
14. *Spring J.* Cry hard and swim. London: Virago, 1987. 128 p.
15. Бриш К.Х. Терапия нарушений привязанности: от теории к практике. Пер. с нем. Дубинской С.И. М.: Когито-Центр, 2014. 316 с.
16. *Ананьева Г.А.* Семья: химическая зависимость и созависимость. Работа с созависимостью. Методические материалы к семинару «Семья и профилактика наркомании». Казань: Отечество, 2000. С. 5–12.
17. *Silver R.* Stimulus drawings and techniques in therapy, development and assessment. New York: Trillium, 1982. 267 p.
18. *Silver R.* Identifying gifted handicapped children through their drawings. Journal of the American Art Therapy Association. 1983a; 1(10):40–46.
19. *Silver R.* Silver Drawing Test of Cognition and Emotion. Seattle, WA: Special Child, 1983b. 290 p.
20. *Silver R.* Screening Children and Adolescents for Depression Through Drawing a Story. American Journal of Art Therapy. 1988a; 26(4): 156–162.
21. *Silver R.* Three Art Assessments. New York: Brunner-Routledge, 2002. 420 p.
22. *Копытин А.И., Свистовская Е.Е.* Арт-терапия детей и подростков. 2-е изд. М.: Когито-Центр, 2010. 197 с.
23. *Hall L., Lloyd S.* Surviving child sexual abuse. London: Falmer Press, 1989. 416 p.
24. Арт-терапия женских проблем. Под редакцией Копытина А.И. М.: Когито-Центр, 2010. 270 с.
25. *Ялом И.Д.* Лечение от любви и другие психотерапевтические новеллы. Пер с англ. Фенько А.Б. М., 2012. 288 с.
26. *Barth S.* Vaterschaft im Wandel. Sozialmagazin, 2000. 310 p.
27. *Юнг К., Фрейд З., Абрахам К.* Значение отца в судьбе отдельного человека. Психоанализ детской сексуальности. Пер с нем. Под ред. Лукова В.А. СПб.: Союз, 1997. С. 185–206.
28. *Агиева Л.Т.* Этнография ингушей. Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2011. 552 с.
29. *Харсиев Б.М.-Г.* Обычаи семьи и семейного быта горцев Кавказа с конца XIX до середины XX века. Магас: ООО Пилигрим, 2015. 148 с.

30. Кудусова–Долакова Ф.И. Семья и семейный быт ингушей (конец XIX – начало XX в.). Ростов-н/Д., 2005. 240 с.
31. Павлова О.С., Алгушаева В.Р., Верченнова Е.А., Хайбуллин И.Н., Ерофеев В.А. Исламская психология: от теории и исследований к практике. Опыт участия в международной образовательной программе в Индонезии. *Minbar. Islamic Studies*. 2020;13(2):476–498. DOI: 10.31162/2618-9569-2020-13-2-476-498
32. *Аид аль-Карни*. Не грусти! Рецепты счастья и лекарство от грусти. Пер. с араб. Сорокоумовой Е. М.: Умма, 2013. 320 с.

References

1. *Sampiev I.M.* Model modernizatsii Kavkaza: sistemnye usloviya i tsel' [Model of modernization of the Caucasus: system conditions and purpose]. *Gumanitarnye i sotsial'no-politicheskie problemy modernizatsii Kavkaza. Sbornik nauchnykh statei* [Humanitarian and socio-political problems of modernization of the Caucasus. Collection of scientific articles]. Nazran: OOO KEP; 2011, pp. 14–21. (In Russian)
2. *Aksyutov B.V.* Severnyy Kavkaz: mezhdru traditsionalizmom i modernizmom [North Caucasus: between traditionalism and modernism]. *Gumanitarnye i sotsial'no-politicheskie problemy modernizatsii Kavkaza. Sbornik nauchnykh statei* [Humanitarian and socio-political problems of modernization of the Caucasus. Collection of scientific articles]. Nazran: OOO KEP, 2011, pp. 35–42. (In Russian).
3. *Yerasov B.S.* Tsivilizatsii: universalii i samobytnost [Civilizations: universality and identity]. Moscow: Nauka, 2002. 524 p. (In Russian)
4. *Samuel P.* Stolknovenie tsivilizatsii [Huntington Clash of civilizations]. Velimeeva T., Novikova Yu. (tr.). Moscow: AST Publ., 2003. 603 p. (In Russian).
5. *Ganieva R.H.* Multikulturnyi podhod v psikhologicheskoy konsul'tirovani [Multicultural approach in psychological counseling: ethno-religious aspect (analysis of the case)]. *Minbar. Islamic Studies*. 2020;13(1):196–216. DOI: 10.31162/2618-9569-2020-13-1-196-216 (In Russian).
6. *Perlman L.A., Saakvitne K.W.* Trauma and the therapist. Countertransference and Vicarious Traumatization in Psychotherapy with Incest Survivors. New York: W.W. Norton & Company, 1995. 451 p.

7. *Summit R.C.* The child sexual abuse accommodation syndrome. *Child Abuse and Neglect.* 1983;7:177–193.
8. *Herman J.L.* Trauma and recovery. New York: Basic Books, 1992. 295 p.
9. *Borisenko Yu.V.* Psihologiya otsovstva [Psychology of fatherhood]. Moscow – Obninsk: “IG –. SOCIN”; 2007. 220 p. (In Russian)
10. *Angelou M.* I know why the caged bird sings. New York: Virago, 1983. 317 p.
11. *Armstrong A.* Kiss daddy goodnight. New York: Pocket Books, 1978. 256 p.
12. *Evert K., Bijkerk I.* When you’re ready. Rockville, MD: Launch Press, 1987. 194 p.
13. *O’Callaghan G.* A day called hope. London: Hodder&Stoughton, 2003. 288 p.
14. *Spring J.* Cry hard and swim. London: Virago, 1987. 128 p.
15. *Brish K.H.* Terapiya narusheniy privyazannosti: ot teorii k praktike [Therapy of disorders of attachment: from theory to practice]. Dubinskaya S.I. (tr.) Moscow: Kogitotsentr; 2014. 316 p. (In Russian)
16. *Ananyeva G.A.* Sem’ya: khimicheskaya zavisimost’ i sozavisimost’. Rabota s zavisimost’yu [Family: chemical dependence and codependency. Working with codependency]. Metodicheskie materialy k seminaru “Sem’ya i profi laktika narkomanii” [Methodological materials for the seminar “Family and drug abuse prevention”]. Kazan: Otechestvo; 2000, pp. 5–12. (In Russian)
17. *Silver R.* Stimulus drawings and techniques in therapy, development and assessment. New York: Trillium; 1982. 267 p.
18. *Silver R.* Identifying gifted handicapped children through their drawings. *Journal of the American Art Therapy Association.* 1983a;1(10):40–46.
19. *Silver R.* Silver Drawing Test of Cognition and Emotion. Seattle, WA: Special Child; 1983b. 290 p.
20. *Silver R.* Screening Children and Adolescents for Depression Through Drawing a Story. *American Journal of Art Therapy.* 1988a;26(4):156–162.
21. *Silver R.* Three Art Assessments. New York: Brunner-Routledge; 2002. 420 p.
22. *Kopytin A.I., Svistovskaya E.E.* Art-terapiya detey i podrostkov [Art therapy of children and adolescents]. Second edition. Moscow: Kogito-tsentr, 2010. 197 p. (In Russian)

23. *Hall L., Lloyd S.* Surviving child sexual abuse. London: Falmer Press; 1989. 416 p.
24. Art-terapiia zhenskikh problem [Art therapy of women's problems]. Kopytin A.I. (ed.). Moscow: Kogito-tsentr, 2010. 270 p. (In Russian)
25. *Yalom I.D.* Lechenie ot lyubvi i drugie psihoterapevticheskie noveli [Treatment for love and other psychotherapeutic novels]. Fenko A.B. (tr.). Moscow, 2012. 288 p. (In Russian)
26. *Barth S.* Vaterschaft im Wandel. Sozialmagazin; 2000. 310 p.
27. *Jung K., Freud Z., Abraham K.* Znachenie ottsa v sud'be otdel'nogo cheloveka [The importance of father in an individual's fate]. Psikhooanaliz detskoy seksual'nosti [Psychoanalysis of infantile sexuality]. Translation from German. Lukov V.A. (ed.). St. Petersburg: Soyuz, 1997, pp. 185–206. (In Russian)
28. *Agieva L.T.* Etnografi ya ingushey [Ethnography of Ingush people]. Maikop: Poligraf-YUG, 2011. 552 p. (In Russian)
29. *Harsiev B.M.-G.* Obychai sem'i i semeynogo byta gortsev Kavkaza s kontsa 19 do serediny 20 veka [Customs of the family and family life of the Caucasus mountaineers from the end of the 19th to the middle of the 20th century]. Magas: Pilgrim LLC, 2015. 148 p. (In Russian)
30. *Kudusova-Dolakova F.I.* Sem'ya i semeynyy byt ingushey (konets 19-nachalo 20 veka) [Family and family life of the Ingush (late 19th early 20th century)]. Rostov-on-Don, 2005. 240 p. (In Russian)
31. *Pavlova O.S., Algushaeva V.R., Verchenova E.A., Khaybullin I.N., Erofeev V.A.* Islamskaya psikhologiya: ot teorii i issledovaniy k praktike. Opyt uchastiya v mezhdunarodnoy obrazovatel'noy programme v Indonezii [Islamic psychology: from theory and research to practice. Experience of participation in an international educational program in Indonesia].
32. *Haid al-Karni.* Ne grusti! Retsepty schastia i lekarstvo ot grusti [Don't be sad! Recipes for happiness and a cure for sadness]. Sorokoumova E. (tr.). Moscow: Ummah, 2013. 320 p. (In Russian)

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО КАВКАЗА В АРТ-ПРОСТРАНСТВЕ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Современное искусство – то, что создается в течение определенного времени; то, что создается из поколения в поколение; все то, что создается сегодня художниками. К современному искусству относится то, что созвучно времени, выражает и отражает это время в произведениях искусства, по которым мы знаем об этом времени. В конце XX в. художественное пространство современного искусства заметно трансформировалось: произошел переход от классического искусства к авангарду, модернизму, постмодернизму, возникли новые направления искусства – перформанс, концептуализм, акционизм, цифровое и виртуальное искусство и др. Благодаря технологическому развитию компьютерных технологий появились новые формы погружения человека в мир виртуальной реальности и визуального искусства.

Для чего нужно современное искусство? Для преемственности. Мы не можем транслировать культурные традиции без современного искусства. Только интерпретируя их, облекая в новые художественные формы, возможно транслирование культурных традиций. Все традиционное в культуре требует новых интерпретаций для каждого нового поколения.

Виртуальное информационное арт-пространство Северного Кавказа презентует мировому художественному сообществу современное кавказское искусство как этнокультурное наследие, транслирующее концептуальные, этические и эстетические парадигмы, свойственные традиционному искусству в формах авангардного и актуального искусства.

Если рассматривать актуальное искусство, появление концептуализма, перформанса, виртуального искусства в России, в частности, на Северном Кавказе и Юге России, как в достаточно консервативных и академических арт-пространствах, явля-

ющихся мозаичными этнокультурными историческими территориями кавказских этносов, которые развиваются в некоторой удаленности от мировых художественных тенденций, то следует отметить, что современное искусство, при отсутствии институций и менеджмента, «пробивает» себе дорогу и выходит в мировое арт-пространство. Современное искусство Кавказа и Юга России на стыке веков/тысячелетий актуализирует проблемы традиций, идентификации традиционной культуры, маркеров народного декоративно-прикладного искусства, путей возрождения и сохранения этнической традиции в трансформируемом художественном пространстве.

В то время, когда художественное пространство Запада и Европы транслировало новые направления, стили искусства, новые компьютерные и сетевые технологии, на Кавказе возрождались художественные традиции декоративного искусства, развивались современные направления и технологии большей частью декоративно-прикладных видов искусства, что было обусловлено особенностями духовной и материальной культуры кавказских народов. Постсоветское художественное пространство переживало тяжелые времена, когда «дикий рынок» диктовал свои условия, государственной поддержки и государственных заказов у художников и мастеров-прикладников уже не было, так как смена исторических формаций, развал большого и сильного государства, бесконечные войны на Кавказе и тяжелая экономическая ситуация никак не способствовали какому-либо творческому развитию. Переформатирование художественных пространств началось в начале нового века/тысячелетия: самоорганизовались творческие сообщества, начались поиски новых форм, путей и связей с художественными тенденциями современного мира, а открытые границы культурного обмена дали импульс для транслирования современного кавказского искусства. При этом современное искусство Кавказа не стало манифестацией или отторжением традиционных смыслов и символов художественной культуры, а совсем наоборот – искусство явилось тем языком, которым «заговорили» забытые знаки, символы, образы и традиции. Осо-

бенно ярко проявились эти культурные тенденции в Дагестане, Северной Осетии-Алании, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгее. Появилось поколение молодых и креативных художников, мастеров, музыкантов, объединяющихся в группы для реализации новых проектов, для продвижения и популяризации традиционного и современного искусства, для создания дискуссионных площадок и арт-пространств.

Культурным событием осени 2019 г., несомненно, является 1-я Биеннале современного искусства Кавказа «В поисках идентичности», которая прошла в Москве с 25 по 31 октября 2019 г. в Центре дизайна ARTPLAY. На ней были представлены около пятисот произведений более чем ста художников Северного Кавказа и зарубежья, но необъяснимым и неожиданным постфактом стало отсутствие на биеннале произведений художников из Республики Адыгея. Видимо, это стало следствием административного нахождения Республики Адыгея в Южном федеральном округе, а не Северо-Кавказском.

«Важно, что биеннале своим появлением впервые вводит термин кавказское современное искусство в международный культурный контекст. Термин, обозначающий пласт искусства, сохраняющий этно-культурное наследие региона, апеллируя фундаментальными идентификаторами кавказской культуры (язык, земля, историческая память, традиции и т.д., как уникального явления мирового значения, и неотъемлемой части современного искусства России»¹.

На биеннале были представлены скульптуры – инсталляции Темболата Гугкаева и Георгия Сабеева, Лазаря Гадаева, фотографии Джабага Кахадо. Льва Мелихова, Рустама Байрамова, Даниеля Гентеева, фотопроект *#FollowMeTo* Мурада и Натальи Османн. Художница Милана Халилова представила современную интерпретацию войлочных полотен на фоне анимационного видео. Руслан Мазлоев представил традиционное плетение ардженов в новом пластическом и стилистическом исполнении, делился своими секретами на мастер-классе по плетению.

Дагестанский мастер Магомед Моллакаев показал в проекте традиционный пластический материал глину в новых вариантах

применения. Известный ювелир Закарья Закарьяев представил концептуальный проект «Антропология денег». Впервые в контексте термина «Северо-Кавказский *modern art*» были представлены известные художники, в свое время объединенные творческими поисками в русле авангарда советской эпохи – Адиль Астемиров, Ирина Гусейнова, Андрей Колкутин, Руслан Цримов, Ярослав Бройтман, Тимур Сулейманов. Живопись и графика были представлены произведениями Марата Кесаева, Рустама Яхиханова, Вадима Каджаева, Юсупа Ханмагомедова, Магомеда Даудова, Андрея Гончара, Этери Мусаевой и др. Современное осмысление традиционной дагестанской каллиграфии представлено в серии граффити Руслана *ODINTRI* Магомедова.

Кавказскую диаспору представили ингуши Дауд и Тимур Ахриевы из США, кабардинцы братья Кахадо из США, черкешенка Зайны Эль Саид из Иордании, дагестанцы Акай Акаев из Чехии, Миро Каган из Франции, Патимат Сархан из Египта и молодой автор Макка Сотавова из Бельгии. Молодые авторы Айдемир Нехай, Артур Мижев, Егор Овчинников, Динара Казакова, Дана Абитова показали свои графические портреты, каллиграфию, фото и видеоарт, инсталляции и многое другое. Эффект «присутствия» на выставочных площадках Биеннале был успешно реализован в Инстаграмме, где был открыт специальный канал и каждый желающий мог подписаться и в прямом эфире был участником этих мероприятий.

Международный художественный симпозиум «Аланика» проводится в Северной Осетии с 2007 года и является проектом Северо-Кавказского филиала Государственного музейно-выставочного центра «РОСИЗО», организованного при поддержке Министерства культуры РФ. Главная тема XII Международного симпозиума «Аланика» в 2019 году была обозначена как «Оглянись в будущее»: как осмысливаются и отражаются в современном искусстве образы и материальные формы народных традиций и народного художественного творчества. «За прошедшие годы симпозиум сделал уверенные шаги, превратившись в серьезный форум искусства, прочно укоренившийся в эпицентре бурно про-

текающих современных художественных процессов. «Аланика», как живой, развивающийся организм, неизменно чутко реагирует на все инновации, происходящие в современной действительности. Симпозиум дополняет и развивает свои эстетические рамки, привлекая современных кураторов и художников, работающих в области актуальной культуры»².

Арт-Центр *Madina Saral'p* в Нальчике, открытый в 2012 году, является выставочной площадкой и исследовательским центром, основной концепцией которого стало развитие и сохранение национальных традиций и поддержка творческой молодежи. На сайте Арт-Центра Мадина Сарал'п отмечается, что открыты для посещения две главные экспозиции, составляющие основные концепции деятельности Арт-Центра.

Современное искусство Кавказа и Юга России может и должно быть представлено в мировом арт-пространстве как постоянно действующая и развивающаяся институция, для создания которой сложились все объективные предпосылки.

Литература

1. 1-ая Биеннале современного искусства Кавказа «В поисках идентичности». Текст: электронный // РАПАНА. Культурное пространство Кавказа: [сайт]. 2019. 20 октября. URL: <https://rapahastories.ru/biennale/>
2. ALANIKA 2019 [сайт]. Владикавказ, 2019. URL: <http://alanicafest.ru/?fbclid=IwAR3skc1dHwaQ3LCoImFMeYmcR59vdy7LvH9UudRPeMFRc4xFx23ejODm11Y>

**А.Д. Койчуев,
Л.К. Текеева,
Д.Д. Чотчаев**

(г. Карачаевск, Карачаево-Черкесская Республика)

ГОРЦЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА – УЧАСТНИКИ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ. 1941–1944 гг.¹

22 июня 1941 года фашистская Германия без объявления войны, в нарушение мирного договора о ненападении (пакт Молотова и Риббентропа) вероломно напала на Советский Союз. Вторая мировая война была самой кровопролитной и жестокой в истории. В войну было втянуто 61 государство, на территории которых проживало 80 % населения земного шара. Боевые действия шли на территории 40 государств.

Великая трагедия заключается в том, что человечество в этой войне по вине фашизма потеряло 50 миллионов людей, что в 5 раз больше, чем в Первую мировую войну. Потери советского народа во Второй мировой войне составили 26,6 миллиона человек. Из них 11 520 200 человек погибло из состава советских вооруженных сил, а потери мирного населения составили 15 079 200 человек. В этой же войне погибли на фронте или пропали без вести более 15 000 человек из многонациональной Карачаево-Черкесской Республики. Общие потери Германии и её союзников составили 8 649 300 человек [1. Каратуев М.И. 60 лет Великой Победы (итоги и уроки) // Великая Победа. Итоги и уроки. Санкт-Петербург – Пушкин, 2006. С. 12, 16.]

Всем известно, что партизаны в тылу врага наносили огромный ущерб немецко-фашистским оккупантам, взрывая железнодорожные и автомобильные мосты, переправы, пуская под откос фашистские эшелоны с живой силой, военной техникой и боеприпасами, освобождая пленных красноармейцев и т. д.

Как известно, Белоруссию по праву называли партизанской республикой. За время оккупации фашистами на ее территории

были образованы и вели боевые действия 1 255 партизанских отрядов, из которых 997 входили в состав 213 бригад, а 258 сражались самостоятельно. Всего в партизанских отрядах насчитывалось 374 тыс. бойцов, в том числе 70 тыс. человек находились в боевом подполье. В рядах партизан сражались люди разных возрастов, мужчины (84%), женщины (14%).

Ряды партизан пополнялись во многом за счет местного населения, а крепким ядром партизанских отрядов были советские военнослужащие. Это объясняется тем, что в 1941 г. многие советские воинские части в приграничных боях были разбиты агрессором, который напал внезапно. В тяжёлых кровопролитных боях на западной границе с врагом, превосходящим не только по численности армии, но и вооружением, несмотря на ожесточенное сопротивление, Красная армия в первые месяцы войны, понеся большие потери, вынуждена была отступить.

В приграничных сражениях много советских солдат и офицеров погибли или пропали без вести. А тысячи солдат и офицеров, вырвавшись из окружения, оказались на оккупированной белорусской земле в тылу врага. В большинстве своем они стали ядром партизанских формирований. Среди партизан на территории Белоруссии были представители всех народов СССР, в том числе мужественно сражались с фашистами не менее тысячи человек, горцев Северного Кавказа. Некоторым из партизан, прежде чем они вступили в партизаны, пришлось пройти через муки плена и концлагерей. Они бежали из фашистского плена, в основном, из «Северо-Кавказского немецкого легиона», который был сформирован из числа военнопленных, находящихся в немецких концлагерях на территориях европейских стран. «Северо-Кавказский немецкий легион», в основном использовался на восточном фронте для охраны немецких военных объектов, железнодорожных станций, мостов, складов оружия и боеприпасов, автомашин и другой военной техники. Военнопленные бежали из плена и вступали в партизанские отряды, это были представители многих наций и народностей нашей страны. Активными участниками партизанского движения на оккупированной белорусской земле,

наряду с русскими, белорусами, украинцами и представителями других народов СССР, были и горцы Северного Кавказа. По нашему мнению, их было не менее 1000 человек. Нам удалось на сегодня установить около 300 человек. Например, представителей народов Дагестана – 16 человек, чеченцев – 5 человек, ингушей – 3 человека. Это Газигов Умар Мурсалович, 1920 г.р., из села Редант Пригородного района. Хамхоев Джарап Иссанович, 1910 г.р., Матыев Жебраил Харитонович, 1918 г.р., из села Длинная Долина Пригородного района ЧИАССР, карачаевцев – 48 человек, балкарцев – 25 человек, осетин – 69 человек, адыгейцев – 8 человек, кабардинцев – 33 человек, черкесов – 16 человек, абазин – 5 человек, ногайцев – 10 человек.

Скрупулёзная работа по выявлению остальных участников партизанского движения в архивах и музеях Белоруссии продолжается. В истекшем году нам в значительной мере помешала ситуация с пандемией. Мы обязательно доведём эту работу до логического завершения. В рамках выполнения задания по выигранному кафедрой истории России нашего университета гранту на эту тему планируется издание солидной монографии.

Информацию о героической борьбе горцев Северного Кавказа в рядах партизан на территории Белоруссии более подробно рассмотрим на примере карачаевцев, так как мы этой проблемой занимаемся не первый год.

Из выявленных 48 карачаевцев 5 человек были легендарными командирами партизанских отрядов. Это Осман Муссаевич Касаев, Герой Советского Союза, Кичи-Батыр Алимурзаевич Хаиркизов, Герой РФ, Юнус Кеккезович Каракетов, Герой РФ, Аскер Хабатович Бархозов и Курман-Али Рамазанович Кипкеев. Еще 5 человек воевали командирами рот, взводов, пулемётчиками, были представлены к присвоению звания Героев Советского Союза, но из-за принадлежности к депортированному народу заслуженные ими высокие звания до сих пор не получили.

Осман Муссаевич Касаев, карачаевец из аула Хурзук Учкуланского района Карачаевской автономной области, Великую Отечественную войну встретил на Западном фронте. В апреле

1942 г. в Бельничском районе группа военнослужащих во главе с М.И. Абрамовым и О.М. Касаевым, оказавшись в тылу врага, организовала партизанскую группу. В мае 1942 г. она была переименована в 121-й партизанский отряд, который вошел в состав Кличевского оперативного центра. С 27 ноября 1942 г. по июнь 1943 г. отряд входил в состав 6-й Могилёвской бригады, затем был передан в Могилёвскую военно-оперативную группу. Осман Касаев с мая по июль 1942 г. был комиссаром отряда, с июля 1942 по ноябрь 1943 г., командиром отряда, а с ноября 1943 по февраль 1944 г. командиром 121-го партизанского полка. 121-й партизанский полк под командованием капитана Османа Касаева вырос в крупное, хорошо вооружённое военное формирование, насчитывающее 1200 человек. Полк наводил страх на фашистских оккупантов, которые организовали против него 5 карательных экспедиций, но все они были безуспешны. Комендант Могилёва генерал Эрмансдорф жаловался гитлеровскому наместнику в Белоруссии: «Всюду агенты партизан. Особенно много их в Могилеве. В Хрипелеве, Угольщине, Песчанке и в других деревнях западнее Могилёва обосновался 121-й полк красных бандитов. Полком командует некий кавказец Осман, коварный, опытный в военном деле большевистский комиссар...» [2. Ленини Байрагы. 1977. 17 мая].

Приказом НКО СССР от 23 ноября 1943 года ему было присвоено воинское звание капитан. В январе 1944 года он был представлен к присвоению звания Героя Советского Союза и к очередному воинскому званию – майор.

В боевой характеристике Османа Касаева бывший секретарь Могилевского подпольного райкома ВКП (б) Станкевич писал: «Своей храбростью и боевой отвагой Касаев завоевал безграничное доверие партизан и изумительную популярность среди гражданского населения, чутко относясь к их нуждам, за что снискал себе бессмертную память». Осман Касаев везде успевал, разделял радости и горе своих партизан, любая деталь лагерной партизанской жизни не ускользала от его внимания. Он каждый день заходил к раненым и отечески их подбадривал. Он, даже умирая,

просил: «Приподнимите меня, дайте я посмотрю в последний раз на своих ребят», – вспоминает партизанка, медсестра 121-го партизанского полка М.И. Астапенко. «121-й партизанский полк никогда не имел поражений, он был способен малой кровью поражать крупного врага. Полк всегда брал под защиту мирное население, не допускал угона их на каторгу в Германию и истребления, чем Касаев снискал себе высокий авторитет среди партизан и мирного населения и легендарную славу героя-партизана», – писал в характеристике на О.М. Касаева командир военно-оперативной группы при Могилевском подпольном обкоме КП (б) подполковник Солдатенко. Он же подчеркивал, что О.М. Касаев за выдающиеся успехи в развитии партизанского движения и партизанской борьбы был награжден правительственными орденами и медалями: Орденами Красного Знамени и Отечественной войны I-й степени, медалью «Партизану Отечественной войны» I степени и неоднократно представлялся к присвоению звания Героя Советского Союза и к воинскому званию «майор» [3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 3500. Оп. 19. Лл. 27, 28, 77]. Однако заслуженная им высокая награда Родины так и не была получена по известным причинам. О.М. Касаев погиб смертью героя 18 февраля 1944 г.

Высокое звание Героя Советского Союза Касаеву О.М. было присвоено (посмертно) Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 г.

Легендарными командирами партизанских отрядов Витебской области БССР были карачаевцы Хаиркизов Кичибатыр Алимурзаевич из аула Верхняя Мара и Каракетов Юнус Кёккесович из аула Эльтаркач. Они оба к началу Великой Отечественной войны находились на действительной военной службе. Нападение фашистской Германии на СССР встретили недалеко от границы в разных воинских частях. В тяжелых боях под г. Борисовом их воинские части были истреблены. В лесу оба, тяжело раненные, случайно натолкнулись друг на друга. Их выходил и вылечил в деревне белорусский крестьянин. Окрепнув, оба они ушли в леса и под городом Борисовом создали партизанские отряды.

В ноябре 1942 г. из двух отрядов была сформирована партизанская бригада: отряд «Коли», командир Кичибатыр Хаиркизов, отряд «Лёни» командир – Юнус Каракетов. Командир бригады был Василий Леонов. Отряды быстро росли. В мае 1943 г. в бригаде было 800 бойцов, в июле – 1200. За смелость и отвагу Кичибатыр Хаиркизов был выдвинут на должность заместителя командира бригады. Он трижды был ранен, в июне 1943 г. – смертельно: пуля попала прямо в сердце. Юнус Каракетов, командир партизанского отряда погиб 8 июня 1944 г., спасая командира взвода [4. НАРБ. Ф. 3500. Оп. 5. Д. 5. ЛЛ. 146, 186–187, 260]. В упомянутом выше письме, Е.И. Барановский и Т.М. Антонович отмечали: «Выявлено, что командование партизанской бригады В.С. Леонова представляло в марте 1943 г. Каракетова Ю.К. за выдающиеся боевые заслуги, проявление личного мужества и доблести в борьбе против немецко-фашистских захватчиков к присвоению высокого звания Героя Советского Союза. Однако по неизвестным для нас причинам Каракетов Ю.К. не был удостоен названной выше награды. Такая же судьба постигла и Хаиркизова К.А.».

Историческая справедливость по отношению к Ю.К. Каракетову, лейтенанту, К.А. Хаиркизову с большим опозданием, но возторжествовала. Указом Президента РФ Б.Н. Ельцина от 5 октября 1995 г. № 1016 «За мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», им было присвоено звание Героев Российской Федерации (посмертно).

Одним из организаторов и руководителей партизанского движения в Белоруссии был другой посланец Карачая – Бархзов Аскер Хабатович. В Быховском районе Могилёвской области Белоруссии он командовал 830-м партизанским отрядом. 27 декабря 1942 г. после приема в отряд он начал службу в качестве помощника командира взвода, через месяц, в январе 1943 г., его назначили командиром взвода, весной дали роту, а летом того же года Бархзова А.Х. назначили командиром вновь создаваемого партизанского отряда. Он сам организовал этот отряд, сам подбирал в него людей. Бархзов готов был в бою отдать свою

жизнь за каждого своего партизана. Порядок и дисциплина в отряде были армейские. Самый молодой отряд в бригаде воевал так, что бывалые партизаны завидовали. Аскер Бархозов и его отряд были грозой для фашистов. Он был активным участником и руководителем разгрома многочисленных немецких гарнизонов и полицейских участков. Бархозов организовал крушение 2-х вражеских эшелонов, им было подбито и уничтожено 6 автомашин противника, проведены 3 блестящие крупные боевые операции. При этом оккупанты потеряли убитыми и ранеными более 200 солдат и офицеров. Отрядом Бархозова А.Х. было уничтожено более 700 фашистов. Он, как талантливый командир, смелый боец, пользовался большим авторитетом у личного состава отряда и мирного населения Белоруссии. За боевые заслуги, мужество и отвагу он был награжден Орденом Красного Знамени и медалью «Партизану Отечественной войны» I-й степени. По данным Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны, А.Х. Бархозов был представлен к присвоению звания Героя Советского Союза [5. НАРБ. 3500. Оп. 8. Д. 16. Л. 252–266]. От полученных ран он умер в 1946 г. в Средней Азии. Заслуженное ценою его жизни высокое звание до сих пор ему не присвоено.

В Барановичской области Белоруссии командовал ротой, а с января по апрель 1944 г. – партизанским отрядом им. С.М. Кирова политрук Курман Рамазанович Кипкеев, карачаевец из аула Верхняя Теберда. Он прибыл в партизанский отряд из плена. За время пребывания в отряде Кипкеев проявил себя бесстрашным бойцом, знающим, умелым командиром. Ротой под его командованием было ликвидировано 2 вражеских эшелона, подорвано 268 рельсов. Он в качестве командира партизанского отряда руководил 6 крупными боями, в которых было уничтожено 44 гитлеровца [6. НАРБ. Ф. 3625. Оп. Д. 21. Л. 49].

Шоштаев Ниязи Ахлауович, карачаевец из аула Каменномост, встретил начало войны в рядах Красной армии, служил пулеметчиком. Возле Пинска Барановичской области попал в окружение, был ранен. Его подобрали и выходили белорусские крестьяне. В 1943 г., оправившись от ран, он вступил в партизанский отряд

им. Суворова. В марте 1944 г. отряд вблизи канала Днепр-Буг сражался с фашистами. Ниязи Шоштаев погиб в жестоком бою, отстреливаясь в доте, уничтожил 2 пулеметных расчета врага. В этом бою было уничтожено более 400 фашистов. Большинство из них осталось лежать вокруг дота Шоштаева. Он был похоронен в Ивановском районе Брестской области [7. Ф. 4122. Оп. 4122. Д. 6. Л. 27–28].

Младший сержант Мурадин Гаджаев, 1918 г. р., карачаевец из аула Нижняя Теберда Микоян-Шахарского района, встретил войну 22 июня на западной границе в 75-м гаубичном полку отдельного зенитного дивизиона под деревней Дубно. Он попал в плен на границе, потеряв сознание. В феврале 1942 г. бежал из лагеря, расположенного на территории Польши вместе с тремя товарищами. 2 марта 1942 г. они вступили в партизанский отряд им. Н.А. Щорса (в районе Бреста). М.Ш. Гаджаев благодаря мужеству и героизму при проведении военных операций в партизанском отряде вырос от рядового до командира роты. Рота Гаджаева взорвала около 600 железнодорожных рельсов, уничтожила около 2 400 м телефонно-телеграфной линии связи. При его личном участии было пущено под откос 62 воинских эшелона противника с живой силой и техникой, уничтожены 64 паровоза и более 630 вагонов. Из 62 эшелонов 15 Мурадин подорвал лично. При крушении поездов и в боях ротой было уничтожено 1 400 солдат и офицеров противника. М.Ш. Гаджаев был шесть раз ранен и дважды контужен [8. НАРБ. Ф. 3500. Оп.15. Д. 25. Л. 109]. После войны он жил в городе Бресте, являлся почетным гражданином города. За активное участие в партизанском движении Белоруссии, доблесть и мужество, проявленные в боях против немецко-фашистских захватчиков, Гаджаев был награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «Партизану Отечественной войны» I степени, «За боевые заслуги».

По данным Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны и по свидетельству В.А. Нестеренко, В.П. Горщарук, других его боевых соратников, Гаджаев М.Ш. был представлен к присвоению звания Героя Советского Союза. Одна-

ко заслуженную им награду ему не присвоили из-за принадлежности к незаконно репрессированному карачаевскому народу. Он умер в 1989 г., был похоронен в городе-герое Бресте.

Крымшаухалов Шукур Байрамукович, карачаевец из аула Верхняя Теберда, был призван в Красную армию в 1940 г. Когда началась война, 507-й артиллерийский полк, где он служил пулеметчиком, из Саратовской области перебросили в Западную Белоруссию. В начале войны полки с тяжелыми потерями отступали и под Могилевом оказались в окружении. Шукур Крымшаухалов со своим земляком Юсуфом Чомаевым вырвались из окружения и стали искать партизан. В марте 1942 г. они наткнулись в лесу на отряд «За Родину!» партизанской бригады И.С. Покровского в Песчанском районе Могилевской области. Они стали проситься в партизанский отряд. Комбриг, как и положено, стал проверять, кто они такие и откуда. Они доложили, что родом с Северного Кавказа, карачаевцы по национальности. В это время подъехал верхом на лошади командир 121-го партизанского отряда Осман Муссаевич Касаев. Он сказал комбригу: «Карачаевцы – один из мужественных народов Северного Кавказа. Я тоже карачаевец». Они были приняты в отряд. Их командир П.Н. Гончаров потом говорил: «Теперь я понял, что вы представители мужественного народа, вы – карачаевские орлы».

Шукур Крымшаухалов вскоре был назначен командиром взвода. Он добивался, чтобы его взводу поручали самые опасные и ответственные задания, с которыми он прекрасно справлялся. Политрук партизанской роты Г.П. Морозов в партийной рекомендации Крымшаухалову писал: «Мужественный, отважный, верный товарищ, со всеми в братских отношениях. За Родину готов идти в огонь и в воду».

Партизанская бригада Покровского и полк Османа Касаева освободили город Могилев и Могилевскую область. Крымшаухалов за боевые заслуги был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу», «Партизану Великой Отечественной войны» I степени и т.д.

По данным Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны и П.Н. Гончарова, бывшего командира партизанского отряда «За Родину!» бригады «Беларусь», Ш.Б. Крымшаухалов был представлен к присвоению звания Героя Советского Союза [9. НАРБ. Ф. 4053. Оп. 1. Д. 39. Л. 10–11].

Одним из прославленных партизан в Белоруссии был карачаевец Чомаев Юсуф Джаттаевич. Он также был одним из тех, кто застал Великую Отечественную войну на западной границе, а затем оказался в окружении и стал партизаном в Минской области. Юсуф Чомаев вначале командовал взводом, а затем ротой. Он был трижды ранен, но никогда не уходил из строя, продолжал командовать ротой.

После освобождения Белоруссии на военном параде в Минске Юсуфу Чомаеву, как самому отважному командиру прославившейся роты, было поручено нести Красное знамя партизанской бригады «Беларусь». За совершенные им подвиги он был награжден орденом Красной Звезды и многими медалями. По данным Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны, Ю.Д. Чомаев был представлен к присвоению звания Героя Советского Союза [10. НАРБ. Ф. 4053. Оп. 1. Д. 68. Л. 3–4].

22 ноября 1994 г. директор Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны в письме Председателю Совета Министров Карачаево-Черкесской республики В.И. Хубиеву подчеркивал: «Как свидетельствуют документы, хранящиеся в фондах музея, карачаевские партизаны в тяжелых условиях оккупации проявили исключительное мужество, интернационализм, беспредельную преданность Родине. Они внесли достойный вклад в борьбу народных мстителей за освобождение родной земли от гитлеровцев». Генеральный директор Национального архива Республики Беларусь Е.Л. Барановский, зав. отделом информации и научного использования документов XX в. Т.М. Антонович в письме, адресованном Комиссии по реабилитации карачаевского народа при Совете Министров Карачаево-Черкесской республики, отмечают: «Участие партизан-карачаевцев в борьбе против фашистских оккупантов заслуживает добрых слов за проявленные ими личные качества мужества, во-

инский профессионализм, боевое товарищество, героическое поведение в боевых операциях против карателей» [11. Письмо директора Белорусского государственного музея Г.И. Гаркун главе КЧР В.И. Хубиеву от 24. 11. 1994. № 3489].

В годы Великой Отечественной войны высшим отличием партизанской доблести, признанием огромных заслуг в борьбе против немецко-фашистских захватчиков являлось присвоение отрядам и бригадам имён отличившихся бойцов и командиров, погибших в сражениях. В Белоруссии более 70 бригад, полков и отрядов носили имена прославленных партизан. Так, 121-му партизанскому полку, действовавшему в Бельничевском и Быховском районах Могилёвской области, который насчитывал 1200 партизан, в марте 1944 г. было присвоено имя погибшего 18 февраля 1944 г. командира, славного сына карачаевского народа Османа Муссаевича Касаева, посмертно удостоенного звания Героя Советского Союза. Партизанскому отряду Витебской области было присвоено имя погибшего в июне 1943 г. Кичибатыра Алимурзаевича Хаиркизова, зам. командира бригады, посмертно удостоенного звания Героя Российской Федерации [12. Письмо директора Белорусского государственного музея Г.И. Гаркун главе КЧР В.И. Хубиеву от 24. 11. 1994. № 3489].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны на территории Белоруссии, оккупированной фашистами в 1941–1944 гг., посланцы горцев Северного Кавказа принимали активное участие в партизанском движении. По имеющимся данным, шесть человек командовали партизанскими отрядами, многие офицеры – ротами, взводами, отделениями, служили рядовыми партизанами. Горцы – сыны республик Северного Кавказа в рядах партизан нанесли фашистам значительный урон.

За проявленные организаторские способности, личную отвагу, мужество и героизм троим представителям КАО, командирам партизанских отрядов присвоены высокие звания Героев: Советского Союза – Касаеву О.М., Российской Федерации – Хаиркизову К.-Б.А. и Каракетову Ю.К. Все остальные участники партизанского движения на территории Белоруссии за мужество и отвагу были награждены разными боевыми орденами и медалями.

М.Б. Долгиева,

Д.А. Зангиева

(г. Магас, Республика Ингушетия)

ГЕРОИЧЕСКИЙ ПУТЬ 255-го ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОГО КАВАЛЕРИЙСКОГО ПОЛКА

Великая Отечественная война была самым тяжелым и масштабным испытанием для всех народов Советского Союза. В этой войне страна понесла многочисленные людские потери, как среди военнослужащих, так и гражданского населения. Количество погибших по официальной статистике составило около 27 миллионов человек. Никогда ранее страна не сталкивалась с подобным количеством военных жертв. Наряду с русским народом активное участие в войне принимали и другие жители многонациональной страны, в том числе уроженцы Северного Кавказа: ингуши, чеченцы, дагестанцы, балкарцы, карачаевцы, осетины и другие.

В ходе военных действий с Германией назрела острая необходимость для ввода дополнительных войск и отрядов на театр боевых действий. В этой ситуации руководством страны было принято решение о формировании национальных частей и соединений.

Процессу создания национальных воинских соединений предшествовало Постановление ГКО от 13 ноября 1941 г., в соответствии с которым разрешалось иметь собственные национальные дивизии [1, с. 220].

Таковыми формированиями, созданными на территории Северного Кавказа, были – 114-я Чечено-Ингушская кавалерийская дивизия, 115-я Кабардино-Балкарская кавалерийская дивизия, 255-й отдельный Чечено-Ингушский кавалерийский полк и отдельный Дагестанский кавалерийский эскадрон.

Все эти военные формирования прошли достойно свой боевой путь. В отличие от других формирований, система комплектования национальных частей осуществлялась «на добровольных началах» [1, с. 220].

По настоятельному ходатайству ингушских и чеченских офицеров к правительству начался добровольный набор военнослужащих из числа жителей Чечено-Ингушетии.

Однако формирование 114-й Чечено-Ингушской кавалерийской дивизии не было полностью завершено по причине приказа Лаврентия Берия, согласно которому призыв ингушей и чеченцев на воинскую службу был прекращён. Не понимая причин такого отношения к себе, представители ингушского и чеченского народов стали ходатайствовать о создании из добровольцев военного формирования, в составе которого планировали уничтожить противника и освободить свою родину.

Особое внимание исследователей привлекает процесс формирования и боевой путь 255-го отдельного Чечено-Ингушского полка. История этого полка началась после инициированного Берией расформирования 114-й Чечено-Ингушской кавалерийской дивизии. По настойчивому ходатайству Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров ЧИАССР из состава дивизии сохранены были лишь незначительные части. Ими оказались 255-й отдельный Чечено-Ингушский полк и Чечено-Ингушский отдельный дивизион.

В соответствии с Приказом Ставки ВГК № 0043 от 03.03.1942 года с 18 марта 1942 г. на базе 114-й Чечено-Ингушской кавалерийской дивизии был сформирован 255-й отдельный Чечено-Ингушский кавалерийский полк, который впоследствии переводят в состав отдельного кавалерийского корпуса генерала Б.А. Погребова. Помимо ингушей и чеченцев, в его составе были терские и сунженские казаки, численность личного состава дивизии составляла в четырех эскадронах примерно 1500 бойцов. Командиром полка был назначен ингуш – Японц Абадиев, а начальником штаба чеченец – Мовлид Висаитов.

«При инспекторской проверке полк Абадиева занял первое место по всем статьям: по строевой выучке, приемам рукопашного боя, стрельбе, рубке, освоению материальной части оружия, тактике ведения боя в составе мелких подразделений и разведке» [3, с. 44].

Однако, 13 мая 1942 года вместо Японца Абадиева, получившего к тому времени новое назначение, командиром полка стал Мовлид Висаитов.

Боевой путь 255-го отдельного Чечено-Ингушского кавалерийского полка был сложным и трагическим. Этот полк принимал участие в битве за Кавказ (25 июля 1942 года), в Сталинградской битве (23 августа 1942).

Особенно отличился полк в битве на Волге, находясь в составе 64-й армии под командованием генерал-майора М. С. Шумилова, который в свою очередь был включен в оперативную группу генерала Чуйкова, действовавшую на дальних подступах к Сталинграду. Как говорил сам генерал Василий Чуйков: «За Волгой для нас земли нет» [2, с. 38–39]. Этого девиза придерживался и каждый боец 255-го полка, защищая подступы к Волге. После сдачи Ростова-на-Дону 255 Чечено-Ингушский кавалерийский полк был переброшен под Сталинград.

Одним из кровопролитных сражений 255-го полка стала Сталинградская битва, в которой полк принимал активное участие с самого ее начала. Обогнав противника, 255-й встал прямо перед ним, преграждая врагу дальнейший путь к Сталинграду. Стойко стояли кавалеристы в неглубоких окопах на равнине вместе с немногочисленными товарищами из пехотных рот против сотен танков, под авиабомбами, под ударами дальнобойной артиллерии гитлеровцев. Бойцы 255-го, встречая атаки танков и пехоты противника, распевали боевые народные песни и, готовясь к смерти, в полголоса произносили отходные молитвы. Полк понес многочисленные потери, но выстоял. До конца 1942 года 255-й полк находился на южных подступах к Сталинграду. Бойцы полка отважно сражались под Сталинградом.

Я. А. Абадиев

Особенно тяжелыми и кровопролитными были бои в районе с. Котельниково. Здесь 3 августа 1942 г. у железнодорожной станции Чилеково 255-й отдельный Чечено-Ингушский кавалерийский полк, прикрывавший отход советских войск, выступил против 4-й танковой немецкой армии и был атакован частями 78-го немецкого танкового корпуса этой армии. В ходе боя были подбиты четыре вражеских танка и уничтожены десятки солдат противника, но полк вынужден был отступить из-за нехватки сил.

Огромные потери понес полк в личном составе, под напором превосходящих сил противника, поддерживаемого штурмовой авиацией в сражениях у Котельниково, Чилеково, Садовой, у озера Цаца и в некоторых других местах. Это были беспрецедентные бои, когда конница шла в атаку против железных танков. Кавалеристы бросались на танки с шашками. Местные жители, вспоминая события тех лет, говорили, что воины этого полка бросались в бой под звуки зурны, поддерживая и подбадривая друга и, готовясь к смерти, в полголоса произносили отходные молитвы.

4 августа в бою под Чилековым полк подвергся атакам с воздуха, а затем был рассеян танками противника и потерял, как сказано в журнале боевых действий полка, «убитыми, ранеными, свыше 50% людей и до 70% лошадей», а также значительную часть вооружений и имущества [<http://yablor.ru/blogs/gorci-v-krasnoy-armii-1942-g/4487428>].

Немцы, озлобленные их стойкостью и мужеством, размазывали упавших на землю солдат, а также их лошадей. В военной истории не было факта, когда кавалерию бросали в бой против мощных танков.

В ходе этого сражения с армией фашистской Германии, погибло более трехсот солдат и офицеров отдельного Чечено-Ингушского кавалерийского полка. Погиб в этом бою и комиссар ст. поллитрук М.Д. Имадаев.

Перед полком была поставлена боевая задача сдерживать врага в течение нескольких часов. Оставшись без поддержки артиллерии, и не получив вовремя приказ об отступлении, оставшись

*Мальсагов О. М. – старший сержант 255-го
отдельного Чечено-Ингушского полка*

лицом к лицу с танковой дивизией, фактически полк удерживал врага, нанося ему ощутимый урон в течение нескольких дней.

Но пополнение рядов полка из числа жителей Чечено-Ингушетии было невозможно, поэтому командованием было принято решение из остатков полка создать два разведывательных кавалерийских дивизиона и влить их в 4-й кавалерийский корпус под командованием генерал-лейтенанта Т.Т. Шапкина.

Сталинградская битва является одной из самых кровавых и трагических страниц Великой Отечественной войны. Вместе с тем, результат этой битвы изменил дальнейший ход всей войны, сыграв решающее значение и положив начало коренному перелому в войне.

Свою лепту внесли в эту победу над врагом и воины 255-го полка в составе, которого были ингуши: Мальсагов Орцхо (Арико), Аушев Мухарбик, Белхароев Хамид, Берсанов Х., Булгучев Джабраил, Гойгов Магомед, Горчханов Зелимхан (старший писарь), Дакиев Асхаб (санитар), Добриев Мухтар, Додов Амарал, Долаков Султан, Коздоев Баудил, Кадзоев Хасан, Кодзоев Магометгирей, Келигов Умар, Келигов Магомед, Кортыев Кумтан, Кортыев Ильяс, Кортыев Зелимхан, Котиков Биборт, Льянов Або, Мальсагов Занги, Мальсагов Хасан, Оздоев Ибрагим, Султыгов Мовла, Тангиев Зелимхан, Тумгоев Муса, Ужахов Ахмед, Ужахов Аслангирей, Фаргиев Магомед, Халхаев Саюп, Халухаев Саит, Чапанов Али-Саит, Цуров Шабазгирей [4, с. 74–91].

Начальником связи 255-го полка служил Зелимхан Магометович Тангиев [5, с. 98].

Литература

1. *Безугольный А.Ю.* Народы Кавказа и Красная армия. 1918–1945 годы. М., 2007.
2. *Яндиева Т.У.* Ингушетия в Великой Отечественной войне. Кн. 1. Ростов-на-Дону, 2005.
3. *Абадиев Б.* Подполковник из Насыр-Корта // Возвращение к истокам. (Сост. Хамчиев С.А.). Саратов, 2000.
4. *Архивный вестник.* Вып. VIII. Назрань, 2012.
5. *Кодзоев Н.Д.* Базоркинцы – участники Второй мировой войны // *Архивный вестник.* Вып. VI. Назрань, 2010.

РОЛЬ ГАЙДАРА БАММАТА В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ОТНОШЕНИЙ ГОРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1918–1920 гг.)

Г. Баммат интересен не только как одна из необыкновенных личностей своего времени, как общественный и государственный деятель, но и как мыслитель, публицист, аналитик. Творческое, историческое наследие Г. Баммата явилось предметом изысканий многих исследователей. Но интерес к его творческому и историческому наследию не утихает, напротив, есть потребность в анализе его понимания и оценки ситуации того времени, в котором он жил. Ведь Г. Баммат пережил самые крутые повороты истории, был в гуще наиболее знаковых событий, соприкасался с историческими личностями своего времени.

Зачастую с его именем связывают дипломатическую историю Горской Республики – государства народов Северного Кавказа (1918–1920) и эмигрантскую политическую деятельность кавказцев. Однако, не менее интересна фигура Г. Баммат и в общем контексте азербайджано-северокавказских взаимоотношений. Еще, будучи членом Тифлисского мусульманского совета, Г. Баммат принял участие в работе Особого совещания 11 ноября 1917 г. в Тифлисе. От Дагестанского областного исполкома Г. Баммат вошел в состав основанного в конце 1917 г. Закавказского комиссариата (15 ноября 1917–10 апреля 1918) [1, с. 179].

В то время среди представителей Кавказа наметилась поляризация взглядов на отношение к идущей в Европе и Азии Первой мировой войне. Представители Азербайджана и Северного Кавказа сочувственно относились к единой Турции. В условиях роста национальных и религиозных чувств эта тяга была особенно велика.

В марте 1918 г. на закрытом совещании руководителей Дагестанского областного исполкома и Национального комитета с представителями Союза горцев Северного Кавказа, состоявшемся в доме князя Тарковского, была обсуждена тяжелейшая ситуация в связи с угрозой северокавказским народам со стороны захвативших власть большевиков, а также поддерживающих их солдат и дашнаков. Было принято единогласное решение направить в Оттоманскую империю делегацию за военной помощью «для установления порядка и спасения ислама», так как национально-государственному строительству мешали находившиеся в Дагестане большевики [2, с. 106]. В состав полномочной делегации вошли Зубаир Темирханов, Абдул Меджид Чермоев, Мухаммед-Кади Дибиров и Гайдар Баммат. Они отправились в Трапезунд, а затем в Стамбул на переговоры с оттоманским правительством, заверявшим, что окажет помощь народам Северного Кавказа. Члены делегации призвали Закавказский комиссариат «прекратить враждебные отношения между Тифлисом и Турцией» [1, с. 180]. Планировалось объединение Южного и Северного Кавказа в одно государство и признание его независимости. Делегаты Северного Кавказа, и в частности, Гайдар Баммат доказывали, что судьба Южного Кавказа зависит исключительно от существования на Северном Кавказе независимого государства. В декларации от 1 апреля, представленной главой северокавказской делегации Г. Бамматом председателям оттоманской и закавказской делегаций, в связи с этим отмечалось: «Северный Кавказ твердо убежден, что Закавказье не может существовать без связи с территориями народов Дагестана и Северного Кавказа. Создание единого Кавказского государства продиктовано географическими, экономическими, стратегическими и политическими размышлениями...» [3, с. 23–24]. Эти же инициативы получили свое развитие и на состоявшейся в мае Батумской мирной конференции, целью которой было заключения договора мира и дружбы между Оттоманской империей и Закавказской Федеративной Республикой [4, с. 312–313]. Параллельно Г. Баммат от имени горского правительства вел переговоры с политическим руковод-

ством Закавказских республик о провозглашении всего Кавказа независимой федеративной республикой [1, с. 217]. Но они оказались безуспешными в силу внутренних и внешних обстоятельств.

Со своей стороны, по поводу деятельности делегации горцев Северного Кавказа в Османской империи выразило протест Советское правительство, вопреки провозглашенному им же принципу права наций на самоопределение, не желавшего признавать независимость ни Северного, ни Южного Кавказа. Об этом, в частности, сообщалось в ноте Народного комиссариата иностранных дел турецкому посланнику Халил-бею от 30 мая 1918 г. В документе отмечалось, что «Терский народный совет протестует против втягивания Северного Кавказа закавказским правительством в акт объявления независимости Закавказья [5, с. 335–338]. Несмотря на эти протесты Советского правительства, Г. Баммату удалось получить поддержку Стамбула в вопросе участия делегации Северного Кавказа в Батумской конференции. Вместе с османской делегацией представители Северного Кавказа выехали в Батуми на переговоры с целью объединения со странами Южного Кавказа [6, с. 253]. 9 мая 1918 г. состоялось заседание закавказских представителей по вопросу допуска делегации Горской Республики на Батумскую конференцию. Выступивший на ней Гайдар Баммат отметил, что Стамбул поддерживает идею объявления независимости Северного Кавказа, хотя по тактическим причинам этот акт пока и не был принят руководством Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана: «Османское правительство заверило нас, что принципиально оно отнесется также благосклонно к нашему объявлению независимости, как оно отнеслось к объявлению независимости Закавказья. Мы не предрешаем содействия Турции, но возможность этого содействия есть в случае осложнения с Севера. Я категорически заявляю, что никакого объявления независимости горцами сделано не было...» [7, с. 108–117].

Однако идея эта с самого начала деятельности делегации Горского правительства и в ходе многодневных переговоров с представителями закавказских республик, стран четверного союза активно обсуждалась. Наконец, 11 мая 1918 г. в г. Батуми была при-

нята «Декларация об объявлении независимости Республики Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана». Далее в документе отмечалось, что «... с сегодняшнего дня независимое государство Кавказского Союза рассматривает себя закономерно установленным» [8, с. 61–62]. Уже 13 мая 1918 г. через посольство Германии в Москве Советское правительство было поставлено в известность об объявлении независимости республики Северного Кавказа и отделения ее от России.

Председателем нового государства стал А.М. Чермоев, а министром иностранных дел – Гайдар Баммат. Он стал рупором, лицом Горской Республики, воплощением ее идей и идеалов. В первую очередь, он стал добиваться налаживания отношений с Османской империей и странами Южного Кавказа. 19 мая 1918 г. в своем письме к председателю турецкой делегации на Батумской конференции Халил-Бею он писал, что «...османская делегация в своих переговорах с Закавказской республикой в Батуми на первое место поставит вопрос о передаче на Северный Кавказ оружия и инструкторов» [1, с. 234]. Разумеется, речь шла о гарантиях объявленной независимости Горской республики со стороны стран четверного союза непосредственно через Закавказскую республику.

В то же время с целью получения военной помощи против большевиков, оккупировавших не только Владикавказ, столицу Горской Республики, но и Дагестан, Г. Баммат вел в Стамбуле переговоры с турецким правительством. Дело шло о выделении из состава находящихся под командованием Нури-паши войск воинских контингентов для оказания помощи горцам в освобождении их территорий от большевистских сил.

По сообщению Г. Баммат, «с целью оживления нашей самостоятельности мы двинули вопрос назначения к нам Юсуф Изет-паши и организации добровольческих отрядов из беглых черкесских солдат. Юсуф Изет-паша выезжает на днях к нам – с ним кадровые офицеры. Нижних чинов и унтер-офицеров он получит в Батуме. Ему отпускают все технические принадлежности: радио, телеграф, телефон и средства. Оружие и патроны в достаточном количестве. Мы должны использовать дорогу Нуху-Ахты, получить по ней

максимум того, что можно и поставить Германию перед свершившимся фактом восстания наших народов [...] относительно займа, о котором я имел беседу с Талаат-пашей я должен повторить, что этот вопрос турки ставят в зависимость от политического общего положения. На военные расходы Изет-паша кое-что получил, Энвер обещал только телеграфировать Изет-паше выдать нам 10 000 лир» [8, с. 79–80; 7, с. 145–146].

Далее, в своем письме председателю горского правительства А.М. Чермоеву Г. Баммат признал, что «нашим основным и единственным другом, увы слишком слабым, является Турция и в ней Энвер-паша...» [7, с. 146].

Следует подчеркнуть, что горское правительство не имело территориальных претензий к Азербайджанской Демократической Республике. В связи с этим, уже находясь в условиях эмиграции, Г. Баммат подчеркивал, что «мы окончательно и бесповоротно признаем границы Кавказа, установленные Карским договором 1921 г.» [1, с. 172].

Со своей стороны помощь и поддержка со стороны Азербайджана имела огромное значение для Горской Республики. На своем заседании от 10 июля 1918 г. правительство Азербайджана обсудило вопрос о платформе и формах объединения с Горской Республикой, признав создание объединенных государственных структур необходимыми и полезным. Было решено приступить к объединению четырех областей управления: а) вооруженных сил; б) духовных дел; в) иностранной политики и г) финансовых вопросов.

31 июля 1918 г. Г. Баммат, сообщая из Стамбула А. М. Чермоеву о политике Турции в отношении Кавказа, отмечал, что Али Башамин от имени Энвер-паши высказался за объединение Горской Республики и Азербайджана. Мотивация заключалась в том, что положение Азербайджана было более благоприятное. Баммат писал: «со времени проезда Фаруха-бека Везирова и Агаева здесь стали ходить слухи о соединении Дагестана (одного) с Азербайджаном и образовании самостоятельной единицы из чеченцев и прочих народов наших на Северном Кавказе. Я, конечно, самым

критическим образом возражал против проектов, называя их инсинуациями и подчеркивая, что мы рассматриваем такой проект как предательство наших братьев, я заявил от своего и имени коллег Башамина..., что мы немедленно покинем Константинополь, если турецкое правительство по тем или иным видам станет на эту точку зрения. Вопрос формального воссоединения с Азербайджаном в настоящий момент дал бы тот же эффект, так как ни наши кавказские соседи, ни их покровители не допустили чрезмерного увеличения Азербайджана и, конечно, сильнейшим образом сократили его на Север, отдав все возможное казакам» [8, с. 149–153]. Последний абзац текста указывал на нежелание Германии нарушать условия Брест-Литовского договора с большевиками из-за Горской Республики.

6 октября 1918 г. Дербент был занят частями турецкой дивизии генерала Юсуфа Изет-паши, прибывшим из Баку в Дагестан на помощь горцам-мусульманам с отрядом из 4 000 человек. 29 октября турки вошли в Темир-Хан-Шуру и восстановили горское правительство во главе с А.М. Чермоевым. По благодарной оценке Г. Баммата, высказанной им уже в эмиграции в статье «Туркизм, Турция и Кавказ»: «Мы слишком хорошо помним и никогда не забудем той крови, которую пролили у нас турецкие аскеры в совместной борьбе против красных и белых оккупантов нашей территории... Этого священного долга никаким гостеприимством оплатить нельзя» [2, с. 173]. Флаг Горской Республики был водружен в Темир-Хан-Шуре. «На приход турок смотрели как на силу, которая поможет созданию твердой власти. Из среды ярых сторонников турок – духовенства и мелкобуржуазной части были группы, которые хотели, чтобы быть под протекторатом Турции или даже быть присоединенными к ней», – отмечал представитель национальной интеллигенции Дагестана Адиль-Гирей Даидбеков [9, с. 261].

В октябре 1918 г. между Азербайджанской и Горской Республиками был заключен договор, предполагающий установление общей оборонительной системы и проведения согласованной экономической политики. Уполномоченными от правительства

Азербайджанской Республики выступили председатель правительства Ф. Х. Хойский и министр финансов М. Г. Гаджинский, а от Горской Республики – председатель правительства А. М. Чермоев и министр финансов В. Г. Джабагиев. В ходе работы над договором было принято постановление, согласно которому:

«I. Общими делами Республики Азербайджана и Горцев Кавказа объявляются:

Иностранные дела – причем, заключение международных трактатов и соглашений обеими странами, а также установление своих основных взаимоотношений с другими державами проходит либо, сообща и совместно обоими странами, либо, с ведома и согласия правительства каждой из сих стран.

Внешняя военная оборона обоих государств и их независимости – причем система такой обороны устанавливается соглашениями договаривающихся сторон. Равным образом, договаривающиеся стороны обязываются оказывать друг другу военную помощь для поддержания внутреннего порядка и спокойствия в сих странах в тех случаях, когда о такой помощи попросит заинтересованная сторона.

Примечание: Во время войны воинские силы обеих стран поступают под общее командование одного лица, избираемого правительствами сих стран по согласованию между собою.

Финансы, поскольку речь идет о расходах, которые должны быть покрыты сообща на основаниях, которые будут выработаны особо.

II. Следующие дела должны решаться на основаниях общих, устанавливаемых путем соглашения правил:

Вопрос об установлении для обеих Республик общей таможенной территории, таможенное законодательство и основание распределения таможенных сборов.

Установление монетной системы и денежной валюты.

Постановления, касающиеся системы мер и весов.

Постановления, касающиеся эксплуатации и тарификации железнодорожных, почтовых, телеграфных и телефонных сообщений между правительствами договаривающихся стран по каждому отдельному вопросу» [10, л. 1–5].

Но вскоре из-за поражения в Первой мировой войне стран Четверного союза турецкие войска вынуждены был покинуть Дагестан. По свидетельству современников, некоторые офицеры турецких войск были выходцами из Северного Кавказа. Адиль-Гирей Даидбеков отмечал: «В среде командного офицерского состава было много лиц из горцев Северного Кавказа, жаждавших побывать на родных землях и видеть своих соплеменников, они уезжали убитые горем и печалью, но с надеждой вернуться в будущем» [2, с. 177]. Оставшиеся в горах офицеры-турки обучали местную молодежь военному делу и в дальнейшем задействовали их для занятия укреплений в Гунибе, Хунзахе, Кумухе и пр. Турки оставили горскому правительству много медикаментов и оборудования для лазаретов, оружие, и т.д., которые потом переправили из Шамиль-Калы в Темир-Хан-Шуру [11, л. 12].

В конце 1918 г. Г. Баммат выехал в Западную Европу для того, чтобы в составе находящейся под председательством А.М. Чермоева дипломатической делегации Горской Республики принять участие в работе Парижской мирной конференции, на которой должны были решиться и судьбы народов бывшей Российской империи.

В первой половине 1919 г. территория Горской Республики была оккупирована белой армией генерала А. Деникина, захватившей к маю этого года и Дагестан. Вынужденное покинуть свою территорию горское правительство обосновалось в Тифлисе. Несмотря на это, делегация Горской Республики в Париже продолжала действовать от имени своего правительства, однако не была допущена к работе Парижской мирной конференции. Интересы горцев представлял А. М. Топчибаши [8, с. 252–253].

Находящийся в Париже Г. Баммат долго и безрезультатно обивал пороги представительств держав Антанты с просьбой рассмотреть вопрос о признании независимости Горской Республики. В случае, если Англия не окажет поддержки Республике Северного Кавказа, Г. Баммат предлагал горскому правительству «искать пути примирения с большевизмом, так как проливать кровь горцев для реставрации старой России мы считаем преступлением» [1, с. 274]. По оценке Баммата, все попытки горцев отстоять свою государственную независимость отдельно от Южного Кавказа

заведомо обречены на провал. Единственным выходом является создание Кавказской Федерации [8, с. 174].

В ноябре – декабре 1919 г. основные силы Деникина терпели поражение на Южном и Юго-Восточном фронтах, в результате чего командование Добровольческой армии пошло на переговоры о мире с Советом обороны Дагестана. Предполагалось признание Совета обороны Дагестана в качестве правительства страны и вывод с ее территории войск, за исключением территории железной дороги до Петровска [3, с. 29–30].

В то же время, с целью противодействовать попыткам большевиков захватить Дагестан, азербайджанское правительство направило туда находящегося на их службе турецкого генерала К. Нури-пашу в качестве главнокомандующего северокавказского фронта. Его задача заключалась в том, чтобы в случае приближения к Дагестану русских большевиков, присоединить Дагестан к Азербайджанской Республике, тем самым предотвратив аннексию страны Советской Россией [11, с. 195–196].

Нури-паша должен был объединить разрозненные воинские части горцев под знаменем ислама для борьбы с большевиками (новой угрозой, возникшей после разгрома белогвардейцев). Турецкий генерал организовал переговоры между командирами и лидерами Дагестана и Северного Кавказа Али-Гаджи Акушинским, Ибрагимом-Гаджи, Кязим-беем, Нажмутдином Гоцинским и Кайтмазом Алихановым, обещая им военную помощь из Азербайджана [12, с. 11–12].

Поражение белых войск, усиление большевизма и распространение советской власти на большую часть бывшей Российской империи, подтолкнуло 17 января 1920 г. Верховный совет Антанты признать де-факто независимость Азербайджана и Грузии.

Члены дипломатической делегации Горской Республики в Париже вели переговоры с отдельными представителями держав Антанты об образовании Общекавказской Федерации. Однако в то время правительства Антанты считали возможным пойти на признание де-факто лишь Южного Кавказа. Исходя из этой реальности, Г. Баммат вернулся на Кавказ и пытался вести пере-

говоры о создании Кавказской Конфедерации с правом Горской Республики на автономию в составе Азербайджана. В этих обстоятельствах глава азербайджанской делегации на Парижской мирной конференции А. М. Топчибаши предложил главе английского правительства Д. Ллойд-Джорджу признать де-факто Горскую Республику, что, однако, не встретило понимания руководителей держав Антанты [1, с. 301].

Ситуация изменилась к худшему и в самом Дагестане, так как к этому времени руководство кемалистов, ведущее борьбу с государствами Антанты, с целью получения военной и финансовой помощи от Кремля окончательно взяло курс на союз с большевиками, таким образом признавая как Северный, так и Южный Кавказ сферой их влияния.

По этим и другим причинам 20 марта 1920 г. Нури-паша вместе с офицерами своего штаба и азербайджанскими добровольцами вынужден был вернуться в Азербайджан. Еще 13 апреля Г. Баммат обратился по радио к комиссару иностранных дел Советского правительства Г. Чичерину, напомнив ему об обещании большевистского правительства уважать права на самоопределение народов бывшей империи Романовых. Исходя из этого, Баммат требовал от Кремля освободить от красных войск территорию независимой Республики Северного Кавказа. Однако этот призыв остался без ответа [3, с. 31–33]. Прекращение помощи национально – освободительному движению горцев со стороны Турции, а также последовавшая за этим в конце апреля 1920 г. оккупация Красной армией самого Азербайджана, имели роковые последствия для независимости государств как Северного, так и Южного Кавказа.

Оказавшись в эмиграции, Гайдар Баммат тесно соприкасался и сотрудничал с представителями азербайджанских политических кругов. Вся его деятельность в Турции, а также в дальнейшем в Европе, была неразрывно связана с деятелями азербайджанского национально-освободительного движения. Он все больше и больше убеждался в правильности идеи объединения народов Кавказа, несмотря на то, что, как и подавляющее большинство кавказских эмигрантов, был вынужден уехать из Турции, свернув

там свою деятельность. В многочисленных статьях, опубликованных на страницах эмигрантской печати, Г. Баммат защищал право на независимость народов Кавказа.

До конца своей жизни Гайдар Баммат был одним из основных пропагандистов и последователей идеи объединения Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа в единое конфедеративное кавказское государство.

Литература

1. Гайдар Баммат – известный и неизвестный. Сборник документов и материалов / Сост. Х.-М. Доного. Баку: Азербайджанское историческое общество, 2015.
2. Полковник Магомед Джафаров: Сборник материалов. Махачкала: ИД «Эпоха», 2005.
3. *Баммат Г.* Кавказ и русская революция (политический аспект). Махачкала, 2000.
4. Из протокола первого заседания Батумской мирной конференции от 11 мая 1918 г. // Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Сборник материалов. Тифлис, 1919.
5. Документы внешней политики. М.: Госиздат «Политическая литература», 1959.
6. Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Сборник документов. Тифлис: Типография пр-ва Грузинской республики, 1919.
7. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1920 гг.), Горская Республика (1918–1920 гг.). Документы и материалы. Махачкала, 1994.
8. *Тахо-Годи А.А.* Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927.
9. В объятиях красного дьявола. Сборник материалов и документов // Ответственный редактор и составитель Доного Х. М. Махачкала, 2011.
10. ГААР (Государственный Архив Азербайджанской Республики). Ф. 970. Оп. 1. Д. 23.
11. *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Москва, 1991.
12. *Самурский Н.* Гражданская война в Дагестане. Махачкала, 1925.

**ТЕМА ЧЕРКЕССКОЙ ТРАГЕДИИ В ИНГУШСКОЙ
ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ТУРЕЦКОГО ИНГУША, ПОТОМКА
МУХАДЖИРОВ КОНЦА XIX В. САДЕТТИНА ДЖАНПОЛАТА
«СЕРЕБРЯНЫЙ КИНЖАЛ»)**

Джанполат Садеттин. Серебряный кинжал. Роман. Магас, 2020. Перевод с турецкого на русский – А. Абадиев, редактор-консультант – А. Сибгатуллина (г. Москва), руководитель проекта, редактор – М. Ялхароева

Начать говорить по данной теме нам представляется важным со слов автора данного романа, вынося их в качестве эпиграфа к дальнейшему раскрытию темы. Они изложены автором в прологе к основному тексту своего повествования: *«Северный Кавказ для народов, населяющих его, – территория чести. Земля, где царский режим, а впоследствии и его наследники, перемалывали их судьбы, топили в пучине горя. Ингуши, чеченцы, адыги, черкесы и другие не только насильственно отрывались от своих корней, но и уничтожались захватчиками» (стр. 4).*

Нам представляется, что смысл этого нарратива актуален по сей день.

Появление в свет самого романа «Серебряный кинжал» Садеттина Джанполата – безусловно, можно назвать значимым событием не только в литературной, культурной жизни самого ингушского народа, его эмигрантского крыла, условно называемого как «ингушское зарубежье», но и всего кавказского мухаджирства (эмиграции) в страны Ближнего Востока. Для ингушской же культуры его весомость в том, что впервые в ингушской литературе появилось произведение из жизни «своего зарубежья», «своей эмиграции», или, скажем, «мухаджирства», из самого его «нутра». До недавнего времени именно эта тема оставалась в ингушской

литературе и даже в историографии своеобразной «лакуной», куда ею вплотную не занялась на профессиональном уровне исследователь, кандидат филологических наук Марем Ялхароева. Думается, что аналогично эту нашу оценку данного произведения можно вынести и на общий северокавказский уровень национальных культур, хотя в литературах некоторых из северокавказских народов присутствуют имена авторов, выходцев из этих народов, оказавшихся за рубежом, в творчестве которых отражены судьбы кавказцев в эмиграции – как в странах Ближнего Востока, Азии, так и «дальнего зарубежья». В частности, осетин, черкесо-адыгов, дагестанцев и других. Сегодня этот ряд начали заполнять и авторы из потомков эмигрантов-ингушей. Роман «Серебряный кинжал» в этом – первая ласточка.

Прочитав этот небольшой по объёму роман (237 стр. литературного текста формата А-5), мы немало узнаём для себя о том сложном периоде из жизни наших предков, о той не столь уж давней нашей истории, о запутанном клубке многих противоречий и масштабных трагических событий той эпохи, как тут на родине, на Северном Кавказе, так и на той, как казалось нашим обманутым предкам, «обетованной» османской (турецкой) земле. Яснее начинаешь понимать не только то, как ошибались наши предки, но и почему они ошибались, почему поддались такому «искушению», как смена родины во имя лучшей доли. Понимаешь, что это было не просто заблуждение, обманым образом внушённое фанатично преданным своей религии массам, ловко внедрённое в их непросвещённое сознание... Понимаешь, что это был самый настоящий Великий Обман. Великим Обманом оказалось то, что их убедили в существовании некоего «священного места», находящегося «где-то недалеко за горами», в существовании некоей «обители», где есть защита для всех мусульман мира, несправедливо притесняемых несправедливым, враждебным к ним режимом иноверца, навсегда закрепившимся в статусе «вечного хозяина» на их отцовской земле. И они в это слепо поверили, хотя проживали на своей исконной исторической родине тысячелетия, а в сам ислам большей частью некоторые из них пришли только в том же XIX веке.

По большому счёту, помимо правды о царском режиме это был и великий обман по-детски доверчивого, наивного и фанатично преданного своим вековым адатам, ментальности, мировосприятию и религиозному мировоззрению горского населения, обман туземцев завоёванного империей края, где избавление от них новым хозяевам казалось, как благо для достижения своих глобалистских геополитических целей. В то же время, по духу самой Османской империи, также раскинувшейся на огромных завоёванных просторах Малой Азии с частичным захватом Европы, являвшейся зеркальным отражением той же русской, английской и др. империй, было нужно и выгодно заполучить именно такое население – как для заселения приобретённых территорий, так и для привлечения этих «отчаянных головорезов» в своё воинство. Ведь весь мир знал уже кавказцев, особенно фанатичных мусульман, как непревзойдённых и мужественных воинов.

«Этот план шаг за шагом претворялся в жизнь по всему Кавказу. Сначала урезали земли у горцев, лишая их тем самым возможности нормального существования, и, в конце концов, вынудили наиболее непокорных эмигрировать. Им, уставшим терпеть непрекращающийся гнёт, оставалась лишь одна альтернатива – покинуть родину и отправиться в земли халифа, покровителя всех мусульман. Фактически это было изгнание. Кавказ опустошался плановыми операциями» (стр. 109).

В этой большой и бесчестной закулисной игре империй каждая решала выгодные для себя задачи, а «разменной монетой» были наши завоёванные, но не покорённые народы – кавказцы. Фактически такой лейтмотив прослеживается в фабуле данного романа иносказательно, между строк. Это читается в картинах, созданных автором, когда его герои оказались сначала на приграничной, а после и на самой турецкой, «заветной» для них территории.

Целью данного исследования не является анализ всей глобальной темы мухаджирства даже в рамках одного данного произведения, а лишь узкий срез представленной в нём национальной темы, в данном случае – черкесской. Сам же роман в целом пропитан широким интернациональным содержанием.

Описанию черкесской темы, боли и трагедии адыго-черкесов, раскрытию причин и последствий их национальной трагедии в XIX в. уделено в романе значительное место. Оно и понятно. Ведь трагедия этого героического народа, по сути – союза родственных племён под общим названием «черкесы», несравнима ни с какой иной трагедией того времени. Тяжело, плохо и трагично было везде на Кавказе, в том числе и на восточной части Северного Кавказа, где на четверть века растянулась кровопролитная русско-кавказская война, где равнялись с землёй целые населенные пункты непокорных горцев, уничтожалось во взаимных схватках всё вокруг, а целью было – окончательная колонизация края Российской империей. Но трагедия черкесов Западной части Кавказа, также попавших под молот этой войны, но не подчинившихся и не покорившихся, сознательно шедших на гибель, затмила все иные трагедии и боли Кавказа XIX века. Естественно, что основная волна мухаджирства (исход из Родины, массовое переселение в чужие края) случилась именно с этим народом. Мухаджирство из восточной половины Кавказа в Османскую империю и далее на юг явилось только продолжением этой волны, диктуемой волей империи, завоевавшей данный стратегический край, выводивший эту империю на Ближний Восток, Переднюю Азию и т.д.

Автор с явным сопереживанием описывает трагическую судьбу черкесов, даже более проникновенно, чем трагедию своего собственного народа и своих предков:

«В то же самое время за сотни километров от них представители пяти тысяч черкесских семей: шапсугов, хетуков, бжедугов, темиргоевцев, махошевцев – общей численностью более двадцати четырёх тысяч человек из Екатеринодарского и Лабинского уездов обратились с прошением в канцелярию генерал-губернатора Кавказа о разрешении на переселение в Османскую империю. <...>

Спустя десять лет после войны 1877–1878 годов Османская империя всё ещё ощущала последствия большой волны мигрантов. Во время первого большого исхода османы расселили черкесов на Балканах для подавления любых националистических выступлений славянских народов. А по окончании войны с Россией, в соот-

ветствии с мирным договором, эти черкесы принудительно переселялись во внутренние районы Анатолии, что приводило к ухудшению их и так тяжёлого положения. Из-за недостатка пригодных для расселения земель большая часть мухаджиров направлялась в Алеппо, Дейр-зор, Дамаск и другие области вплоть до Алжира (стр. 176–177).

«В 1889 году завершились длительные переговоры между Османской империей и царской Россией по переселению двадцати четырёх тысяч черкесских семей Кубанской области. Первая партия, состоявшая из двух тысяч четырёхсот человек, выехала весной 1890 года. Последние десять тысяч прибыли осенью 1891 года морским путём в порт Мерсина. Отсюда они уже распределялись по областям и регионам, определённым Комиссией. Миграцию оставшихся свыше десяти тысяч кубанских черкесов по просьбе царских властей решено было реализовать в течение трёх лет, отправляя их равными группами вплоть до 1895 года.

В этот же период в течение последних десяти лет после войны 1877–1878 годов более семисот тысяч беженцев из европейской Румелии расселились по османским землям, большинство из них – в Анатолии. В этом и заключалась одна из причин, почему Порты, если прямо и не запрещала, то во многом усложняла критерии отбора мухаджиров. В Анатолии уже не осталось места для их обустройства. Царская Россия, в свою очередь, могла свободно распоряжаться таким бесчеловечным образом разорённой территорией Северного Кавказа. Однако со временем, озаботившись опустением плодородных земель и невозможностью их быстрого заселения, российские власти вновь стали ограничивать экспатриацию, отказывая в разрешении и вводя всевозможные ограничения» (стр. 231–232).

Настоящим везением судьбы для главных героев романа, братьев-ингушей Джамбулата и Иссы Дзауровых, следующих по очень сложному, неизвестному, сопряжённому многими трудностями и опасностями, пути в Стамбул с прошением на разрешение Порты переселиться семьям их сородичей, можно считать то, что она, судьба, подарила им для их сопровождения в качестве

спутника и помощника на основной части этого пути уже во внутренней Анатолии – от Эрзурума до Стамбула и обратно в Эрзурум – молодого офицера из черкесов. Этот молодой черкес-шапсуг родился и вырос в Турции, но сохранил в себе все утончённые черты кавказского воспитания, черкесской этики.

«За небольшим столом сидел весь погруженный в работу высокого роста и худощавого телосложения лейтенант с нежными чертами лица, лет двадцати. Когда Джамбулат с Исой вошли, он оторвал от бумаг свой взгляд и, увидев статных кавказцев в черкесах, резко вскочил. Подойдя к братьям, он внимательно посмотрел на них и обратился в Джамбулату, показавшемуся ему старшим:

– Чем я могу помочь вам?» (стр. 149)

Молодого офицера звали Даниш-эфенди (или Даниш-бей). Оказалось, что его семья с первым большим потоком мухаджиров вынужденно переселилась в Турцию. С юных лет ревностно относясь к учёбе, а в дальнейшем и к службе, он обещал стать блестящим офицером османской армии. И, похоже, это у него получалось. Он показывал такой же храбрый, бесстрашный характер, как и его предки. Молодой лейтенант был выпускником престижного учебного заведения, по окончании которого оказался в Эрзуруме, сначала в качестве адъютанта генерала Мусы Кундухова, осетина по происхождению.

Почувствовав в путниках-ингушах что-то родное и ностальгируя по отцовскому Кавказу, молодой черкес-шапсуг по-особому проник чувствами к ним.

«– Джамбулат-бей, а вы бывали на родине моих предков? Я так мечтаю когда-нибудь увидеть Кавказ!» (стр. 161) – вопрошает он, когда они, близ селения Ашкале, устав от долгой езды, присели отдохнуть, а заодно и подкрепиться, испробовав купленный Даниш-беем местный мёд, который он назвал «очень знаменитым».

По всему нелёгкому и долгому пути молодой офицер-черкес, словно младший товарищ, как принято и у ингушей также, вызывая огромное уважение, старается во всём услужить своим спутникам. Но, как-то, когда настал момент, позволивший всем немного расслабиться, оказавшись на корабле при переправе

на Стамбул, он выплеснул всю свою ностальгическую боль по покинутой его сородичами далёкой, и, как оказалось, заветной для него, а в его лице и для всех поколений мухаджирства, родине – по Кавказу. Неожиданно он стал изливать душу Джамбулату. Но это откровение можно посчитать и как невольное, не намеренное предупреждение и даже назидание путникам, которые вознамерились поменять родину, благословенный Кавказ, на фактические иллюзии и даже самообман.

«Даниш-бей, взяв чашку с горячим пенистым напитком, отошёл к перилам кормы и, устремив свой взгляд в морскую даль, просто-ял так несколько минут. Что-то нахлынуло на молодого черкеса. На его лице отобразились какая-то детская обида и злость. Показывая рукой куда-то на северо-восток, он произнёс:

– Знаешь, Джамбулат, на этих берегах черкесы познали много бед!

Двадцать пять лет назад отплывший от земель шапсугов из порта Туапсе дряхлый русский корабль бросил на этом побережье мою семью и родственников вместе с сотнями других сосланных черкесов. Мой дед по материнской линии умер в пути на этом корабле. Его, как и многих других, выбросили в море. Вслед за ним, не выдержав тягот дороги, уже на берегу скончалась и супруга. Бабушка по отцу вместе с сыном и снохой добралась до Самсуна, но каким-то образом смогла переехать к родственникам в Стамбул. Это были очень тяжёлые времена для нас, черкесов, покинувших родину из-за лишений. И как рассказывала мне в детстве бабушка, многим из нас, несмотря ни на что, удалось выжить. Я не помню её улыбки, взгляд всегда был грустным, тоскливым.

– Знаю, знаю! – ответил Джамбулат, – сколько бед перенесли кавказские народы, особенно черкесы. А самое печальное в том, что эти беды не прекращаются. Многие из наших краёв, ушедшие вместе с Мусой-беем, пережили то же самое. Ингуши, чеченцы и некоторые осетины ушли в Турцию. В то время мой отец и дед были против переселения, поэтому никто из нашего рода не последовал за ним. Но как ты теперь видишь, с новым царём наши беды не прекратились, а у кого-то их стало даже больше. Чтобы наши потомки не пережили это вновь, мы приняли тяжёлое решение покинуть

родину. И сейчас делаем для этого всё необходимое. Да благословит Всевышний Аллах наши деяния!

Рассказ Даниш-бея был лишь одним из эпизодов изгнания черкесов с их земель, на которых они проживали не одну тысячу лет. Их отправляли из портов Тамани, Туапсе, Анапы, Джигге, Новороссийска, Сочи, Сухуми на кораблях, в большинстве своём не приспособленных для перевозки людей, выгружая в лиманах Османской империи: Трабзоне, Синопе, Самсуне, Орду. Они тысячами гибли от болезней и голода в ожидании отправки, в пути, в распределительных лагерях в Турции. Тяжесть положения черкесов можно понять из донесения царского консула Мошинина, который писал: «Из-за голода и болезней лагеря переселенцев превратились в лагеря смерти». Также сообщалось, что из ста десяти тысяч черкесов, перемещённых в Самсун, в день умирало до двухсот человек. И среди шестидесяти тысяч мухаджиров, прибывших в Трабзон, смертность составляла от ста восьмидесяти до двухсот человек в день. Только в 1864 году их умерло около тридцати тысяч. Похожая ситуация была во всех портах, куда прибывали несчастные изгнанники.

За двадцать пять лет депортации более миллиона черкесов было переселено со своей родины в земли Османской империи. И практически половина из этого числа умерла от голода, болезней и других причин.<...>

Джамбулат понимал, что многолетняя борьба кавказских народов за свою независимость заканчивалась большим разочарованием» (стр. 196–198).

Как уже сказано, Даниш-бей, молодой офицер-черкес, служил адъютантом у отставного генерала Османской империи, осетина по национальности, Мусы Кундухова, которого по праву можно назвать «демоном» или «злым роком» кавказского мухаджирства XIX столетия на Ближний Восток. Именно поверив и поддавшись более его призыву, потянуло северо-кавказцев на переселение из своей родины в, так сказать, «обетованную землю», под власть «милосердного халифа», стремясь уйти из-под власти ненавистного гяура, «белого царя Уруса», но получилось как в той русской поговорке: «из огня да в полымя».

Мусу Кундухова по праву можно назвать знаковой фигурой для Кавказа и политики вокруг него, всего кавказского мухаджирства XIX в., ибо вся эта политика мухаджирства, направленная на изгнание наших соплеменников со своей Родины в Турцию и далее на Ближний Восток, так или иначе связывают, главным образом, с этим именем. Наверное, именно эта фигура для такой миссии была выбрана неслучайно (политическими спонсорами ли, судьбой ли...), для «успешного» осуществления столь сомнительной, рискованной и неблагодарной миссии, как изгнание из Родины своих соотечественников. И в нём не ошиблись. Ставка на него для реализации имперских замыслов по Кавказу не только царской России, но и османской Турции, действительно оказалась «продуктивной», безошибочной.

Расчёт на то, что наивных и доверчивых кавказских мусульман-туземцев будет легче обмануть и заманить в свою авантюру именно подобной Мусе Алхастовичу Кундухову фигурой, с учётом его происхождения, оказался точен (например, сам – кавказец, из северных осетин, мусульманин). Северо-кавказцы разного этнического происхождения поддались на агитацию, пропаганду этого деятеля, как оказалось, «служб двух и даже трёх господ-хозяев», и большими группами, а некоторые и целыми этносами, покинули Кавказ, оставив родину на власть захватчику, переселились во владения «благословенной Порты», под «защиту единоверного халифа», «покровителя всех мусульман», как им было обещано.

Все эти загадки вокруг имени этого человека до сих пор не имеют полных разгадок.

В романе же «Серебряный кинжал» он представлен даже сентиментальной личностью, чувствительной, любящей Кавказ, кавказцев и даже в некоторой степени сожалеющей за свою роль во всей этой истории, связанной с мухаджирством, с этим «великим обманом». Он как дорогих сердцу гостей принимает наших путников-ингушей, главных героев романа, братьев Джамбулата и Исса Дзауровых, направляющихся в Стамбул с прошением ряда ингушских семей дать им разрешение на переселение в Турцию. В Мусе Кундухове тут даже чувствуется совсем не напускная ра-

дость от встречи с земляками, его желание услужить им в истинно кавказском стиле. Он очень оперативно оказывает нашим путникам щедрую помощь и с изготовлением необходимых документов, и в виде полезных рекомендаций в пути. Даже даёт им в помощники для сопровождения в Стамбул и обратно, куда они направляются, включая и решение всех вопросов с турецкими чиновниками, своего верного и молодого бывшего подчинённого, но оставшегося надёжным соратником, офицера из черкесов Дениш-бей. Во многом, благодаря этому, в произведении и раскрывается в полной мере нашим путешественникам личность самого офицера-черкеса, его глубинные переживания за судьбу своего непокорённого, но незаслуженно и жестоко пострадавшего народа. А автор же романа использовал такой приём в выстраивании сюжетной линии своего повествования, чтобы самому показать своё личное восприятие данной больной темы, показать своё отношение ко всей этой трагедии его родины в более широком охвате, а конкретно – сопереживая боли и трагедии черкесского народа, как более пострадавшего в той преступной политике завоевания иноземцами благословенного Кавказа. Через эту черкесскую трагедию и боль он как бы проецирует и собственную боль, своё собственное сопереживание трагедии и своих предков, своего народа. Автор с документальной точностью передаёт эти события, что говорит о его компетентности в данной тематике, о том, что он собирал не только воспоминания и свидетельские показания своих сородичей, но плодотворно поработал и с архивным, и прочим документальным материалом.

Данный роман «Серебряный кинжал» уверенно можно охарактеризовать, как очень ценное, важное, значимое произведение – не просто как талантливое художественное литературное полотно, а даже как историческое свидетельство, бесценный памятник описанной в нём эпохи, и, в особенности, одного из наиболее трагического периода истории наших народов, с их совершенно уникальным историческим «оттенком» – мухаджирством.

Автор романа, безусловно, «подкован» в знаниях истории своей страны – Турции – и своей отчей родины – Кавказа, прекрасно владеет исторической фактологией. Он с большой любовью

и даже нежным трепетом описывает каждую сцену, каждую картину, особенно касательно Кавказа, и с одинаковым сопереживанием рассказывает о жизни людей разных этнических культур и мест обитания. Через призму романа довольно ясно просматривается истинная человеческая сущность писателя, создавшего эти непростые образы и поведавшего эти сложные, порой и тяжелые события уже более чем вековой давности, испытанные и пережитые нашими народами, нашими предками, а для кого-то и родителями... – он, писатель, очень любит людей, очень любит природу, дорожит каждым камушком, восхищается окружающей картиной мира. Причем, он любит не только родных ему людей и не только представителей своего народа или даже страны, а – всех! – подряд, не деля и не сортируя. Но при этом, показывает и свою способность отделить плохое от хорошего, негатив от позитива – как в политике, так и в образах своих героев.

Роман от начала до конца читается на одном дыхании, словно поэма, словно поэзия в прозе. Конечно, в русскоязычном его изложении немалая в том заслуга переводчика и редактора. Но и их усилия могли бы оказаться недостаточными без талантливого источника их общего труда – в оригинале мастерски изложенного текста самого романа. И тут становится понятно, почему это так: автор сам и писатель, и поэт, и прекрасный, талантливый художник, живописец – триединый талант в одном лице. И это все сказалось (или отразилось) на романе. Автор раскрылся тут во всех своих ипостасях. Поэтому, представляется, что не будет ошибкой или лестью, гиперболой, если назвать данный роман классикой. Да – классика! Особенно в плане созданных картин и образов, в плане прекрасного текста. Появление этого литературного полотна у нас, на родине предков автора – несомненно, значимое, и даже можно сказать, неопределимое культурное событие. Данный факт – появление такого произведения – важен и для литературы, и для культуры как для Ингушетии, так и для всего Кавказа, ибо даже этнически в нём представлен почти весь наш Кавказ.

Поэтому, учитывая то, как великолепно и содержательно поданы в романе сюжеты на различные темы по некоторым ключевым

кавказским народам – не только ингушей или черкесов, – это произведение непременно должно дойти и до грузинского, и до осетинского, и до дагестанского читателя, и других. Если этого удастся добиться, то, как нам представляется, такое обстоятельство непременно добавит позитива не столько в плане пропаганды самого произведения, но и в плане позитивного влияния в целом на межнациональный климат в нашем Кавказском регионе; значительно повлияет на улучшение, оздоровление отношений между нами, кавказцами, которые сегодня, в силу различных причин, всё ещё продолжают оставаться не на том уровне, на каком должны быть взаимоотношения настоящих кавказцев.

И как бы резюмируя данную тему, представляется, что можно привести следующий нарратив автора, как ни к какой иной теме: *«Таковы были превратности судьбы. К старым невзгодам добавятся новые, незаживающие раны вновь закровоточат. И как это было всегда у народов Кавказа, они останутся один на один со своими проблемами, в решении которых не будет ни помощников, ни советчиков. И только время может помочь избавиться от боли и страданий»* (стр. 177).

Воистину: *«Кошка мечтает о мышке, а курочка – о зёрнышке. Так и вертится этот мир!»* (стр. 84).

Литература

1. Джанполат С. Серебряный кинжал. (Пер. с турецкого А. Абадиева). Роман. Магас, 2020.
2. Кодзоев А.Ю. Очень ценный «Серебряный кинжал» (после прочтения романа турецкого ингуша Садеттина Джанполата «Серебряный кинжал»). Рецензия // Вестник ИнгНИИ им Ч.Э Ахриева, № 2. Магас, 2020.

Т.Ш. Биттирова

(г. Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика)

МАРЬЯМ ЛЬЯНОВА: ПОЭЗИЯ ВЕЛИЧИЯ И НЕЖНОСТИ

Я хочу посвятить свое выступление человеку, который в самые тяжелые для родной Ингушетии дни сказал:

«На исходе двадцатого века
Разбудите в себе человека!
Среди зла, мракобесья, крови
Есть дорога добра и любви.
Пусть терниста она и крута,
И в тумане почти не видна,
Отыщите ее непременно...»

Вы, конечно, узнали известные строки вдохновенной дочери Кавказа Марьям Льяновой. Ее имя и стихи должны непременно прозвучать на конференции, посвященной истории столицы Республики Ингушетия. Такие духовные лидеры, как Марьям долгие годы мечтали об одном из главных атрибутов государственности – столице республики, работали на осуществление своей мечты и сразу после правительственных постановлений, засучив рукава, взялись за ее обустройство. Она была в числе тех, кто отстраивал город Магас на месте древней столицы ингушского народа, как одного из союза племен древней Алании. Ее поэзия работала вместе со строителями, возводившими город и соорудившими в центре столицы символ высоты духа народа – «Башню Согласия». Возможно, автор идеи проекта строительства города Магас именно на этом месте, историк Нурдин Кодзоев и архитектор башни Сергей Ткаченко были вдохновлены ее стихами о родной земле и, конечно, об ингушской башне. Этот прекрасный символ как нельзя лучше характеризует исторический путь народа и его устремленность в будущее:

«В чем секрет этой башни старинной,
Пережившей людей и века?
Благородной была и могучей
Покорившая камень рука...

Мы холодные камни ласкали,
Грел очаг изболевшую грудь...
Символ духа – ингушская башня,
Маяком осветившая путь.

Не упала она, обезумев,
Не согнула свой каменный стан.
Только тихо стонала под ветром,
Когда гнали людей в Казахстан.

А когда мы домой возвратились,
Словно нежная, добрая мать,
Собирала детей у подножья,
Чтобы горе своё рассказать...»

Творчество Марьям Льяновой последних двух десятилетий ярко, образно и емко передает чувства и мысли соплеменников, переживших немало трудностей, связанных со становлением самой молодой национальной республики Российской Федерации. От трагизма до торжества – вот спектр чувств самого автора, непосредственной участницы счастливых и трагических событий. Но как бы события ни развивались, ее никогда не покидала вера в будущее своей родины, которая ассоциируется со старинной башней. Как писала Зинаида Совкова, Марьям Льянова «в окружающей действительности видит реальную эстетическую ценность и отражает ее в стихах, «поэт мысли», она учит читателя относиться к ним серьезно и вдумчиво, понимая даже то, что не написано. Творчество поэтессы носит космический характер, объемля все мироздание» [Совкова З. В. Жизнь – поэзия. Поэ-

зия – жизнь //Между явью и сном. Литературно-художественное издание. Ростов-на-Дону, 2013:6].

Произведения Марьям Ляновой публиковались на страницах общероссийских изданий, сборники стихов издавались как в Ингушетии, так и в различных городах России, в том числе и в столице. Поэтесса активно начала издавать сборники стихов в начале XXI века, накопив большой жизненный и творческий опыт. Первый сборник М. Ляновой «И это таинство стиха» вышел в 2001 году, затем последовали книги поэзии «Перо, которым правит муза», «Лира мечты», «Это голос таинственной лиры», «Предназначение», «Избранные стихи», «Между явью и сном», сборник стихов для детей «Радуга». Поэтические подборки автора опубликованы в книгах: «Антология литературы народов Северного Кавказа. Лира мечты» (2005 г.), «Антология ингушской поэзии. Век XX» (2006 г.), альманахах и периодических изданиях. Ее творчеству посвящены множество литературно-критических статей, научные исследования Абадиева Б., Аушевой М., Мартазановой Х., Солсанова А. и др. [Абадиев Б. Чувства лучшие пробуждая // Сердало, 2002; Аушева М. Мне истина всех благ земных дороже... // Сердало, 2003; Мартазанова Х. Душа и облик женской лиры // Жизнь национальностей. 2006, №3; Солсанова А. Лянова Ахьмада Марем. В книге: Хаьнзара гIалгIай литература. Т. 3. Нальчик, 2013. С. 195–206].

Марьям Лянова по профессии педагог, преподавала в школах республики более 30 лет, и это обстоятельство наложило отпечаток и на творческую деятельность. Прежде всего – в стремлении развить в личности чувство прекрасного и привить ему высокие моральные принципы. В данном аспекте ее поэзия представляет прочный замес народной мудрости и педагогических принципов. Она без устали повторяет, обращаясь к читателям, как некогда к своим ученикам: «Будь милосердным, добрым будь, Как учит нас Коран, Сердца обиженных лечи От горечи и ран...» Она, как глубоко верующий человек, обращается к Творцу, выверяя человеческие поступки через постулаты веры:

«...На зло, обман и разрушение
Не даст Аллах благословенья!
Поступок совершив благой,
Душа почувствует покой.
Стары, как мир, заветы эти,
Но повторяются на свете,
Увы, неправые деяния!
Их жертвы – взрослые и дети
И, упустив судьбы поводья,
Мы тонем в этом половодье.
А впереди почти всегда.
В засаде прячется беда!..»

Мир образов поэтессы состоит из неожиданных сравнений – «буркой джигита гора громоздится», «стройные контуры башен», «кружево ветвей». Они придают особый смысл ее поэзии, оттеняя смысловые доминанты, связывая различные, казалось бы, несопоставимые между собой вещи. Следуя канонам древней восточной поэзии (в данном случае китайской), М. Льянова создает произведения, близкие и понятные и сегодняшнему кавказскому читателю:

«На салатовой глади пруда
Стынут лотосов нежных цветы.
Прошлой осенью в дальний поход
Провожала любимого ты...»

О чем бы М. Льянова ни писала, она всегда возвращается к прекрасному образу своей родины, к ее благородным людям, к страданиям народа и его непреходящей вере в справедливость. «В ее стихах – характер самого автора, – пишет Г. Боков, – сила духа и благородство, чувство долга перед людьми и природой, к которой она относится трепетно, нежно, как к родной матери (а маму Марьям потеряла во время депортации родного народа, когда ей исполнился год). Ее стихи – то тождественно-приподнятые, то раз-

говорно-распевные, то задорно-лукавые, то завораживающие. Но главное их достоинство – они написаны прекрасным языком, понятным всем и каждому, кто соприкасается с ее творчеством» [Это голос таинственной лиры. Сборник стихов. Назрань, 2007:3].

Сборник стихов М. Ляновой «Между явью и сном» (2013), красочно изданный к юбилейной дате, подобрал в себя как гражданскую, так и любовную лирику автора. Лирика ее пронизана душевным теплом и «тонкими властительными связями» (У. Шекспир) между автором и лирическим героем. В стихотворении «Ночь» сказано об этом очень точно:

«За будничной прозой забот каждодневных
Царица-фантазия вступит в права,
Ключом золотым приоткроет мне сердце,
И чувства мои перельются в слова...»

М. Лянову можно назвать и мастером пейзажной лирики, ибо в созданных ею поэтических миниатюрах мы видим красоту Кавказа, слышим волшебные голоса птиц и зверей, шелест листьев, чувствуем «тоску осеннего дождя», который «ночами плачется в окно». Стихотворение «На исходе октября» раскрывает чуткость души автора. Оно метафорично и в то же время реалистично, наполнено глубокой печалью и одновременно светлой надеждой. Создавая чарующие образы природы, поэт не может спокойно созерцать то, как человек уничтожает природу и с горечью восклицает:

«Великая кормилица-природа
Ждет, люди, покаяния от нас!»

Творчество Марьям Ляновой заслужило высокую оценку не только критиков, но и собратьев по перу. Ей посвящены эссе и стихи, рецензии и научные трактаты. Известная ингушская поэтесса Раиса Дидигова в своем посвящении обозначила то, чем

близка и ценна читателям поэзия Марьям Льянова, ее «выстраданная муза»:

«Нитью жемчужной вьется
Мысль твоего стиха,
Раненой птицей бьется
В ней поэта душа;
В скорбный наш день вчерашний
Строфа открывает дверь:
Там отзвук стонущей башни
И невозвратных потерь...
Болью и холодом дышит
Бишкекская колыбель;
Над могилой матери свищет
Страданий твоих метель.
Но чередой испытаний
Не омрачит судьбу,
Плоды благотворных деяний
Твоих рассекают тьму;
Вехи, явления, мгновенья
В стихотвореньях живут...»

Марьям Льянова пишет на русском языке, и потому творчество поэтессы известно ценителям поэзии не только в Ингушетии, но и в других регионах страны. Ее творчество, как и других северокавказских национальных поэтов, пишущих свои стихи на русском языке, является ярким примером постсоветской культурной идентичности, ибо она творит в контексте высоких образцов поэзии советского периода истории.

Общественно-политические процессы последних десятилетий после распада СССР закономерно вызвали к жизни проблемы, связанные с желанием миллионов людей сохранить бесценный опыт гуманизма, интернационализма и совместного участия в создании духовных ценностей великой страны. Литература, как социальный феномен наравне с другими общественными институтами

активно вовлечена в этот процесс. Особенно ярко эти обстоятельства проявляются в творчестве писателей и поэтов-билингвов и тех, кто выбрал языком своего творчества русский язык. Они пытаются найти и сохранить черты постсоветской идентичности, эти поиски осуществляются активно и в национальных литературах Северного Кавказа. В этом отношении творчество Марьям Льяновой представляет большой интерес, как для читателей, так и для исследователей. Она сумела представить образный мир родной словесности и культуры посредством русского языка для широкого читателя, ее творчество направлено на сближение культур народов Северного Кавказа.

«Пройдут века, растают, словно тени,
Благие и плохие времена,
Но памятью грядущих поколений
Возвысятся великих имена!»

Это обращение Марьям Льяновой к современникам призывает их оставаться людьми при любых обстоятельствах, творить добро и красоту.

МАГАС – УМНЫЙ ГОРОД

По свидетельству летописца Джувейни, глубокой осенью 1238 года Менгу-хан, посланный ханом Бату во главе монгольского войска, покорившего Среднюю Азию и Восточную Европу, от силы которого содрогались величайшие земли, стоял у белых стен «Города Солнца», одного из самых крупных и богатых городов Кавказа. Бату понимал, что, захватив Магас, он получит полный контроль над всем Кавказом, но не представлял, насколько сильным окажется противостояние. При осаде города сопротивление было оказано настолько яростно до последнего воина, что разъяренные монголы от города оставили лишь пепел [2, с. 60]. Хан Бату с гордостью докладывал верховному хану Угедею: «Силою Вечного Неба и величием государя и дяди мы разрушили город Мегет (Магас) и подчинили твоей праведной власти одиннадцать стран и народов» [1, с. 87].

Спустя сотни лет Магас снова возродился на истоках своего прошлого. За короткий срок возрожденная столица Республики Ингушетия преобразилась и завоевала достойное место среди других городов России.

Современная Ингушетия стремительно развивается во всех направлениях. Большое внимание в республике уделяется культуре, здравоохранению и спорту. Инновационная и перспективная стратегия развития республики дает свои результаты. Была проведена масштабная работа по возрождению духовных ценностей и истории народа. В республике построены и введены в строй ряд культурных объектов.

В республике появляются высотные жилые комплексы, офисы, торговые центры, объекты культурного назначения, которые меняют облик городов. Меняются и сами города с оживленными улицами и динамикой жизни. Для жителей республики стали до-

ступны новые парки с фонтанами, спортивные и игровые площадки, досуговые центры и многое другое.

Особой гордостью ингушей, визитной карточкой республики является город с древним названием – Магас.

Магас является самым молодым городом в Российской Федерации, он заложен в 1994 г. Название этому городу дано в результате объявленного конкурса, в ходе которого было принято предложение известного ингушского историка Н.Д. Кодзоева.

С каждым годом город привлекает все больше желающих его посетить.

Итак, почему за Магасом закрепилось название «Умный город»?

При въезде в Магас стоят триумфальные Аланские ворота, возведенные в память о древней истории ингушей. Смотровая площадка Аланских ворот открывает удивительную панораму города. Аланские ворота стали визитной карточкой Магаса и Ингушетии.

С развитием туризма в центре столицы современной Ингушетии были построены гостиничные комплексы со всеми удобствами, как для отдыха, так и для проведения деловых встреч. В городе открыты банкетные залы для свадебных торжеств, которые расположены в самом красивом и живописном уголке города, а также множество ресторанных комплексов, позволяющих оценить особенности национальной кухни.

Магас является центром студенческой молодежи. Здесь находится Ингушский государственный университет. Ежегодно открываются новые университетские комплексы, дающие возможность получить инновационное образование по всем российским и международным стандартам. В Магасе находятся несколько учебно-лабораторных корпусов университета.

Для сохранения и приумножения культурного и документального наследия народа возведена научная библиотека университета, оснащенная современными технологиями.

Самым высоким строением в Магасе является 100-метровая башня, возведенная на площади «Алания», в центре столицы Ингушетия, в стиле средневековой ингушской башни. В башне рас-

положен историко-этнографический музей, а также зал заседаний Совета старейшин (Мехк-Кхел) – древнего совещательного органа ингушей. Башня оснащена круговой, смотровой площадкой. Каждый желающий может посетить башню и музей, где его будет ждать увлекательный рассказ об истории ингушских башен, культуре и искусстве, жизни и быте ингушского народа.

В последние годы в Магасе успешно реализованы самые смелые современные, инновационные проекты, которые принесли в город уют и комфорт. Столица Ингушетии не отстаёт и в развитии своего концепта умного города, внедряя новые технологии [5, с. 168].

Особой гордостью среди реализованных проектов являются останочные павильоны, которым нет аналогов в мире. Остановки оборудованы светодиодным освещением, кондиционером, автоматическими откатными дверьми с двух сторон, пандусом для передвижения людей с ограниченными возможностями здоровья, теплым полом и скамейками с подогревом, электронными библиотеками. Все остановки имеют исторические названия: «Алания», «Нарт», «Дзурдзуки» и т.д.

Для популяризации в республике велоспорта в Магасе проложена велодорожка и организованны велопарковки. Велодорожки также являются идеальным вариантом для использования в будущем велотакси на солнечных батареях. Экологически безопасный, бесшумный способ перемещения по городу вызвал большой интерес. Это отличный вариант экскурсии и передвижения по большим зонам, закрытым для транспорта. Нет сомнения в том, что велокебы займут свою маленькую нишу в городской транспортной структуре.

В Магасе установлены электронные библиотеки, изготовленные по специальному заказу мэрии города. Любой желающий с помощью планшета или смартфона через специальный код может загрузить интересующую его книгу.

Еще одной новинкой Магаса являются «умные» скамейки с подогревом. Они установлены в парках, скверах и на городских проспектах. Всего таких скамеек 20 штук. Эти скамейки «уме-

ют» раздавать Wi-Fi, заряжать телефон. В каждой есть по четыре USB-разъема, а также они имеют встроенную ночную подсветку и автоматическую регулировку температуры. Как и все инфраструктурные новшества Магаса, работают на солнечных батареях. Скамейки проектировались как «антивандальные», поэтому хорошо переносят достаточно сильное механическое воздействие.

В каждом городском таксофоне есть планшет, с помощью которого можно отправить вопрос на мобильный телефон мэра. По словам местных жителей, с ответом не приходится много ждать – из администрации перезванивают в течение получаса [4].

В Магасе появилась еще одно новшество – «умные» телефонные будки. Помимо обычного телефона в будке есть бесплатный Wi-Fi, подзарядка для телефонов, кнопка вызова такси и даже терминал для пополнения баланса на телефоне. Электроэнергию такие таксофоны получают от солнечных батарей. Всего таких будок в городе десять, установлены они по улицам Зязикова, Гагиева, Кулиева, на Аллее Матери и сквере имени Е.И. Крупнова.

Изюминкой города стал и новый арт-объект – «Зонты ожидания», установленные для пешеходов на центральном перекрестке и оживленных улицах. Под таким зонтиком можно укрыться от дождя или от палящего солнца, пока горит красный свет светофора. Они пользуются большой популярностью не только среди жителей, но и среди туристов. Планируется на каждом таком зонтике QR-коды, по которым можно будет загрузить на телефон правила дорожного движения.

Мэрия города Магас предусмотрела ряд проектов, которые позволили бы помочь малообеспеченным жителям города. Одним из таких решений было установление терминала для сбора одежды и игрушек, где любой желающий может оставить неиспользуемую одежду и игрушки. Терминал состоит из двух отсеков, оснащен солнечными батареями и датчиками, которые отслеживают его наполнение.

Чистоту в городе обеспечивает современная усовершенствованная многофункциональная уборочная техника. Установлены подземные мусорные баки, которые значительно упростили про-

цесс вывоза мусора, а также современные мусорные урны раздельного сбора мусора, особенность которых заключается в дополнительном отсеке для мучного [3].

В Магасе в нескольких микрорайонах появились домики для бездомных кошек. Каркас домиков сделан из массива дерева, использован утеплитель. Пол у домиков с подогревом. Температура пола всегда поддерживается на уровне 35–40 градусов, чтобы животным было тепло зимой.

Магас является одним из самых экологических чистых городов России. Для поддержания экологической чистоты города установлены эко-терминалы, оборудованные специальной системой приема энергосберегающих ламп и термометров, что позволяет подготовить и защитить общество от риска, который несет данная продукция.

Оригинальным было решение дать названия городских улиц на трех языках: ингушском, русском и английском.

Не остаётся без внимания городской власти развитие образования и спорта в столице. Завершено строительство самой большой школы в Ингушетии, рассчитанной на 1500 мест. В Магасе имеется городской стадион, баскетбольная площадка, теннисный корт, работает шахматная секция, несколько фитнес клубов, спортивные секции по дзюдо, боксу и смешанным единоборствам для детей. В столице построены современные бассейны. В городе функционируют Центр культурного развития, Ледовый дворец, позволяющие проводить масштабные, культурные мероприятия и творчески развивать детей.

Ведется строительство соборной мечети, которая должна стать центром города. Завершено строительство инвестиционного проекта «Сделано в Ингушетии» – главной торговой площадки республики для местных производителей [3].

В будущем планируется запуск в Магасе туристического трамвая, который будет выполнен по передовым технологиям и станет украшением города. Трамвай будет оснащен автопилотом и солнечными батареями, электронными библиотеками, кнопкой вы-

зова полиции и другими гаджетами, которые позволят сделать поездку комфортной.

Современный Магас стал достойным преемником своей древней истории, в котором чтут традиции и духовные ценности народа. Не забывая смотреть в будущее, реализовываются инновационные городские проекты.

Магас стремится стать умным городом будущего.

Литература

1. Пучковский Л.С. Заключительная формула в письмах иль-ханов Аргуна (1239 г.) и Ульдзейту (1305 г.) / Советское востоковедение. VI. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. 396 с.
2. *Мурудж аз-захаб* (Золотые истоки) об аланах, касаках и других народах Кавказа. Перевод В.Ф. Минорского // под редакцией А.Г. Новосельцева. Париж, 1861. 176 с.
3. Видеоматериал «Магас» от YouTube – канала «Россия Онлайн».
4. <https://etokavkaz.ru/amp/gorod/samyi-umnyi-chem-mozhet-udivit-magas> (дата обращения: 05.03.2021 г.).
5. Хубулова В.В. Магас – «умный» город: новое наследие как ресурс развития территории // Материалы Международной научно-практической конференции «250 лет единения Ингушетии с Россией: время, события, люди. Магас, 2020.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Агиева Лемка Тугановна – ученый секретарь Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, кандидат философских наук (г. Магас, Республика Ингушетия).

Акиева Петимат Хасолтовна – ведущий научный сотрудник отдела «История Ингушетии» Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, доктор исторических наук (г. Магас, Республика Ингушетия).

Биттирова Тамара Шамсудиновна – ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», доктор филологических наук (г. Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика).

Бурков Сергей Борисович – старший научный сотрудник Института истории и археологии РСО-Алания (г. Владикавказ, Республика Северная Осетия – Алания).

Ганиева Роза Хаматхановна – старший научный сотрудник отдела «Ингушская этнология» Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, директор Центра психологической помощи и психологической посткризисной реабилитации, член Ассоциации психологической помощи мусульманам, кандидат психологических наук, профессор (г. Магас, Республика Ингушетия).

Ганижева Марем Ахмедхановна – студентка III курса исторического факультета Ингушского государственного университета (г. Магас, Республика Ингушетия).

Гасанов Гаджи Нуру оглу – зав. отделом новой истории Азербайджана Института истории национальной академии наук Азербайджана, кандидат исторических наук, доцент (г. Баку, Азербайджан).

Долгиева Марем Белановна – профессор кафедры истории Ингушского государственного университета, зав. отделом «История Ингушетии» Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, кандидат исторических наук (г. Магас, Республика Ингушетия).

Дударов Абдул-Мажит Мурадович – старший научный сотрудник отдела «История Ингушетии» Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, кандидат исторических наук (г. Магас, Республика Ингушетия).

Дзаурова Танзила Абдул-Хамидовна – научный сотрудник сектора «Культурно-историческое наследие Ингушетии» отдела «История Ингушетии» Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева (г. Магас, Республика Ингушетия).

Зангиева Джамиля Абдулхамидовна – студентка IV курса исторического факультета Ингушского государственного университета (г. Магас, Республика Ингушетия).

Кафарова Зейнаб Агамаммад гызы – ведущая научная сотрудница отдела истории Азербайджана Института истории Национальной Академии наук Азербайджана, кандидат исторических наук, доцент (г. Баку, Азербайджан).

Кодзоев Аслан Юсупович – руководитель Ингушского общественного центра гуманитарных исследований «Кистиния» (г. Магас, Республика Ингушетия).

Кодзоев Нурдин Даутович – зав. сектором «Культурно-историческое наследие Ингушетии» отдела «История Ингушетии» Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева (г. Магас, Республика Ингушетия).

Койчуев Аскербий Дагирович – профессор, советник при ректоре КЧГУ имени У.Б. Алиева, доктор исторических наук (г. Карачаевск, Карачаево-Черкесская Республика).

Куёк Марьет Гиссовна – ведущий научный сотрудник отдела этнологии и народного искусства Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. Керашева, кандидат искусствоведения (г. Майкоп, Республика Адыгея).

Магеррамов Эльмар Али оглу – научный сотрудник Центра информации Института истории Национальной академии наук Азербайджана, кандидат исторических наук, доцент (г. Баку, Азербайджан).

Малашев Владимир Юрьевич – старший научный сотрудник отдела скифо-сарматской археологии Института археологии Российской академии наук, кандидат исторических наук (г. Москва).

Нарожный Виталий Евгеньевич – независимый исследователь, кандидат исторических наук (г. Армавир, Краснодарский край).

Нарожный Евгений Иванович – профессор кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева», доктор исторических наук (г. Карачаевск, Карачаево-Черкесская Республика).

Нифталиев Рамиль Юзахмед оглы – ведущий научный сотрудник Института истории имени А.А. Бакиханова Национальной Академии наук Азербайджана, доктор философии по истории (г. Баку, Азербайджан).

Прокопенко Юрий Анатольевич – профессор кафедры социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета, доктор исторических наук (г. Ставрополь, Ставропольский край)

Султанбеков Рабадан Магомедович – доцент кафедры истории Дагестанского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук (г. Махачкала, Республика Дагестан).

Текеева Лариса Кичиевна – доцент кафедры истории России КЧГУ, кандидат исторических наук (г. Карачаевск, Карачаево-Черкесская Республика).

Цароева Марет Гайсултановна – доктор по истории религий и по этнологии, ассоциированный исследователь Главной лаборатории Франции по изучению монотеистических религий (CNRS-Sorbonne-EPHE) (г. Париж, Франция).

Чотчаев Дахир Джансохович – старший преподаватель кафедры истории России КЧГУ (г. Карачаевск, Карачаево-Черкесская Республика).

СОКРАЩЕНИЯ

ГААР – Государственный архив Азербайджанской Республики

ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Российского археологического общества

ЗКВ – Записки Коллегии востоковедов

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

РА – Российская археология

СА – Советская археология

СМИЗО – Сборник материалов по истории Золотой Орды

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Кодзоев Н.Д. О местонахождении средневекового Магаса на территории современной Ингушетии.....	6
Бурков С.Б. Деятельность Инспекции по охране памятников при Министерстве культуры Ингушетии по изучению и сохранению памятников археологии в зоне строительства г. Магаса в 1995–1997 гг.	19
Бурков С.Б., Прокопенко Ю.А. Комплекс предметов с территории строительства левобережного участка подъездной дороги к г. Магасу (исследования 1995 г.).....	25
Малашев В.Ю. Могильник «Экажевские 1-е курганы» – некрополь воинской элиты городища «Ачим-Боарз».....	34
Нарожный Е.И. Где же находился город Магас?	39
Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. О некоторых видах вооружения XIII–XIV вв. из высокогорной Ингушетии.	51
Прокопенко Ю.А. Традиции и инновации, касающиеся оформления мечей, в воинской культуре населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э.	64
Дзаурова Т.А.-Х. Обработка камня и барельефная резьба по камню у ингушей.	68
Акиева П.Х. Происхождение алан: борьба научных гипотез.	94
Цароева М.Г. О некоторых древнеингушских племенах Кавказской Албании.....	106
Дударов А.-М.М. Ингушизмы в топонимии Осетии.....	124
Агиева Л.Т. Курхарс – головной убор ингушских женщин древности и Средневековья.....	135

Гасанов Г.Н., Кафарова З.А., Магеррамов Э.А. Землеустроительные вопросы в азербайджанской деревне в 20-е годы XX века.	148
Нифталиев Р.Ю. О роли П.А. Ладинского в подготовке аграрных реформ на Кавказе.	156
Ганиева Р.Х. Психологическое консультирование в этнокультурном и духовном контексте клиента (разбор случая).	164
Куёк М.Г. Современное искусство Кавказа в арт-пространстве виртуальной реальности.	188
Койчуев А.Д., Текеева Л.К., Чотчаев Д.Д. Горцы Северного Кавказа – участники партизанского движения на территории Белоруссии. 1941–1944 гг.	193
Долгиева М.Б., Зангиева Д.А. Героический путь 255-го Чечено-Ингушского кавалерийского полка.	204
Султанбеков Р.М. Роль Гайдара Баммата в становлении и развитии отношений Горского правительства и Азербайджанской демократической республики (1918–1920 гг.)	210
Кодзоев А.Ю. Тема черкесской трагедии в ингушской эмигрантской литературе (на примере романа турецкого ингуша, потомка мухаджиров конца XIX в. Садеттина Джанполата «Серебряный кинжал»).	221
Биттирова Т.Ш. Марьям Льянова: поэзия величия и нежности. .	233
Ганижева М.А. Магас – умный город.	240
Коротко об авторах	246
Сокращения	249

Муниципальное образование «Городской округ город Магас»

**ГБУ «Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева»**

Научное издание

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
«МАГАС: ДРЕВНИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ»**

(г. Магас, Республика Ингушетия, 12 апреля 2021 г.)

Ответственные редакторы:
Н.Д. Кодзоев, М.Б. Долгиева

ООО «Южный издательский дом»
344029, г. Ростов-на-Дону, пр. Сельмаш, 90а/17б,
тел.: (863) 200-02-73, 200-02-74
Бумага офсетная. Печатных л. 12. Тираж 200 экз.